

**И. Н. Андрушкевич**

# **МАКРОПОЛИТИКА**

**(Теория политики)**

**Буэнос-Айрес**

**2020**

*Посвящяю Анне Атильевне*

# Содержание:

Предисловие автора	5
Теория политики	7

## I. Государство и его элементы

1. Государство	13
2. Верования	16
3. Верховная власть	19
4. Гражданское общество	20
5. Конституция	22
7. Основные функции государственных органов в исторической перспективе	23

## II. Модели и прообразы

1. Республика и демократия согласно Аристотелю	32
2. Зарождение и развитие демократии в Афинах	40
3. Происхождение и эволюция выражений «диктатор» и «диктатура»	49

## III. Искажения и вырождение

1. Коренные противоречия западной цивилизации	57
2. Три мифа о демократии	62
3. Метаморфозы демократии	63
4. Кризис клептократий	75

# Предисловие автора

Идея издания настоящего сборника статей на темы политической теории зародилась весьма давно, а её осуществление было невероятно сложным.

Вскоре после моей свадьбы в январе 1958 года, перед началом учебного года в Русской эмиграции в Южной Америке, меня с моей женой посетила делегация преподавателей Русской Субботней Школы и Гимназии в Большом Буэнос-Айресе. Учебный год в этой школе всегда начинался в первую субботу после Православной Пасхи. Эта Школа и Гимназия была организована несколько лет до этого русской эмигрантской молодёжной организацией ОРЮР (Организация Российских Юных Разведчиков), под активным и компетентным руководством Георгия Львовича Лукина, при активном содействии его супруги Маргариты Николаевны, которые к этому моменту уехали на пару лет в Швейцарию по работе.

Преподаватели меня просили преподавать в Гимназии русскую историю для учеников старшего класса Гимназии, возрастом от 17 до 19 лет, на русском языке. Я сперва наотрез отказался, ибо мы с женой еще не успели как следует обосноваться. У нас даже не было постоянной собственной квартиры. Кроме того, у меня на работе к этому времени как-раз наступили большие перемены, которые требовали от меня работать как минимум девять часов в день. Однако, преподаватели настаивали, ибо больше некому было предложить преподавать русскую историю. Тут вмешалась моя жена, которая всегда присутствовала при моих деловых разговорах, и она меня уговорила согласиться преподавать русскую историю в русской Гимназии ОРЮР. Она затем в подобных случаях всегда занимала аналогичную позицию, несмотря на мои протесты, повторяя известные слова Солоухина: «**А если не я, то кто?**»

Так я стал с мая 1958 года каждую субботу давать по два урока по 50 минут русской истории ученикам старших классов Гимназии ОРЮР. Я беспрерывно (и безвозмездно) преподавал в течение 32 лет русскую историю в этой Гимназии, что для меня было не легко, ибо я очень много и тяжело работал в течение недели.

Со временем Дирекция Гимназии уточнила программу моего предмета. Я должен был преподавать русскую историю **с основания Русского Государства, до царствования императора Петра Великого**. Императорский период преподавал другой преподаватель. Я должен был сперва хорошо объяснять общую историю славян вообще и восточных славян в частности. Кроме того, в течение всей этой двухлетней программы я должен был преподавать параллельно и одновременно также и **основы государственоведения**. Два года я тоже временно преподавал отдельно и Закон Божий, по благословию Архиепископа Леонития, ибо не могли найти нужного священника.

Вскоре выяснилось, что в Гимназии ОРЮР нет никаких учебников ни по русской истории ни по государственоведению. Со временем, учебники русской истории раздобыли, но по государственоведению не могли ничего найти. Тогда у меня впервые и появилась идея написать и издать пособие по этому предмету. Я сперва написал его подробную программу, которая затем была опубликована в местной русской печати, и по ней преподавал этот предмет.

Со временем также возникла идея делать специальные доклады для молодёжи, с последующими дискуссиями, на эту тему. Один из таких докладов-бесед, случайно сохранившийся, на тему «**Теория политики**» служит предварительной статьей для настоящего сборника.

Со временем я стал регулярно писать статьи и передовицы для местной русской газеты «Наша Страна». У меня тогда появилась идея, иногда писать статьи на отдельные темы государственоведения. Затем, моя жена высказала мысль, что эти статьи можно собрать в отдельную брошюру. Так идея издания сборника на тему «**Макрополитика**» впервые приняла конкретные формы.

Однако, затруднения по работе, а также и трудности, вызванные разными русскими эмигрантскими общественными нагрузками, постоянно оттягивали реализацию этого проекта. Лишь с моим выходом на пенсию в 1990 году я смог заняться также и подготовкой этого сборника.

Таким образом, к 1993 году я закончил поготовку сборника «Макрополитика» и написал мое предисловие автора к нему, но я не мог найти издателя для него. Я даже тогда написал об этом в моей краткой автобиографии.

Через много лет, в прошлом 2019 году, во время моей сердечной болезни, я случайно нашел среди моих старых журналистических бумаг лист с содержанием «Макрополитики» и с моим тогдашним посвящением этого труда моей супруге Анне Атильевне, без которой я бы вообще не мог его реализовать.

Так я решил сам издать «Макрополитику» электронным способом, и поместить этот труд на мой личный блог, который ведет мой старший сын проф. Н. И. Андрушкевич. Однако оказалось, что весь прежний текст «Макрополитики» был первоначально мною написан на тогдашнем русском заграничном шрифте «Свобода», который сегодня больше не находится в упорблении и который я не мог перевести на современные шрифты.

Так я решил сохранить в основном прежнее содержание тем «Макрополитики», но почти все прежние статьи заменить моими новыми статьями на эти-же темы, опубликованные в течение последних 14-и лет в «Русских тетрадах». В этом есть и некоторое преимущество, ибо эти новые статьи имеют более полную научную информвцию, из-за спцифичности «Русских тетрадей», которые все тоже помещены на моем блоге,

*Буэнос-Айрес, 18 июня 2020 г.*

***И. Н. Андрушкевич***

# Теория политики

## Значение политики

В наши дни говорить о политике трудно, ибо даже само слово политика очень часто воспринимается как синоним чего-то плохого или грязного. Однако, как раз в наши времена, иногда небесполезно задуматься поглубже над самыми обыденными и, казалось бы, привычными явлениями, для того, чтобы проверить на деле, является ли привычное нормальным. Поэтому можно поставить следующий вопрос: **отталкивание от политики не является ли чьей-то политикой?** Другими словами, если мы будем заранее отказываться от политики и от разрешения политических проблем, хотя бы в области теоретической, то не будет ли это самая плохая политика, а именно **политика капитуляции?** Вообще, аполитичность есть тоже своего рода политика.

Да и сам человек не может никогда полностью отказаться от политики, потому что он по своей природе **существо политическое**. На Западе очень любят пользоваться двумя определениями: человек – общественное животное (по Аристотелю) и человек – рациональное животное. Но оба определения можно сократить в одно, сказав, что человек – **существо политическое**. В действительности у Аристотеля так и сказано («*антропос эсти политикон зоос*»), да и общество в древнем мире мыслилось только в рамках «полиса». Что же касается «рациональности» человека, то этот термин происходит от «речи», по-латыни «*ратио*», так же как «логичность» происходит от «глагола» или «логоса». Где же глаголать человеку, как не в городе, в обществе? Сократ говорил, что ему нечего делать в поле, ибо он не дерево и не животное, но ему есть что делать в городе, с людьми, с себе подобными.

Город и есть новое, человеческое измерение пространства: вместо бесконечного поля – **поле ограниченное, огороженное**, город. В городе человек поворачивается спиной к полю и смотрит в лицо своим согражданам, смотрит в центр города, на городскую площадь. Там и развивается политическая жизнь, но также и цивилизация, ибо «*civis*» и есть город. Даже школа имеет политическое происхождение: только оградившись стенами города, в полисе, человек может организовать свой досуг, а досуг (по-латыни «*отиум*» и по-испански «*осио*») по-гречески и есть школа, «схолэ».

Когда человек, благодаря достижениям цивилизации, может оторваться хотя бы временно от активной борьбы за жизнь, он во время своего завоеванного досуга творит дальше цивилизацию, замыкая таким образом спираль усовершенствований, что и есть школа. В противоположность возделыванию полей, земледелию (*agricultura*), в полисе человек «глаголя» культивирует свой собственный дух. (Испанский философ начала XVI века Хуан Луис Вивес впервые употребил слово **культура** в нашем современном понятии, но именно как «культура духа», «*cultura animi*». Это и дает историческое обоснование нашему русскому толкованию этого термина, как раз в смысле «**культуры духа**», в противоположность западному толкованию, часто почти не отличающему культуру от цивилизации).

Отрицание политики очень часто сопровождается отрицанием и школы, а отрицание школы и есть «**нег-отиум**» (буквально: «*отрицание досуга, школы*») «*Неготиум*» это просто дело, «бизнес». Поэтому, когда голый активизм и материалистический экономизм (будь то с упором на накопление, распределение или производство) вытесняют культуру и школу (в высшем смысле этого слова), тогда и человек как существо политическое вырождается и перестает быть полноценным гражданином..

## Что такое политика?

Политика является одновременно **искусством, наукой и техникой**. Но в данном случае мы попытаемся подойти только лишь к самой сущности политики, не останавливаясь на её разнообразных формах проявления в жизни. По Козьме Пруткову, нужно **«зреть в корень»** дела. (На современном философском языке, Ортега-и-Гассет это называет «видеть коренную реальность»).

Если политика происходит от «города-государства», то, казалось бы, политика и будет наукой, искусством, техникой для создания и сохранения государства, и вообще **«деланием исходя из государства»**, fare dallo Stato. Но кто создает государство, кто является его субъектом? Да и само государство является ли настоящим деятелем истории, в которой оно движется?

Государства создаются народами, и народы же являются настоящими деятелями истории, как это правильно отметил в свое время А. С. Хомяков. (Хомяков говорит, что народ это *«единственный и постоянный действователь истории»*, однако, вместо слова «действователь» я употребляю слово «деятель», следуя в этом случае терминологии Н. Лосского. Называя народ «деятелем», в согласии со своим учением о субстанциальных деятелях, Н. Лосский говорит, что *«каждый народ есть живое органическое целое, во главе которого стоит Личность народа, субъект всей народной жизни»*).

Поэтому **политика относится к государству, но имеет свою целью не само государство, а народ**. Не могу не привести тут несколько выражений на эту тему испанского философа Ортега-и-Гассет: *«Если бы было необходимо определить политику одним лишь свойством, я бы не колеблясь предпочел следующее: политика - это значит иметь ясное представление о том, что должно быть сделано в нации при помощи государства»*. И дальше: *«Ибо действительная историческая реальность – это нация, а не государство... Государство – это только инструмент для национальной жизни... Политическая мысль должна подойти с другой стороны к этому вопросу (а именно): как организовать государство, чтобы нация усовершенствовалась?... Большая политика сводится к приведению народного организма в такое положение, чтобы он мог действовать сам по себе»*, («fare da se», а не «fare dallo Stato»). И наконец: *«Государство совершенно, когда оно, предоставляя себе минимум необходимых преимуществ, содействует жизненности (витальности) граждан»*. (1)

Выяснив таким образом цель политики, теперь необходимо также выяснить ее основную функцию. Эта основная функция политики заключается в **собрании, интегрировании** граждан государства в народном организме.

В каждом языке имеются некоторые особо меткие, точные, но в то же время полные глубокого смысла слова, только этому языку присущие. Так, например, у нас есть замечательное слово **«соборность»**, от «собирать». В романских языках такого ясного, глубокого и красивого слова нет. В области религии оно заменяется у них им непонятым, или, вернее, неправильно понимаемым словом «католичность», но это другая тема. Зато в испанском языке есть другое производное слово от глагола «собирать», juntar, а именно: Ayuntamiento, что значит и собрание людей, и собрание домов, и просто «муниципалитет». Так оно и есть: **собрание людей и собрание домов** и есть город, муниципалитет.

В древних Афинах само зарождение города связывалось с таким собранием домов и людей, которое называлось *«синекия»*, что значит **«сожительство»** («син» это «со», а «экос» это «дом»). Момзен, получивший в начале XX века Нобелевскую премию по литературе за свою **«Историю Рима»**, говорит: *«История каждой нации... это широкая система синекизма»*. В дальнейших изданиях слово «синекизм» переводится как «включение», «инкорпорация».

Это интеграционное начало лежало также в основе многих народных учреждений древнего Рима. Возможно, что название первых римских народных учреждений,

«курий», происходит от того же корня, что и «со-бир-ать», т. к., по-видимому, «курия» это сокращение от «ко-вир-ия»). (2)

Собрание домов производится так, чтобы в середине осталось место для собрания людей: площадь, форум, агора, двор. У нас в Киеве и в Новгороде вече собиралось на «**дворе у Святой Софии**», причем в обоих городах эти места назывались «**Ярославль двор**», а в Киеве также и «**великий двор**». Это последнее название указывает на возможность существования и других, «малых» дворов, для той же цели: для общественных собраний и для ведения «речи», беседы. В Киеве даже было урочище под названием «**Пасынча беседа**», т. е. место для собраний и бесед «пасынков» (дружинников, воинов).

Таким образом, если слово «**политика**» этимологически происходит от слова «**город**», то смысл этого слова заключается в «**собранности**» граждан. Но для такой «собранности» недостаточно одной только **территориальной** (земской) концентрации, необходимо еще и **религиозное объединение**. Поэтому основание городов носило всегда религиозный характер, так же как и дальнейшее их существование ставилось в тесную зависимость от местных культов. Но не только религия в узком смысле слова, а вообще все **мироощущение** объединяло политически граждан между собой, было как бы общей почвой, **общим знаменателем** под всякими второстепенными разногласиями, могущими возникнуть в городе-государстве. Другими словами, политика, с одной стороны, возникла на почве **соборности верований** на определенной территории, а с другой стороны, имеет своей основной функцией творчески сохранять и развивать эту изначальную соборность верований.

Ф. М. Достоевский, в «Дневнике писателя» за 1880 год, высказывает следующим образом это чрезвычайно важное положение о начале национальностей:

*«При начале всякого народа, всякой национальности, идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности, ибо она же и создавала ее. Исходила же эта нравственная идея всегда из идей мистических, из убеждений, что человек вечен, что он не простое земное животное, а связан с другими мирами и с вечностью».*

Одна это фраза нашего действительно великого провидца и мыслителя заслуживала бы самого пространного изучения и анализа в рамках более широкого теоретического исследования о том, что такое политика, общество, народ и государство. В данном случае можно лишь отметить три момента: 1). Идея, создающая народы, является как бы «**идеей в квадрате**», так как это «нравственная идея, исходящая из идей мистических»; 2). Эта идея больше, чем мысль, она является «**убеждением**»; 3). Эта идея имеет **трансцендентный характер**, то есть она выходит за узко-человеческие рамки.

Такие «**трансцендентные убеждения – идеи в квадрате**» я и предлагаю для технического упрощения терминологии называть **верованиями**.

Отметив вкратце цель политики (**делание для народа при помощи государства**), её функцию (сохранение и развитие соборности народных верований), необходимо указать на одно золотое правило, которое должно ею руководить.

Это золотое правило относится к характеру власти в государстве. Дело в том, что «центром тяжести» всякого государства и всякой политики является власть. Митрополит Анастасий (второй первоиерарх РПЦЗ) говорил, что «**властвовать, как показывает самый корень этого слова в разных языках** (латинский potestas, французский puissance, английский power, а также немецкое Koenig, король) – **значит мочь**». Можно добавить, исходя из лингвистических исследований Ортеги, что от этого же корня «мочь» происходят не только немецкое Macht, английское may, might, но и римское magistratus. Таким образом, само имя, титул носителей государственной власти связано в своих истоках с идеей мощи, силы. И в конечном итоге, все проблемы политики сводятся к проблеме применения этой силы, крепости, «кратос»-а в человеческом обществе. Превосходная степень этого применения силы достигается тогда, когда сила стоит на службе всего общества, не одаряя привилегиями самих её носителей. И, кроме того, когда



эта сила базируется не сама на себе, а на источниках трансцендентного характера, **то есть когда она исходит из источников, находящихся вне внутри-общественных комбинаций.** Такая власть будет легитимной. Если же власть будет оправдывать себя только лишь своей эффективностью и иметь своим источником лишь согласие большинства, то это будет легитимностью второго сорта. Кроме того, существует еще несколько разных типов нелегитимной власти.

Вопрос о легитимности власти является самым важным вопросом для теории политики и заслуживает самого подробного разбора. В моей статье «Монархия будущего» («Наша Страна» № 1049 от 31-го марта 1970 г.) я вкратце касаюсь этого вопроса. В данном случае, нет возможности дальше останавливаться на этой теме, так как она была затронута только для того, чтобы указать на вышеупомянутое золотое правило политики, которое можно выразить следующим образом: **«Политика должна постоянно и неуклонно стремиться к увеличению и консолидации легитимности государственной власти».**

## Пути анти-политики

Учитывая вышеизложенные определения необходимых атрибутов настоящей политики, сравнительно легко выяснить признаки плохой политики или же просто анти-политики.

Анти-политика отличается от политики отклонением, несоблюдением или извращением указанных атрибутов, которые и являются лакмусовой бумагой для того, чтобы отличать политику от анти-политики.

Анти-политикой будет всякая тенденция усовершенствовать государство **за счет народа, превратить народ в инструмент для государства.** Другими словами, поставить соотношение народ-государство вверх ногами.

Анти-политикой также будет всякое стремление к устранению или к недопущению легитимного начала власти в государстве. Оправдание самой государственной власти одной лишь нуждой администрирования **без учета высших судеб страны,** в свою очередь исходящих из народных верований, тоже будет анти-политикой.

Но самую широкую практику анти-политики в наши дни мы наблюдаем в области борьбы с верованиями.

В моих статьях «Сущность современных идеологий» («Наша Страна» № № 1105, 1106, 1107 от 27.4, 4.5 и 11.5.71) я довольно подробно указываю на разные типы идей, существующих в человеческих обществах. Идеи глубокие, почвенные, как бы прирожденные, хотя иногда и подсознательные, это – верования. Идеи же служебные, частные, придуманные, как рабочие гипотезы для разрешения тех или иных человеческих временных проблем, это – идеи-домыслы. Между этими двумя разнородными типами идей существует еще как бы промежуточный тип: это коренные или живые идеи, которые хотя и принадлежат к типу идей-домыслов, но базируются или исходят из верований. Теперь для краткости и для удобства я их предлагаю упрощенно называть «традициями».

Так вот, вытеснение верований и традиций в государстве путем массированного внедрения разных доммыслов, идеологий или просто «измов» является одним из основных путей современной анти-политики. Для этого применяются следующие методы:

1. Подмена соборной политики партийностью. Где брали верх партии, там всегда рано или поздно умирал «полис». Место политики занимало политиканство.

2. Инсценировка борьбы между «измами», причем так, как будто бы никаких верований вообще нет. Затем, народ вынужден «выбирать» между лансированными вариантами «измов». Выборы превращаются в опцион между суррогатами разных видов.

3. Если верования нельзя еще совсем «сдать в багаж», то тогда иные «измы» наряжаются временно в некоторые из внешних атрибутов верований, для обмана и приманки.

4. Если же верования оказываются сильными, и даже преодолевают отрицательную сторону этих «измов», находя здоровый синтез с имеющими относительную ценность служебными идеями-гипотезами технического характера, тогда анти-политика напрягает все свои силы для того, чтобы любыми средствами такому синтезу воспрепятствовать. (Например, убийство Столыпина).

5. Если же синтез все-таки достигнут, или по крайней мере взято правильное на него направление, то тогда анти-политика стремится сделать это достижение временным, путем извращения этого синтеза всеми способами. Подменить и скомпрометировать – вот излюбленная техника в данном случае. Для иллюстрации, можно условно привести два современных примера: первоначально выраженное стремление Латинства к сближению с Православием превратилось в сближение с Реформаторством, стоящим в противоположном от Православия направлении, а попытки поисков «третьего пути» для выхода из современного международного кризиса (пути немарксистского и нелиберального) с самого начала вылились в то, что теперь известно под именем «третьего мира».

## Что делать?

Каким же способом можно попытаться преодолеть анти-политику? Что для этого надо делать? Ответить на эти вопросы не так легко. Даже можно сказать, что лёгкие и упрощенные ответы и будут одним из проявлений анти-политики.

Дело в том, что **политика – это часть самой жизни человека**, хочет ли он этого или нет. А все, что является частью жизни, по самой своей природе имеет сложный характер. Подходить к жизни, к истории, к политике с четкими и ясными схемами, как в геометрии, невозможно. Вообще легче достигнуть ясности в точных науках, чем в науках исторических. Поэтому мы гораздо больше видим «ясных голов» в науках, чем в политике. Математические науки занимаются проблемами вне пространства и вне времени, физические науки занимаются проблемами в пространстве, а исторические науки занимаются проблемами в человеческом измерении времени. (В минеральном мире практически нет времени). Но проблемы во времени имеют сложный характер хотя бы потому, что в историческом времени сосуществуют вместе и настоящее, и прошлое, и будущее, причем их соотношение не поддается точному измерению. Вообще же человек, как говорит Ортега, живет не в природе, как животное, а в истории.

Поэтому в политике надо опасаться простых объяснений, упрощений и вообще чётких схем. Уже не одна диктатура была построена на четких схемах. В жизни могут быть вехи, направления, контуры, но не четкие схемы (как «Die erste Kolonne marschiert» в «Войне и Мире»). Человек по своей природе свободен, и поэтому его можно только силой втиснуть в схему. Он не может жить в схеме, так же, как он не может жить в муравейнике, пусть даже хрустальном.

Политика должна носить собирательный характер, должна стремиться к синтезу. Даже можно сказать, что **синтез и есть задание политики**. Но в поисках синтеза никоим образом нельзя упускать из виду два необходимых условия для его достижения. 1). Невозможно обойтись без почвы, без исторических корней при любом политическом построении. 2). Невозможно достигнуть синтеза со злом.

Обойтись без почвы, без исторических корней в политике невозможно потому, что, как выше сказано, это бы противоречило самой природе, самой сущности этого проявления человеческой жизни. Нельзя отрезать прошлое от настоящего. То есть можно, но лишь путем насилия. Но это не будет политика, потому что **политика чисто технически является таким расположением сил в человеческом обществе, при котором не должно быть насилия внутри этого общества, разве что для удаления соборно признанного зла из его среды**. Значит, преодоление анти-политики требует отвержения таких политических рецептов, которые исходят из одной теории, без учета реальной исторической почвы и традиций, пустивших корни в эту почву, ибо эти рецепты

могут быть осуществлены только путем насилия. Беспочвенной политики нет, ибо беспочвенная политика это и есть анти-политика.

Что же касается невозможности синтеза со злом, то, несмотря на всю очевидность этого положения, оно все же слишком часто забывается. Все особенно «хитрые» и «ловкие» приемы «временного» попустительства по «тактическим причинам» или «выгодам» являются, в лучшем случае, просто наивностью. А тут необходимо еще одно добавочное определение: **политика несовместима с наивностью**. В политике тоже необходимо отсеивать семена от плевел. А для преодоления наивности очень помогает понимание путей и методов, которыми пользуется анти-политика, и которые я выше частично перечислил.

Что касается России, то **нет русской политики без достижения синтеза с нашими тысячелетними историческими традициями**. Мы не можем отбросить ни Новгород, ни Киев, ни Владимир, ни Москву, ни Петербург, но мы можем принять любую служебную технику, если она не идет против наших верований и традиций. На эту тему можно привести слова Достоевского из программной статьи журнала «Время»: **«Наша задача – создать себе новую форму, нашу собственную, родную, взятую из почвы нашей, взятую из народного духа и из народных начал»**. Однако, это не значит, что необходимо отмечать все чужое только потому, что оно чужое: **«Характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий... Русская идея, может быть, будет синтезом всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа, в отдельных своих национальностях»**.

Но центральное место в этом синтезе должна занимать наша **Русская Правда**, ибо **«Сион спасется правосудием, и обратившиеся сыны его – правдою»** (Исаия, 1, 26).

-----  
1. Известный французский специалист по вопросам стратегии, генерал Боффер, в своем докладе о «Политике, стратегии и их соотношениях», прочитанном в Буэнос-Айресе 9-го ноября 1971 г., определил «большую политику» как «все то, что касается интересов города-полиса», и как «общую ориентацию деятельности государства». В свою очередь, «малая политика» включает в себя «действия, направленные на завоевание общественного мнения и на достижение избирательных успехов». Однако такое определение является ограниченным, ибо оно не выходит за рамки формального описания содержания политики, и ничего не говорит ни о ее истоках, ни о ее задачах. Современные технократические описания методов очень часто упускают из виду, что метод – это «путь к цели» (мета-одос), то есть дорога, которая куда-то метит. Нельзя же описывать дорогу, ничего не сказав, откуда и куда она ведет. Точно так же недостаточно говорить об «общей ориентации деятельности государства», не сказав, по отношению к чему происходит такая ориентация, ибо нет ориентации без «ориента» (востока).

2. См. мою статью «Сущность современных идеологий», «Наша Страна» № 1107 от 11.5.71. Вообще мы часто очень мало знакомы с происхождением и первичным значением многих юридических и государственных терминов древнего Рима, которые мы, однако, продолжаем употреблять в том или ином виде. Например: адвокат, император, империя, capitoлий, кворум, класс, колония, командовать, комитет, конституция, консул, корпус, легат, милиция, орден, провинция, прокурор, пролетарий, сенат, трибуна, трибунал, царь, цензура и т. д.

*(Данная статья является сжатым изложением доклада, прочитанного перед группой русской эмигрантской молодежи в буэносайресском пригороде Villa Ballester, в 1971 году. Тема доклада была выбрана самой молодежью).*

*(«Наша Страна» № 1137, от 7 декабря 1971 г.).*

# Часть первая. Государство и его элементы

## 1. Государство

Выражение «государство» происходит от русского слова «государь», являющегося сокращением славянского слова «господарь». В этих словах содержатся два смысла: хозяина и верховной власти.

Например, в современных чешском и словацком языках, «государство» значит «экономика», «хозяйство». В Сербии и Молдавии господарь соответствовало греческому «деспотес», владыка, в смысле «владетельный князь», причем оба эти термина сосуществовали. «Деспотес» тоже связано с понятиями владеть, в смысле быть хозяином, и владеть, в смысле обладать самостоятельной властью. Деспотес образовано от «демспотес», «домо-владыка» или «домо-хозяин». Греческое «потес» соответствует римскому «потестас». Этот же корень присутствует и в словах «гос-под-ин» и «гос-под-арь». Господин происходит от индоевропейского *hosti-pot-s*, буквально «властитель чужого» или «властитель гостей», по-немецки *Gastherr*, или *Herrg des Fremden* (Немецкий этимологический словарь: *Duden, Herkunftswörterbuch der Deutschen Sprache*). Корень «гос» присутствует также в латинских словах *hospes*, *hostis*.

Другое славянское слово, обозначающее государство – держава (сохраняющееся в сербском и в других славянских языках), происходит от слов «держать» и «держивать», и связано не только с понятиями крепости, силы, прочности, но также и с хозяйскими понятиями – содержать, торговать, издержка, расход. Держава, в смысле «крепость», находится в смысловой связи с греческим «кратос», откуда происходит «автократия», то есть самостоятельная, суверенная, ни от кого независимая власть или владение, по-русски «самодержавие».

Греческое название государства «полис» связано с корнями *пал*, *пла*, *пле*, *пол*, *пло*, смысл которых: полнота, наполнять, полностью, быть полным, быть многочисленным, множество, в большом количестве, а также: выполнять, исполнить, насытить, удовлетворить и т. д. На санскрите «пуру» значит много, богато, а «пур», «пура» значит город, крепость («го-пура» - городские ворота). От этих корней в греческом языке происходят также: *плерес* (полное, укомплектованное), *плефос* (толпа, множество), *плутос* (богатство) и т. д. На связь этих корней с понятием полиса, по-видимому, намекает сам Платон во фразе: *«Так как все нуждаются во многих вещах, мы собираем в одном селении множество людей... и этому сожителству мы даем имя города»*. (Полития, 369 с). В этой фразе корень «пол» встречается три раза.

В латинском языке с этими корнями связаны слова *plere*, *completus*, *repletus*, *plenus*, *plebes*, *plus*, *pluralitas*, *populus*, *amplitudinus*, *manipulus* и т. д. (наполнять, законченный, переполненный, плебс, плюс, множество, народ, амплитуда или широта, военное подразделение в 200 человек, буквально «полная рука»). От параллельного латинского корня *раг*, *рог* просходят не только *орірагus* (богато оснащенный, великолепный, пышный), *рагаге* (добывать, готовить), *portare* (нести, вести), но также и *imperare* (первоначально готовить, приправлять, обрабатывать, а затем и заказывать, приказывать, управлять, направлять). В свою очередь, от *imperare* просходят слова *imperium*, *imperator* (в древне-индийском *endoperator*), в некоторых итальянских диалектах *embratur*. Славянское слово «племя» тоже связано с корнем «пле» («племяться, множиться, размножаться, плодиться» В. Даль), как и слова «полк», «ополчение», по-немецки *Volk*, народ.

В современных западноевропейских языках, названия государства (*State*, *Etat*, *Staat*, *Estado*, *Stato*) происходят от латинского слова *status* (состояние, установление, положение, буквально: стояние). В греческом языке «статос» значит стоящий, стоячий. В римском

праве, status обозначало юридическое положение или состояние личности. Такой первоначальный смысл этого слова иногда ведет к недоразумениям, при переводе с помощью производных от него выражений древних латинских и греческих терминов, обозначавших «государство». При этом также необходимо иметь в виду, что подобные недоразумения возникают и при применении как синоним государства таких выражений, как общество, община, нация, страна, а иногда и правительство. Корень слова status, обозначает стабильность, устойчивость, постоянство. От него происходят наше стоять, немецкое stehen, а также такие слова, как конституция, станция, статист, субстанция, статуя и т. д. Этот смысл сближает современные западноевропейские имена государства с древнегреческой идеей **«стасии» (постоянства, устойчивости)**, понимаемой как **суть государства**. Некоторые ученые предполагают, что от сокращения глагола «стать, стати» произошли морфемы «ста» (в слове пожалуйста) и «ство», в слове государство. (Г. П. Цыганенко. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1989).

Согласно мнению некоторых ученых, современные названия государства имеют своим источником первую фразу известного произведения Никколо Макиавелли «Князь»: *«Все государства, все владения, которые имели и имеют власть над людьми, являются государствами и являются или республиками, или княжествами»*. («Tutti gli stati, tutti e dominii che hanno avuto e hanno imperio sopra li uomini, sono **stati** e sono o republiche o principati»). Niccolo Machiavelli. «Il Principe»). Однако, уже Цицерон употребляет это слово как дополнение к старому римскому названию государства, когда он в «Законах» пишет: *«Так как ты писал о превосходном государстве (**optimo rei publicae statu**), то будет последовательно, если ты напишешь также и о законах»* (I, 15). Таким образом, Макиавелли не создает абсолютно нового выражения и даже не придает абсолютно новый смысл старому выражению, а лишь сокращает уже, по-видимому, существовавший оборот речи.

Римское название «республика», то есть общественное, публичное, **общее дело** или вещь, соответствовало не только греческому «полису» вообще (по-римски civitas), но, главным образом, одному из видов полиса, а именно **«политии»**. Полития – это один из трех правильных видов государственных режимов, наряду с монархией и аристократией. Цицерон это выражение переводит как «республика». Аристотель утверждает, что извращением политии является демократия, также как извращениями монархии и аристократии являются тирания и олигархия. Однако, нужно иметь в виду, что Аристотель употребляет выражение «полития» и в третьем смысле, а именно в смысле **строя или режима**, того, что мы сегодня называем «конституцией».

Платон определяет государство, как ответ на необходимость сотрудничества между людьми, для удовлетворения их растущих потребностей. Необходимость разделения труда лежит, по Платону, в истоках государства, которое *«рождается, по моему мнению, ввиду того обстоятельства, что никто из нас не удовлетворяет самого себя, но нуждается во многих вещах»* (Платон. Полития, 369 в). Лишь государство создает возможность такого разделения труда. Однако, Аристотель утверждает, что государство не образовалось с целью удовлетворения нужд, а с целью **достижения «добра»** («то калон», Политика, 1291 а): *«Государство, возникнув из естественных потребностей, становится учреждением для совершенной жизни... Государство есть сообщество родовых групп и поселений для совершенной и самодостаточной жизни»*. (Политика, 1280 а). **«Целью политического общества являются хорошие дела, а не сожитительство»**. (там же, 1281 а). Государство отличается от других обществ тем, что оно обладает юридической структурой, строем, конституцией: «политией». *«Полития - это организация властей («тас архас», т. е. буквально «начальств») в городах, как они распределяются, какой элемент является верховным и какая цель у общества в каждом случае»* (там же, 1289 а). Таким образом, государство немисливо без властей и без верховной власти (*то кирион*). Политический строй (то есть «полития») основывается на законах. Законы нравственные, этические (*ката то этос*) важнее законов писанных (*ката грамата номой*). Нравственные законы

являются существенной общественной силой, которая образуется в течение «длительного времени».

Для Цицерона «государство является собственностью народа; но народ не является любым союзом людей, объединенных любым образом, а многочисленным союзом людей, сгруппированных на основании принятого **общего права и общности интересов**». (De re publica, I, 25). В свою очередь, «истинный закон – это правильный разум в гармонии с природой, распространенный среди всех существ, неизменный и вечный, который, повелевая, зовет нас исполнить наш долг, и, запрещая, удаляет нас от несправедливости» (там же, III, 22). Как и Аристотель, Цицерон считает, что целью государства является счастье людей: «**Нельзя хорошо жить нигде, кроме как в хорошем государстве и нет большего счастья, чем хорошо учрежденное государство**» (V, 5). В следующем абзаце Цицерон определяет счастье, которое должно быть обеспечено государством: «**Водитель государства имеет задачей добиться счастья граждан, то есть, чтобы оно было уверено в своих ресурсах, богато в материальных благах, велико в славе и почитаемо за свою добродетель**». Этот диапазон материальных и нематериальных благ дополняется и уточняется Цицероном: «**Две самые важные вещи для пребывания государства: религия и милосердие**» (I,14).

В древнем греко-римском мире, в котором зародились демократия и республика, определения государства были тесно связаны с понятием справедливости. Считалось, что государство – это наилучшая организация для достижения наилучшей справедливости. Только софисты считали, что государство не основывается на справедливости, а «на интересах самых сильных», предвосхищая этим частично некоторые аспекты теории Макиавелли и теории общественного контракта Руссо. Можно сказать, что софисты были предтечами современных идеологов. Государство зародилось в процессе консолидации оседлого образа жизни, как **предохранительная оболочка** для обеспечения:

1. Сохранения своего быта и своих религиозных, мировоззренческих и нравственных ценностей.

2. Совместной обороны всех сожителей и занимаемой ими территории от внешних врагов, без подчинения одних частей народа другим частям, но со всеобщим военным подчинением всего народа одной высшей абстрагированной власти, не зависящей от внутриобщественных комбинаций, специально для этого учрежденной (Ортега-и-Гассет);

3. Собственности на обрабатываемую землю и на вскармливаемый скот;

4. Постоянного справедливого судебного арбитража в частных тяжбах, в тех случаях, когда нельзя достигнуть прямого сговора между сторонами, из-за спорности претензий, в том числе и для обеспечения права на собственность. (R. von Ihering).

Такая всеобщая гарантия личных прав на самосохранение является правом, связывающим всех одинаково, то есть союзом. Союз – это «со-узы», от корня «ю» (на санскрите – связывать), откуда и происходит римское jus, право. Поэтому, функцией государства не является вмешательство в личную жизнь и в личный труд граждан, а, наоборот, обеспечение их осуществления.

Лев Тихомиров определяет государство как «союз членов социальных групп, основанный на общечеловеческом принципе справедливости, под соответствующей ему верховной властью», так как «в государстве мы осуществляем условия существования не корпоративного, не сословного, не какого-либо другого, замкнутого в своих частных или групповых целях, но условия существования общечеловеческого». Согласно Тихомирову, идея государства, или «политическая аксиома», состоит в том, что «**в государстве люди находят высшее орудие для охраны своей безопасности, права и свободы**». Согласно А. Хомякову, «свобода» - это «свой быт». Поэтому, государство – это **высшее орудие для сохранения своего быта**. Если же люди не находят всего этого в государстве, ибо оно действует в направлении прямо противоположном своей собственной сути, как это бывало в некоторых древних восточных варварских государствах или как это было и бывает в некоторых современных государствах, мы имеем дело не с настоящими

государствами, а с уродливыми формами искажения и вырождения государства или, точнее, с антигосударствами или лжегосударствами.

## 2. Верования

Один из элементов государства, наряду с народом, территорией, властью и конституцией. В истории всех исторических государств можно отчетливо проследить наличие религиозных **верований** народа. Фюстель де Куланж, в «Древней гражданской общине», утверждает: *«Взгляните на учреждения древних, не размышляя о их верованиях, и вы найдете их тёмными, необъяснимыми... Но рядом с этими учреждениями и этими законами поставьте верования: факты тотчас станут ясными».* (Стр. 2, 3; цит. в «Монархической Государственности» Л. А. Тихомирова.)

Ортега-и-Гассет утверждает, что любая верховная власть **«только тогда юридически легитимна когда она основывается на компактном веровании всего народа, что она действительно обладает на это правом. Это право не признается в обособленном виде, ибо верование, что царь или сенат имеют право править, существует только лишь как часть целостного верования в определенную концепцию мира, каковая разделяется всем народом. В итоге, это и есть consensus. Эта концепция должна быть религиозной. Поэтому, когда – по тем или иным причинам – эта общая целостная концепция расщепляется, слабеет или исчезает, то вместе с ней расщепляется, слабеет или исчезает также и легитимность».** («Интерпретация всемирной истории», Мадрид, 1959, стр. 174). Ортега-и-Гассет определяет «консенсус» как **«общее полное верование в определенное представление о жизни и мире».** (Там же, стр. 190) **«За распадом верований и системы нравственных норм, то есть поведения, следует немедленно распад легитимности публичной власти».** (Там же, стр. 226) Тогда уже **«нет законного государства, потому что нет состояния общего духа в обществе».** (Там же, стр. 228)

Л. А. Тихомиров считает верования частью **«социального фундамента государства»**, каковым является «нация». («Монархическая Государственность», Буэнос-Айрес, 1968, стр. 30) Верования выражаются более всего в верховной власти, **«которая есть конкретное выражение принципа, принимаемого нацией за объединительное начало»** (Там же, 33). **«В той или иной форме верховной власти выражается дух народа, его верования и идеалы, то, что он внутренне сознает, как высший принцип, достойный подчинения ему всей национальной жизни».** (Там же, 67) **«Если в обществе не существует достаточно напряженного верования, охватывающего все стороны жизни в подчинении одному идеалу, то связующей силой общества является численная сила, количественная, которая создает возможность подчинения людей власти даже в тех случаях, когда у них нет внутренней готовности к этому».** (Там же, 68) **«Верховная власть. выражает весь дух, предания, верования и идеалы народа».** (Там же, 80). Святой Константин Великий **«являлся представителем не какой-либо, хотя бы и христианской, народной воли, а выразителем народного нравственно-религиозного идеала».** Он был «новым монархом», который **«выступил властью верховною, но не безусловною, не абсолютною».** (Там же, 143) Ибо, **«для того, чтобы нравственное начало могло оказывать свое благотворное влияние на политические отношения, необходимо, чтобы источники зарождения и созревания этики были независимы от государства. Государство есть область принуждения. Этическое начало, по существу, самобытно и свободно».** (Там же, 466).

Ф М. Достоевский утверждает, что это начало является учредительной силой, создающей саму национальность: **«При начале всякого народа, всякой национальности, идея нравственная всегда предшествовала зарождению национальности, ибо она же и создавала ее. Исходила же эта нравственная идея всегда из идей мистических, из убеждений, что человек вечен, что он не простое земное животное, а связан с другими мирами и с вечностью».** («Дневник писателя», 1880 год) Основатель сионизма, Теодор Герцль, тоже говорит, что **«вначале — идея».** (Речь на Пятом конгрессе сионизма, в Базеле). В другой речи (в Берлине) Герцль говорит об **«облачении древнего народного идеала в**

*политические формы». В своем труде «Еврейское государство», Герцль подчеркивает, что «мы признаем сами себя принадлежащими к одному народу только через веру наших отцов».*

Таким образом, если элементами государства являются (кроме власти, народа и территории) **верования** этого народа и его **политический строй**, очевидно, что государство не может игнорировать неизбежную необходимость установления каких-то взаимоотношений с религиозными учреждениями, вытекающими из верований, то есть из одного из государственных элементов. **Народ является создателем и учредителем двух видов учреждений, религиозных и государственных, исполняющих разные функции, но принадлежащих одному общему народно-общественному организму.** Посему и связь между этими учреждениями является абсолютно неизбежной, так как у них один и тот же источник и один и тот же пользователь. Конечно, характер этих взаимоотношений может быть разным. Чтобы определить главные виды этих взаимоотношений, необходимо сделать обзор реально существовавших видов государств и установить, какие взаимоотношения они имели с религиозными учреждениями.

В так называемых «больших» восточных государствах Древнего Мира, в государствах-культурах Египта и Месопотамии, можно наблюдать максимальное слияние религиозных и государственных учреждений. Высшая политическая и высшая религиозная власть в них принадлежала одним и тем же лицам. Такая «персональная уния» откладывала свой отпечаток на весь государственный строй. Лучшее всего такой строй выражен в Древнем Египте: фараон был одновременно главой государства, верховным жрецом и даже божеством. В Древнем Израиле, географически возникшем между этими двумя культурами-государствами, впервые в истории человечества появляются совершенно новые соотношения между государством и религией. Государство Израиля как таковое образовалось **после** Ветхозаветной Церкви. В Древнем Израиле Церковь не только существовала до государства, но она же и создавала его. Барух Спиноза считает, что *«правление у евреев можно назвать теократическим»*, ибо *«его граждане не признавали никакого иного права, кроме полученного через откровение»*. (Tractatus Theologico-Politicus, 17, 32) Спиноза отмечает несколько периодов развития этого правления. Сначала *«евреи обязались единодушно исполнять все указания Бога, без назначения никакого посредника»*, так как *«они уступили взаимообразно сами себе свои права»*. (Там же, 17, 33) Это была своеобразная **демократическая теократия**, считает Спиноза. Затем, они передали все свои права вопрошать Бога Моисею. Моисей стал единственным посредником между Богом и еврейским народом. Народ даже не имел права назначить преемника Моисею. Потом сам Моисей **раздвоил** свои функции, передав первосвященство своему брату Аарону и его наследникам. (Именно в этом назначении царь Иоанн Грозный видел историческое начало **«братской симфонии»** между священной и государственной властями. Значит, **первое в истории человечества отделение государства от священства** имело форму «братской» симфонии между ними.) Таким образом, говорит Спиноза, были созданы две власти, **взаимообразно ограничивающиеся**. Религиозная власть толковала законы, но не по своей инициативе, как Моисей, а только в ответ на запросы власти административной. В свою очередь, административная власть должна была править в соответствии с божественными законами и с этими толкованиями. (Там же, 17, 41).

Эта административная власть первоначально была раздроблена по племенам. Лев Тихомиров считает, что вначале она еще не была государственной, в полном смысле этого понятия, а только социальной: *«Избранному народу сначала было дано основание закона нравственного, состоящее в вере в Бога... (завет Авраама). Затем, через Моисея, в десяти заповедях, даны основы социального строя, и в законодательстве Моисея дополнены общественные уставы... Но, Моисей, не учреждая царства, предвидел его и заранее указал Израилю... два условия возникновения царской власти: нужно для этого, во-первых, чтобы сам народ сознал ее необходимость. Нужно, во-вторых, чтобы не народ избрал*



*царя над собою, но предоставил это Господу. Сверх того, Моисей указывает еще руководство и для самого царя: "Когда сядет на престоле царства своего, должен исполнять все слова закона сего"». (Монархическая государственность. Буэнос-Айрес, 1968. Стр. 127-129) Значит, такая монархическая власть не является абсолютной, но **ограниченной и правовой, что обеспечивается симфонией двух властей: государственной и религиозной.** Симфония обозначает не слияние и не простое разделение, а **разделение в симфонии**, сиречь совместное, братское созвучие (благосозвучие) двух институций, во имя общего блага.*

Переходя к другому типу древних государств, который можно назвать типом маленьких государств, государств-городов (полисов), необходимо отметить, что несмотря на все существенные различия между этими маленькими по размеру «полисами» и колоссальными государствами Египта и Месопотамии, и те, и другие были государствами **религиозными**, как по своему происхождению, так и по своему конституционному строю. Но характер этой религиозности был иным.

В афинском государстве Аристотель насчитывает до него одиннадцать конституционных реформ. После замены монархии архонтами в 683 году (третья реформа по счету), все режимы (аристократия, олигархия, демократия, тирания) чередовались друг за другом, но все они имели несомненный религиозный характер. Во время правления известного генерала (стратега) Перикла (460-429), которое на Западе любят называть демократическим (на самом деле оно было авторитарным бессменным правлением одного человека, ежегодно номинально переизбираемого), эта сугубая религиозность Афинского государства была великолепно зафиксирована. **Построенный при Перикле Парфенон, с тех пор ставший символом древней афинской демократии, на самом деле был её религиозным центром**, храмом, посвященным Афине, богине-покровительнице города. Афинская демократия относилась весьма строго к «преступникам против религии». Сократ, лучший из людей, по словам Платона, был казнен за подозрение в том, что он *«растлевал религиозность»* молодежи. Религиозность и сугубый традиционализм в области народных верований были всегда характерными признаками Афинского государства. В монархический период цари Афин являлись одновременно и верховными жертвоприносителями, но и после отмены монархии был сохранен титул царя (василевса), то есть лица, *«распорядившегося всеми факельными бегами и заведывавшего всеми традиционными жертвоприношениями»*, хотя уже без политических прерогатив. (Псевдо-Ксенофонт. Государство афинян, 57, 1)

Приблизительно такой же религиозный характер имело и Римское государство, с самого основания Рима. Этот характер был конституционно зафиксирован, когда Нума Помпилий (716-673) был выбран вторым царем Рима, ибо он *«славился справедливостью и благочестием»*, хотя и был иностранцем (сабинянином). Прибыв в Рим, он решил *«последовать примеру Ромула»* и **получить религиозную санкцию на верховную власть в государстве**, *«повелев и о себе вопрошить богов»*. Тогда авгур, чье *«занятие отныне сделалось почетной и пожизненной государственной должностью»*, помолился, испрашивая *«надежных знамений»*. Знаменья *«были ниспосланы, и Нума сошел с места гадания уже царем»*. (Тит Ливий. История от основания Рима, 1,18). Значит, до этого он еще не был царем, хотя и был уже выбран сенатом и народом. После замены царей консулами в 510 году, в Риме сохраняется, как и в Афинах, должность с титулом священного царя, **rex sacrorum**, чьей функцией является исполнение религиозных ритуалов, раньше совершавшихся царями. Сохраняется и прежняя конституционная фигура *между-царя* (interrex), выбираемого сенатом на десять дней во время междуцарствия, для рукоположения нового царя или (после 510 года) новых консулов.

Таким образом, очевидно, что все древние государства имели тот или иной **религиозный характер**, как по своему происхождению, так и по своему конституционному строю. Однако дуализм государственных и религиозных учреждений в этих государствах имел разный характер. В Египте религия сливалась с государством, и в

этом слиянии религия отчетливо превалировала над государством. В меньшей мере, и в несколько ином виде, приблизительно такое же положение было и в Месопотамии. В маленьких же государствах типа полиса, слияние религиозных и политических учреждений принимало форму **включения** религиозных учреждений и функций в государство. При таком слиянии, государство превалировало над религией. В Израиле можно наблюдать **преодоление слияния религии и государства**. Это было достигнуто превращением первоначального религиозного превосходства в **симфонию между церковью и государством**, а не в превосходство государства. Симфония обозначала **неподчинение друг другу и церкви, и государства**. Дуализм оставался, но это был дуализм равноправного **сосуществования, без слияния**.

### 3. Верховная власть

*«Верховная власть есть конкретное выражение принципа, принимаемого нацией за объединительное начало. Так как государство должно быть высшим союзом, осуществляющим условия существования не корпоративного, не сословного, не какого-либо другого, замкнутого в своих частных или групповых целях, но условия существования общечеловеческого, это государство немисливо без верховной власти, как реальной силы, которая по идее и по своим задачам стояла бы выше всех других. Смысл верховной власти состоит в общем обязательном примирении. Когда возникает государство – это означает, что возникает идея некоторой верховной власти, не для уничтожения частных сил, но для их регулирования, примирения и вообще соглашения. В той или иной форме верховной власти выражается дух народа, его верования и идеалы – то, что он внутренне сознает, как высший принцип, достойный подчинения ему всей национальной жизни.»* (Л. А. Тихомиров. «Монархическая государственность». Буэной Айрес, 1968, стр. 31, 33, 45, 87).

Согласно Тихомирову, верховная власть (Souverain) отличается от других властей, то есть от властей управительных (Gouvernement), следующими признаками:

1. Она всегда основана на каком-либо одном принципе, она едина, сосредоточена и нераздельна, в то время как власть правительственная, напротив, всегда более или менее представляет сочетание различных принципов и основана на специализации – порождая так называемое разделение властей (там же, стр. 37). Этих принципов власти всего три: власть единоличная, власть влиятельного меньшинства и власть общая, всенародная. Власть верховная требует единого направляющего принципа, тогда как власть управительная не только допускает, но и требует самого разнообразного сочетания различных принципов власти, смотря по частным надобностям правления (стр. 59).

2. Всякая верховная власть идеократична (по выражению Блюнчли), то есть она находится единственно под властью своего идеала (стр. 68), в то время, как управительные власти являются техническими, специализированными, то есть функциональными властями, обуславливаемые обстоятельствами (стр. 34), в то время, как формы верховной власти обуславливаются нравственно-психологическим состоянием нации (стр. 67).

3. Верховная власть не может быть делегированной, в то время, как власти управительные по самой своей сути являются властями делегированными и передаточными, представительными. Попытки делегирования верховной власти ведут к ее фальсификации, и на деле являются фикцией, ведущей к узурпации этой верховной власти. В монархиях к этой узурпации стремится бюрократия, а в демократиях – партократия политиканов и за ними стоящих подпольных и закулисных корпораций. Во избежание этого, особое значение для верховной власти имеет **самоуправление**, которое чрезвычайно расширяет возможность прямого действия в правительственных учреждениях и освобождает силы верховной власти для прямого контроля и направления. Это относится ко всем формам верховной власти (стр. 59). Ввиду систематического игнорирования этих разделений между властью верховной и управительной, большинство определений верховной власти являются неполными и неточными, так как всякое полное

определение требует указание ближайшего вида, к которому принадлежит определяемое, а затем и его отличительных признаков. Л. А. Тихомиров, в указанном труде, приводит следующее определение верховной власти из «Курса государственной науки» (часть 1, стр. 60) В. Н. Чичерина, которое он называет «прекрасной формулировкой»:

*«Верховная власть – едина, постоянна, непрерывна, державна, священна, ненарушима, безответственна, везде присуща и есть источник всякой государственной власти». Она обладает «полновластием, как внутренним, так и внешним. Юридически она ничем не ограничена. Она не подчиняется ничьему суду, ибо если бы был высший суд, то ему бы принадлежала верховная власть. Она – верховный судья всякого права... Словом, это власть в юридической области, полная и безусловная... Всякие её ограничения могут быть только нравственные, а не юридические. Будучи юридически безграничной, верховная власть находит предел как в собственном нравственном сознании, так и в совести граждан».* (Стр. 42).

Современные западные определения верховной власти (sovereignty по-английски, souverainite по-французски, soberania по-испански, от superanus по-латыни, Staatshoheit по-немецки), указывают на её превосходство над всеми, на её высший, превосходный характер как государственной власти. То есть, это власть находящаяся над всеми другими властями (от super по-латыни, Oberherrschaft, буквально «надвластие», по-немецки). В частности, суверенитетом обладает федеральное государство, но не входящие в него штаты и провинции, так как первое стоит над вторыми. «Краткий политический словарь». (Политиздат, М. 1969) определяет верховную власть, под словом «суверенитет (верховная власть)», как *«полную политическую независимость и самостоятельность государства в его внутренних делах и внешних отношениях... независимо от величины его территории, количества населения и общественного строя».*

Это последнее определение говорит не о верховной власти, а о государстве, смешивая оба понятия. Такое смешение этих двух понятий (государства и его верховной власти) происходит весьма часто, так как некоторые важнейшие признаки верховной власти передаются ею и всему государству. Например, «полновластие, как внутреннее, так и внешнее», по формуле Чичерина. Но, совпадение некоторых существенных признаков этих двух понятий, еще отнюдь не доказывает их полной тождественности. Государство никак нельзя свести к одной верховной власти и к её свойствам, так как оно шире её, а также объемлет и другие элементы. Например, в случае советского государства, верховная власть в нем была основана, выражаясь словами Тихомирова, на *«едином направляющем принципе власти определенного влиятельного меньшинства»*, каковым являлась коммунистическая партия, согласно конституциям этого государства (их было несколько). Эта верховная власть, по словам Блунчпи, «идеократична», то есть *«находится единственно под властью своего идеала»*, чего нельзя сказать про всё государство.

## 4 Гражданское общество

Гражданское общество – это *«совокупность организмов, называемых частными, которые соответствуют функциям гегемонии над всем обществом»*, утверждает Антонио Грамши, идеолог современного модернизма и первый генсек итальянской компартии. Это совокупность организмов, создающих, творящих общие мышления и чувства в народе, для достижения интеллектуальной гегемонии в обществе, а затем и **для закабаления государственной власти.**

Политическое общество, согласно Грамши, это совокупность организмов, которые занимаются прямыми принудительными функциями в обществе, с помощью юридических, политических и военных аппаратов власти, в согласии с ориентацией, исходящей от гражданского общества.

Оба этих общества составляют совместно **надстройку**. В нормальных условиях они солидарны, говорит Грамши. Кризис наступает тогда, когда между ними происходит раскол, когда политическая власть и интеллектуальная гегемония начинают

противостоять друг другу. Из этого следует важное заключение: **для захвата власти нет необходимости менять экономический базис, а необходимо захватить и изменить ту часть надстройки, которая соответствует гражданскому обществу, создающему общественное мнение** во всем обществе. Таким образом, Грамши объясняет, почему первая социалистическая революция произошла в России, в которой она, по Марксу, никак не могла произойти, из-за отсутствующих в ней соответствующих экономических условий. Грамши поправляет Маркса: реализация революций зависит не от экономических базисных условий, а от **инфильтрации и захвата той части надстройки, которая занимается созданием общественного мнения.**

Такая революция совершается не рабочими, и не стихийно действующими массами (которым Грамши не доверяет), а **беспочвенными интеллигентами**, органически организованными вокруг **«идей и мнений»**, которые, в свою очередь, **«не зарождаются спонтанно, а исходят из центра, где они формируются, откуда они излучаются, распространяются и внушаются»**. Эти интеллигенты должны осуществлять **«молекулярную агрессию»**, для того чтобы постепенно, шаг за шагом, проникать в религиозные, философские, научные, артистические и вообще культурные «крепости». Нет необходимости брать приступом Зимние дворцы, а нужно брать «казематы культуры». Россия во времена Ленина, утверждает Грамши, имела «желеобразное общество», а посему тогда и было необходимо действовать по-ленински.

Грамши учит, что сперва необходимо **разрушить в обществе предыдущее мировоззрение**, а затем внедрять новое сознание имманентизма, т. е. **отрицание любой трансцендентности, любой ценности выходящей за рамки самого человека и его материальных интересов**. Только лишь развитие имманентизма до конца сможет обеспечить создание **«нового порядка»**. Для этого интеллигенты, действующие молекулярно, должны **подтачивать и разрушать предыдущие мировоззрения**, и бороться за устранение основных принципов, составляющих мыслительную структуру общества. **Проникая ко всем рычагам культуры и общественного мнения, они должны добиваться слома и сноса этих принципов и устранения всех тех, кто их будет защищать**. Для этого, учит Грамши, **«необходимо лишить их всякого духовного престижа, путем постоянной разъедающей критики. Эта критика должна сеять сомнения, скептицизм, лишать их морального престижа, она должна уничтожить их верования и их учреждения...»**.

Гражданское общество в современном мире комплектуется многочисленными разнообразными неправительственными организациями и фондами, которые иногда занимаются разными общественными и политическими манипуляциями, но не по заказу собственных обществ и их правительств, а по заказу посторонних корпораций и правительств. В последние десятилетия даже стали создаваться частные военные организации, из бывших военных, поставляющих военных наемников для разных «цветных революций» и для **«построений новых государств»**. В процессах подготовки цветных революций и переворотов в современном историческом периоде, после французской революции, часто принимали то или иное участие разные неправительственные организации, наряду с политическими партиями и средствами массовой информации. Все эти современные общественные факторы, абсолютно немислимые в древней Афинской демократии, а тем паче в древней Римской республике, образуют то «гражданское общество» в подпольях современных государств, которое превозносит Грамши. Известный сербский историк и политолог Сергей Трифкович высказал мнение в октябре 2016 года, что в современных ведущих государствах Запада за (или под) «гражданским обществом» находятся структуры т. н. **«глубокой державы»** («дубоке државе») или **«постоянного государства»** («перманентне државе»), в основном покоящиеся на трёх сложных комплексах базисной коррупции: финансово-банковском, военно-промышленном и электронно-промышленном. Возможно, что **аксиополитику этих комплексов курируют некоторые секты, из еще более глубокого подполья.** При

подобных структурах, формальная политическая власть лишь «разносит блюда», к изготовлению которых она имеет мало отношения, а все декламации о демократии являются главным образом пропагандой и дымовой завесой этих «корруптократий».

## 5. Конституция

Основной закон государства, регулирующий соотношения между его элементами: властью, территорией, народом и его ценностями (верованиями). Конституции бывают писанные и неписанные.

В своих истоках, политическая теория главным образом ориентировалась в поисках абсолютного государственного идеала, в поисках «наилучшего государства», «*аристе полития*» (*republica optima*, у Цицерона). Эти поиски достигли своей вершины в трудах Платона. Аристотель вначале тоже следовал по стопам своего учителя, пытаясь найти в теории абсолютный идеал, которого нельзя обнаружить в действительности. Этот идеал описывается им в последних двух книгах «Политики» (7-ой и 8-ой). Но в предыдущих (согласно современной классификации) трех книгах (4-ой, 5-ой и 6-ой), по-видимому, написанных позже, Аристотель подробно разбирает разнообразные варианты реальных политических форм, их комбинаций и преобразований, на основании собранных им отдельно 158 конституций древнего мира, к сожалению, потом утерянных. Таким образом, вместо абстрактного политического идеала, **предметом политической науки становится множество конкретных государственных форм, их комбинаций и мутаций**. Сама по себе, такая множественность является характерным признаком человеческих государств, в отличие от однообразных высших организационных форм у животных. Очевидно, что такая множественность осуществляется путем мутаций элементов государства и их разных комбинаций.

История, являющаяся экспериментальным полем политики, показывает, что эти мутации или преобразования государств зависят больше от смены верований и шкалы ценностей населения, чем от территориальных перемен, и даже от смены власти. Так, например, птоломеевский Египет является продолжением прежнего Египта, несмотря на то, что его фараоны, столица и руководство переменились и стали эллинистическими, ибо завоевания Александра Македонского не привели к радикальной перемене верований, а лишь к их синкретическому смешению. Египетская система многобожия лишь обогатилась новыми богами, продолжая сохранять и всех прежних. Но, мусульманский Египет уже совершенно новое государство, потому что с арабским завоеванием в VII веке одновременно произошла и радикальная перемена верований и системы ценностей населения, и даже был заменён египетский язык арабским. Точно также, Новоперсидское царство Сасанидов превратилось в новое государство, потому что арабское завоевание тоже ведет не только к смене власти, но и к смене верований населения.

Однако, самую импозантную государственную мутацию в истории трудно объяснить одной лишь сменой верований. Действительно, после провозглашения религиозной свободы и терпимости святым Константином Великим в 313 году, языческая Римская империя быстро превратилась в совершенно новую Христианскую Империю. Но, в данном случае, смена верований не произошла сразу. Она началась приблизительно два века до этого момента, и продолжалась еще некоторое время после него. Что же тогда является причиной этой резкой перемены в Римском государстве? Ведь, все четыре основных элемента государства (территория, население, власть и верования) были практически одними и теми же за день до эдикта терпимости 313 года, как и на следующий день после него. Если эти элементы не изменились, то чем тогда объяснить изменение государства? Существуют и другие подобные примеры в политической истории. Например, за день до объявления независимого государства Израиль, на той же территории находилось то же население с теми же верованиями и существовала практически та же реальная власть, но этого государства еще не было. Испанское королевство тоже стало совершенно иным через

несколько лет после смерти генерала Франко, при том же короле, том же населении, с теми же верованиями.

Очевидно, что помимо уже перечисленных основных четырех элементов государства, существует еще какой-то дополнительный элемент. Этим пятым элементом является **политический строй** (режим, конституция) государства. Уже Аристотель ясно различает этот элемент, называя его **«политией»** (это слово имеет три значения: государство, республика и политический строй):

*«Если государство (полис) является сообществом, причем сообществом граждан в рамках политического строя (кинония политон политияс), то если изменяется и делается иным политический строй (полития), по необходимости государство тоже перестанет быть прежним. То же мы говорим про хор, что он является одним, когда он комический, и другим, когда он трагический, несмотря на то, что зачастую он состоит из тех же людей... Если говорить про государство, что оно то же самое, то прежде всего надо иметь ввиду его строй, давая ему то же самое имя или другое, населяют его те же самые люди или совершенно другие».* (Политика, 1276 в, 1-6, 10-13).

Политический строй (конституция) **фиксирует соотношения между остальными элементами государства**, соотношения между властью, территорией, населением и верованиями населения. *«Политический строй – это организация должностей (буквально: начальств, архас) в государствах, как они распределяются, каковой является верховная власть (кирион тес политияс) и какая цель (телос) у сообщества в каждом случае»* (Политика, 1289 а, 15-18). *«Политический строй – это форма жизни государства (полиса)»* (1295 а, 40).

Итальянский учёный Domenico Minutto, председатель Византийского комитета Калабрии, дает интересное и оригинальное определение этого понятия. Он пишет, что **«конституция» – это «манера быть и жить»** (*Politea – modo di essere e di vivere*).

Провозглашением Израильского государства был коренным образом изменен политический строй на его территории, а радикальной реформой испанской конституции в 1978 году было изменено само Испанское государство. Миланскими эдиктами святого Константина Великого был изменен политический строй Римской империи, для улучшения соотношения между властью и реальным спектром верований населения, что и привело к преображению империи. Наоборот, февральский и октябрьский перевороты в России исказили и ухудшили это соотношение, т. к. были обманной и насильственной узурпацией государственной власти конспиративными меньшинствами, с верованиями и символикой отличными от русских народных верований. Эти меньшинства самозванно, самовольно и незаконно изменили имя и форму государства, навязав ему также и свою символику. Все это нарушило прежнюю гармонию между властью и объективно имеющимися верованиями, ценностями и бытом народа, тем самым приведя к радикальной перемене государственного строя, а вследствие этого, и к установлению совершенно иного государства.

## **6. Основные функции государственных органов в исторической перспективе**

### **Органы и структуры власти: публичные и оккультные**

Государственные структуры в человеческих обществах стали возникать одновременно с первыми проявлениями исторической жизни этих обществ. Политические науки уже давно, еще со времен древнегреческих философов, определили элементы государственных структур, но в данном случае речь не об **элементах** государства, а о **сути** основных политических государственных **функций**.

Испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет утверждает, что, в конечном итоге, политическая **суть государства** заключается в ответе на один единственный вопрос: **кому**

**принадлежит реальная власть** в государстве. Однако это утверждение нуждается в одном очень важном дополнении, а именно, что реальная власть, чтобы быть действительно таковой, нуждается в **стабильности** и в продолжительной **длительности во времени**, то есть в способности **выживания**. (Сам Ортега-и-Гассет обращает внимание на значение понятия политической «устойчивости», «стасии», которое ему придавалось в Древней Греции.) Причем, длительность в человеческом обществе является реальной только лишь в случае, если она простирается, по крайней мере, на несколько поколений подряд.

Значит, достичь такой длительной продолжительности во времени, через собственное **выживание**, вопреки всем затруднениям и возникающим проблемам, является **первой основной, базисной функцией** любой власти, каковая для этого и создает соответствующие органы и структуры. Однако эти органы и структуры имеют разные формы, независимо от форм самой власти.

Очевидно, что один человек единолично сам по себе не может обеспечить длительную устойчивость государства, ибо **власть одного человека** (будь то в монархии, в хорошем случае, будь то в тирании, в плохом случае) не может гарантировать стабильной и длительной реальной власти в государстве и его выживания при всех условиях. Длительность власти, даже формально единоличной, зависит от создания системы **постоянных долговечных структурных опор** для этой власти, существующих и действующих **надвременно**, на протяжении поколений, несмотря на их смену. Именно эти властные структуры, гласные или негласные, и являются костяком подлинной реальной (исторической) конституции государства, писаной или неписаной.

**Второй основной функцией** государственной власти и её органов и структур является сохранение во времени самой этой конституции государства, ибо, как утверждает Аристотель, когда конституция меняется радикально, меняется и само государство. Такое сохранение во времени относится и ко всем элементам государства: **населению, территории, верованиям** и власти. Причем, сама по себе конституция является **фиксирующим элементом** соотношений между всеми этими четырьмя элементами государства. Под верованиями надо понимать отличительные мировоззренческие и культурные ценности народа, унаследованные от предков. Основатель сионизма Теодор Герцль писал, что объединяющим началом нового государства Израиль будет *«вера наших отцов»*.

(Таким образом, **патриотическая политика** и патриотическая **педагогика** должны обеспечивать сохранение исторических отличительных культурных ценностей народа, в согласии с «верой отцов», а также и сохранение населения и его территории.)

Все классификации разных видов власти, после Аристотеля, по признаку количества носителей власти, на самом деле являются лишь отвлеченными схематизациями, ибо в реальной жизни таких абсолютно чистых форм власти не бывает. Все виды власти в действительности почти всегда являются в той или иной мере **смешанными видами**, лишь с преобладанием той или иной формы. Посему, даже сугубо монархическая власть никогда на деле не бывает в действительности **единоличной**, за редчайшими исключениями, так как она всегда опирается на те или иные политические и общественные структуры. Таким образом, в данном случае, анализируя условия и функции реальной политической власти, а вследствие этого и структуру **органов, создаваемых этими функциями**, можно сказать, что такой анализ всегда, при любых видах и формах власти, будет, в конечном итоге, анализом тех или иных сложных **властных структур**, видимых или невидимых.

Однако в данном конкретном случае, ввиду специфической цели этого анализа, классификация органов и структур политической власти должна иметь иной характер, чем классификация государственных форм и режимов. Максимально упрощая, можно предложить следующую классификацию политических структур и органов власти:

1. Структуры и органы власти **публичные**, гласные, открытые или **республиканские**, в древнеримском понимании этого термина.

2. Структуры и органы **закулисные**, **мистериальные**, частично **законспирированные**.

3. Структуры **окультурные** или мафиозные.

В последних двух случаях закулисные и мафиозные органы и структуры на практике почти всегда прикрыты **декоративными публичными элементами**, так что в действительности налицо структуры и органы **смешанные**.

## **Органы и структуры власти в Древнем Египте**

По современному состоянию исторической науки считается, что первым организованным государством был Древний Египет. Одной из основных функций этого государства, основанного приблизительно три тысячи лет до Р. Х. и просуществовавшего почти тридцать веков, была необходимость обеспечить ежегодное перераспределение засеваемых земель после разливов Нила. Ввиду необходимости уложить такие перераспределения земельных участков в кратчайшие сроки, зависящие от климатических годовых циклов, эта функция создала соответствующие необходимые органы, каковые должны были действовать неотлагательно и безапелляционно. Посему в данном случае монархическая власть в Египте и приобрела отличающие ее специфические характеристики.

Однако возникало естественное противоречие: единоличная и даже священная власть фараона была необходима для безапелляционности решений верховной власти, но она отнюдь не могла сама технически справиться со всей сложностью задач, которые перед ней ставила её основная функция. Так возник институт писцов и землемеров, которые именем фараона ежегодно проводили в кратчайшие сроки эту громоздкую работу. Однако, очевидно, что за системой и подготовкой писцов и землемеров должны были стоять какие-то более глубокие структуры научного, педагогического, организационного и, в конечном итоге, властного характера. В Древнем Египте эти последние структуры не имели открытого публичного характера и располагались в значительной мере в лоне разных жреческих институций, каковые в свою очередь зачастую носили мистериальный характер. Одним из проявлений такой действительности можно считать само иероглифическое письмо Древнего Египта, которое, как известно, зачастую имело два или три различных толкования.

Эти **постоянно и беспрерывно** действующие мистериальные структуры реальной политической власти в Древнем Египте восполняли и уравнивали весьма сильную, но часто **прерывающуюся** монархическую власть. Правда, в Древнем Египте монархическая власть всегда сильно тяготела к династической (сиречь и генетической) устойчивости и стабильности, для чего даже прибегалось к поощрению браков фараонов с их родными сестрами. Однако на деле такая династическая длительная устойчивость достигалась редко, что подтверждается наличием в Древнем Египте тридцати династий за тридцать веков.

Мистериальные (то есть **не публичные**, а частично законспирированные) властные структуры и органы жреческих институций в Древнем Египте всегда, в течение всей истории этой цивилизации, неукоснительно принимали активное участие в решении судьбоносных государственных дел («*великих государственных дел*», как говорили в Московской Руси). Можно отметить изгнание в 16-м веке до Р. Х. гиксов, завоевавших за век до этого Египет; преодоление в 14-м веке до Р. Х. глубоких религиозных монотеистических реформ фараона Аменофиса IV; освобождение от ассирийской оккупации в 6-м веке; провозглашение в 332 году до Р. Х. оракулом египетского божества Амона, в оазисе Сива, Александра Македонского (после освобождения им Египта от персидского владычества) сыном греческого бога Зевса и одновременно сыном египетского бога Амона, что практически было провозглашением его фараоном Египта. С



этого момента в Древнем Египте практически начинается последний (птоломеевский) период его истории, продолжавшийся три века, до включения Египта в Римскую Империю при Юлии Цезаре.

В заключение можно, обобщая, сказать, что Древний Египет имел **смешанные** органы политической власти: открытую и **публичную верховную власть**, которая однако опиралась не только на открытые бюрократические и военные структуры, но также и на стоящие за этими структурами постоянные жреческие институции и органы мистериального или полужакрытого характера.

## Органы и структуры власти в Древнем Риме

Можно условно подразделить историю римского государства на четыре периода: монархия соборного характера (753 г. до 510 г. до Р. Х.), республика соборного характера (до 30 г. до Р. Х.), абсолютная монархия (до 391 г. после Р. Х.) и христианское православное царство, от 391 г. после Р. Х. до падения Константинополя в 1454 году. В данном случае речь будет только о первых двух периодах, то есть о первоначальных монархии и республике. Интересно, что Цицерон называет оба эти периода одинаково – **«республикой»**, ибо он пишет: *«когда в нашей республике было правление царей»* (Законы, III, 2).

Согласно легендам и хроникам об основании Рима Ромулом и Ремом в 753 году до Р. Х., сам акт основания, также как и *«инаугурация»* второго царя – Нумы Помпилия, сопровождалась рядом символических действий глубокого значения. Цицерон в своем труде «Законы» говорит, что Ромул в самом зачатке Римского государства основал *«два славнейших учреждения: **авгуров и Сенат**»*. Ортега-и-Гассет, комментируя эти слова Цицерона, обращает особенное внимание на то, что Цицерон ставит на первое место **авгуров** и лишь на второе – Сенат. Действительно, сам Цицерон подчеркивает в указанном труде, что *«наивысшее понятие права в Римском государстве связано с авгурами»*.

Таким образом, перед нами очевидный факт: славнейшими и важнейшими учреждениями римской монархии с самого начала являются **авгуры и Сенат**, но не сама по себе монархия. Значит, монархическая власть, просуществовавшая в начале Римского государства в течение 243 лет (с 753 до 510 гг.), не обладала в исключительной форме политической властью в Римском государстве, а **разделяла** эту власть совместно с авгурами и Сенатом. На нашем современном русском языке такой строй можно было бы назвать **«соборной монархией»**.

В данном случае мы имеем дело с весьма сложной и весьма удачной структурой политических властей, отличающейся своей абсолютной и **полной публичностью**, открытостью, гласностью, без каких-либо мистериальных или оккультных элементов. Причем, самый существенный характер этих государственных структур весьма точно и четко, как всегда в римской терминологии, определен самим именем Римского государства: **республика**. То есть **общее**, общественное или публичное **дело**. Интересно, что другим официальным названием этого государства было: *«Сенат и народ римский»* («S. P. Q. R.», Senatus Populusque Romanus). Таким образом, в подлинной республике **декоративные и закулисные** структуры власти **совпадают**.

За два с половиной века существования этой первоначальной римской монархии, в ней было всего семь царей. Когда пожизненные цари были заменены в 510 году двумя **ежегодными консулами**, то, казалось бы, что такая частая смена верховной власти может привести к некоторой анархии. Однако, отмечает Ортега-и-Гассет, рядом с ежегодными консулами всегда находился Сенат, как и во времена царей. **Сенат обеспечивал устойчивость**, длительность и продолжительность реальной политической власти в Риме. Римский Сенат был своего рода **осадком политической элиты** римского государства.

Первоначально, цари назначали сенаторами **старейшин** трехсот традиционных учредительных родов Рима. Затем назначения сенаторов, из традиционных знатных родов, производили цензоры. Кроме того, выбираемые (из бывших консулов) каждые пять

лет два цензора, для составления цензовых призывных списков всех граждан, имели право безапелляционно вычеркивать из списка сенаторов его недостойных членов. После конституционных реформ Корнелия Суллы (+ 78 до Р. Х.), сенаторами назначались квесторы, когда они заканчивали свой годичный срок служения.

В Риме ежегодно выбирали квесторов (сначала четыре, потом десять, и, наконец, двадцать), являвшихся самыми младшими сановниками Римской Республики. (Кандидаты в квесторы должны были быть старше 30-ти лет.) После отбытия своей годовой службы на этой должности, квесторы кооптировались, то есть включались **пожизненно** в Сенат.

Таким образом, Римский Сенат состоял из пожизненных сенаторов, число каковых варьировало в зависимости от ежегодной смертности сенаторов. (Теоретически, до Суллы Сенат должен был состоять из 300, а после Суллы из 600 сенаторов). Кандидатами на более высшие республиканские должности эдильей, преторов, консулов и цензоров могли быть только лишь члены Сената, причем, в порядке прохождения ими «курса чести» вышеназванных должностей (*cursus honorum*).

Таким образом, римским государством управляли одновременно два ежегодно сменяющихся верховных возглавителя (консула) и **никогда неменяющийся** Сенат, с постоянным составом из пожизненных сенаторов, лишь подновляющийся новыми сенаторами, в замену сенаторам умирающим. Третьим элементом был сам народ, то есть все граждане Рима, которые голосовали и принимали те или иные полагающиеся им решения на куриальных (племенных) сходках или по центуриям (сотням).

Вся эта тройственная система дополнялась весьма важным четвертым элементом **авгуров**. Это была жреческая коллегия, состоящая из шести членов, которая **сама кооптировала** (включала) в свой состав дополнительных членов, по мере необходимости. Она официально занималась **предугадыванием** дальнейшего развития военных и политических событий и процессов. То обстоятельство, что им одновременно было поручено и хранение государственных архивов, свидетельствует о характере и сути их деятельности: изучая и хорошо зная прошлое, они должны были предостерегать от повторения предыдущих ошибок. Они не обладали формальной властью принимать какие бы то ни были решения, но они имели право на **вето** по отношению к любым решениям власти имущих. Дабы обеспечить исполнительную силу для этих вето, их решения были с самого начала объявлены священными и никем не отменимыми. Более того, их приговоры имели трансцендентный характер, то есть они считались стоящими **над** человеческими притязаниями, ибо они формально зависели лишь от угадывания смысла и значения птичьих полетов. Таким образом, для начинания любого государственного дела, будь то военного дела или гражданского, была необходима предварительная положительная санкция авгуров. Это и было **«инаугурацией»** (буквально: «начинанием») не только нового годового периода вступающих на власть консулов, но также и началом любого государственного дела.

Во времена первоначальной римской монархии эта авторитарная политическая государственная система действовала следующим образом: После смерти предыдущего царя народ выбирал нового царя, Сенат его утверждал, а авгуры давали такому утверждению свою апробацию.

Однако в Римской Республике полная легитимность достигалась лишь после **назначения** нового царя или консула **предыдущими правителями**, так что после смерти предыдущего царя, если он заблаговременно не назначил себе преемника, выбирали на пять дней **между-царя, который не был полностью легитимным, ибо не был никем назначен, а лишь выбран**. Основной функцией между-царя было **назначить** выбранного народом, утвержденным Сенатом и апробированного авгурами нового царя (или консула). Если всё это не удавалось сделать за пять дней, назначали по жребию из сенаторов следующего между-царя на пять дней, и так, доколе было нужно.

Затем, после 510 года, при ежегодных выборах двух консулов (верховных главителей республики), десяти преторов (военных предводителей или воевод,

которые командовали легионами и были судьями) и других, более низких сановников республики, вся эта сложная процедура происходила так: народ голосовал за кандидатов, которые уже были сенаторами (за исключением впервые избираемых квесторов), в порядке их восхождения по иерархической лестнице, затем Сенат утверждал эти народные выборы, а авгуры давали заключительную санкцию для «инаугурации» выбранного кандидата, а затем предыдущие консулы их **«рукополагали»** на власть. (От сочетания слов manus dare, “дать руку”, и происходят глаголы mandare и comandare, командовать.)

Вся эта сложная процедура была полностью **публичной**, сиречь **авторитарной**, то есть **гласной** и **открытой** на всех ее этапах. Не было **закулисных**, засекреченных или мистериальных инстанций, могущих оказать решительное влияние на результаты этих процессов. Государственно-политический (а не чисто религиозный) характер функций коллегии авгуров явствует также из наличия в Римском государстве специфической религиозной жреческой коллегии «мостостроителей», «понтификов», состоящей из пяти членов, возглавитель каковой был верховным жрецом («pontifex maximus») Рима. Юлий Цезарь соединил обе эти коллегии понтификов и авгуров в одну, дав понтификам права авгуров, а его преемник Август (30 г. до Р. Х. – 14 г. после Р. Х.) сам принял титул «верховного понтифика» в 12 году до Р. Х., соединив в своем лице и многие другие титулы Римской Республики. Это и был конец соборной и авторитарной Римской Республики.

Все последующие римские императоры обладали также и этим титулом верховного языческого жреца, что давало им право на личную священную неприкосновенность, но одновременно подтверждало отмену соборного характера этой новой монархии, ибо принципиально сводило все государственные функции к одному единственному лицу. Таким образом, это уже была **абсолютная монархия**, вплоть до 391 года, когда император Феодосий Великий отказался от этого языческого титула верховного понтифика, ибо к этому времени все члены Римского Сената в Константинополе уже стали христианами, и вследствие этого император конституционно стал **христианским царём**.

Через полтора века, в 533 году, император Юстиниан Великий провозгласил свою Шестую Новеллу (Новый Закон) о **Симфонии**, не только регламентирующую **характер разделения** между Церковью и государством, но также и восстанавливающую старый римский принцип необходимой **нравственной цензуры** над носителями государственной власти. Православные цари были **самодержцами**, то есть полностью **независимыми** арбитрами в государстве, но принципиально они **не были абсолютными властителями**, ибо Православная Церковь выполняла функции прежних авгуров и цензоров, и вообще должна была действовать **в симфонии с верованиями народа**, что возводилось в высший конституционный принцип.

(Посему, церковные реформы Петра Великого, каковые официально оправдывались Феофаном Прокоповичем новым **императорским** титулом царя, который Феофан Прокопович ошибочно считал неразрывно связанным с титулом «верховного понтифика», на самом деле были реакционными абсолютистскими реформами, несомненно, повредившими соборный характер Русского Государства.) Однако, несмотря на все эти конституционные перемены в Римском Государстве, оно продолжало во все периоды своей истории оставаться государством с **публичными**, гласными структурами и органами власти, без мистериальных и без оккультных элементов.

## **Органы и структуры власти в Западной Европе**

Как известно, раскол между Западной Европой и Восточной Европой произошел формально в 1054 году. Однако, как и все исторические процессы, этот процесс раскола начался гораздо раньше, хотя вначале и подспудно, а затем, уже после формального раскола, еще продолжался некоторое время со значительной энергией. В действительности этот процесс не закончился полностью и до наших дней.

Первым видимым проявлением отхода Запада от церковного единства и от Восточной Римской Империи можно считать принятие римским папой в 391 году древнего

языческого жреческого титула pontifex maximus, после отказа императора Феодосия Великого от него. Следующим проявлением этого процесса был захват в 756 году администрацией папы римского, с помощью франков, некоторых территорий в северной Италии, ранее принадлежавших Римской Империи (Византии). В 781 году римские папы начали чеканить свою собственную монету со своим собственным изображением, вместо монеты с изображением византийского императора, как это было до тех пор.

Вскоре, в 800 году, папа римский короновал короля франков Карла как императора Западной Римской Империи, на что он не имел никакого политического ни юридического права. Известный английский историк Арнольд Тойнби считает этот 800 год символической датой **зарождения Западной Европы**, в которой, по его словам, до этого времени еще преобладали имперские структуры. С этого же момента в Западной Европе начинают преобладать **феодальные и корпоративные** общественно-политические структуры, **вместо имперских и соборных**.

Карл Великий стал раздавать своим приближенным во временное или постоянное пользование отдельные крепости, вместе с прилегающими к ним территориями, ранее входившими в состав римской укрепленной границы между Римской Империей и варварами. Это и было символическим концом имперских структур, когда бывшие имперские крепости становились частной собственностью вассалов франкского короля. Сам термин «феодализм» происходит от германского слова на франкском диалекте *fiēh-od*, что значит скот, **имуущество**. Взамен за имуущество, его получатель был обязан оказывать военные и политические услуги своему благодетелю. Таким образом, этот феодальный принцип **смешивает политические отношения с имущественными**, что со временем станет отличительной чертой западноевропейской цивилизации.

Нельзя забывать, что Западная Европа первоначально возникла как **конгломерат варварских германских княжеств** на завоеванных ими территориях Римской Империи. Готы, англосаксы, лангобарды и франки возводили свои собственные примитивные государственные структуры на обломках завоеванных ими римских провинций. Таким образом, местная **политическая власть** в этих новых государственных образованиях принадлежала не их коренному населению, а **завоевателям**, каковые одновременно являлись и новыми **собственниками** практически всего имущества на территориях этих образований. Однако кое-какие остатки прежней цивилизации всё же еще продолжали сохраняться. Кроме того, готы, которые первоначально осели на территориях Восточной Римской Империи, где частично приобщились к её цивилизации, принесли с собой в пятом веке из Византии в Западную Европу Свод римских законов императора Феодосия Второго (Codex Theodosianus), ставший первым источником римского права в Западной Европе.

Вторая волна германских варваров, на этот раз **норманнских пиратов**, обрушившаяся в девятом веке на Западную Европу, смела большинство еще сохранившихся остатков древней цивилизации, и одновременно снова нарушила устоявшийся было новый политический порядок. При этом норманы тоже смешивали имущественные отношения с политическими. Таким образом, в этой новой Западной Европе политика не была выражением **внутреннего политического согласия** граждан между собой, собранных на форуме, в агоре или на вече, а результатом **владения завоевателей**. **Власть и владение** сливались в одно понятие. Так, например, звание «лорда» этимологически первоначально обозначало «хлебодаделец».

Римская церковь тоже оказалась вовлеченной в такую политическо-общественную модель. Во-первых, она сама проявила формальные притязания на владение государственной территорией. Во-вторых, некоторые её ордена со временем превратились в организации, владеющие несметными богатствами, одновременно претендующими на **подспудное политическое влияние**. Этим страдали не только ордена храмовиков (темплиеров) и иоаннитов (сегодня – Мальтийский орден), но также частично и современный орден иезуитов. Даже можно частично провести некоторую параллель, с точки зрения технических структур, с некоторыми современными мафиозными

организациями, в которых **имущественное значение** сопрягается с **политическим влиянием**, в обоих случаях подспудно. В-третьих, формально и реально выйдя в 11-м веке из соборных структур вселенской Христианской Церкви (до этого возглавляемой «пентархией» пяти патриархатов), Римская Церковь нарушила соборный принцип также и внутри самой себя, заменив его принципом абсолютизма папской власти. Такое развитие оказало влияние и на развитие государственной власти в Западной Европе.

Многие историки объясняют формальное уничтожение публичных структур ордена храмовиков притязаниями королевской власти во Франции на колоссальное имущество этого ордена. Возможно, что вынужденное в результате этого частичное маскирование этого ордена под вывесками других рыцарских орденов (как, например, Тевтонского ордена меченосцев на границах России, из которого со временем развилось Прусское государство), а также и частичный его уход в подполье, привели к созданию сложных **технологии и символики закулисной системы теневых властных структур** в Западной Европе, конкурировавших за реальную власть с Римской Церковью и с западноевропейскими монархиями.

Вообще, тысячелетняя история Западной Европы, от провозглашения в 800 году папой римским Карла Великого франкским императором, до самоличной коронации Наполеона Бонапарте французским императором в 1804 году, лишь в присутствии папы Римского, была не только историей притязаний пап на политическую власть, но также и историей борьбы с этими притязаниями. Эта борьба зачастую принимала формы крупных восстаний и религиозных войн (например, альбигойцев - в 12-м и 13-м веках во Франции, гусситов – в 15-м веке в Чехии, а затем и протестантских войн в разных странах). Согласно И. Шафаревичу, в недрах некоторых из этих ересей подспудно развивались зародыши расцветших впоследствии идеологий социализма и фашизма.

После тридцатилетней религиозной войны между католическими и протестантскими государствами в Западной Европе, войны, обескровившей её народы, был подписан в 1648 году Вестфальский мир, установивший в ней очередной западноевропейский «новый порядок». Этот порядок был основан на дуализме между двумя западными христианскими конфессиями, при мультиполярности западноевропейских сил, при их стремлении к внутреннему равновесию между ними. Однако по отношению ко всему остальному миру, как православному христианскому, так и инославному, Западная Европа стремилась действовать как одна цивилизация, с претензией на гегемонию над всеми остальными культурами и цивилизациями.

Одним из последствий всех этих процессов в Западной Европе было восстановление в новых формах абсолютизма в государстве и его установление в Западной Церкви, что практически являлось реакцией на первоначальное христианство, после Константина Великого преодолевшего римский языческий абсолютизм. Причем, этот новый двойной абсолютизм в Западной Европе был вынужден отказаться от **соборных открытых структур** и вследствие этого опереться на **корпоративные** структуры, иногда мистериального характера, а посему частично засекреченные. В протестантских же государствах эта реакция на преодоление римского абсолютизма Константином Великим и Юстинианом Великим была выражена еще резче, вплоть до прямого подчинения Церкви государству, как в Англии.

Затем, уже после революций в Англии и Франции, на смену феодальному абсолютизму к реальной власти приходят **олигархические элементы, которые прикрываются ссылками на народное представительство**. Таким образом, возникают **двойные политические декорации**: с одной стороны еще кое-где сохраняющаяся монархическая власть деградирует до представительных функций, и одновременно создается **фикция народного представительства** через корпоративное средостение политических партий, идейное и реальное руководство каковых в основном является закулисным.

Именно эти сложные и многоярусные **закулисные структуры** реальной власти во многих современных государствах обладают характером системного **длительного**

**постоянства**, ибо их руководство является в большинстве случаев несменяемым. Это дает известную **стабильность их неустойчивым недемократическим партийным режимам, с постоянно меняющимися носителями формальной декоративной власти**. В результате, получаются смешанные режимы: **декорации публичны**, хотя и часто сменяемы, но **закулисная режиссура** их выставляемости строго **законспирирована**, если не мафиозна.

В заключение необходимо отметить политическо-общественную роль современных СМИ, одной из функций которых является **политическая доминация** над коллективным мнением большинства населения, от имени которого действует политическая олигархия. Для этого, основное направление оркеструемой СМИ политической пропаганды komponуется и дирижируется их закулисным руководством, которое также разрабатывает в законспирированных мастерских большинство муссируемых идеологических и политических концепций и терминологий. +

# Часть вторая. Модели и прообразы

## 1. Республика и демократия согласно Аристотелю

*(Доклад в аудитории посольства Греции в Буэнос-Айресе)*

### Колыбель политической науки

Греция была колыбелью не только новой политической формы «полиса», но также и колыбелью науки. Такое совпадение сильно повлияло на зарождение **политической науки**, достигшей своего наивысшего выражения в трудах Платона и его ученика Аристотеля. Оба этих философа и учёных жили в Афинах, где зародилась идея полиса.

Сегодня многие не имеют точного представления об истории этого полиса и о теориях, с ним связанных. Нужно иметь в виду, что в Афинском полисе, за приблизительно семь веков его существования до Аристотеля, уже состоялись **11 конституционных реформ**, в результате которых Афинский полис перепробовал практически все возможные **формы верховной власти**: монархию, аристократию, олигархию, демократию и тиранию, в их разных вариантах. Однако, необходимо подчеркнуть, что при всех этих реформах всегда принципиально сохранялась та или иная **смесь всех указанных режимов**, лишь сменяющимися соотношениями между ними, **с постоянной тенденцией к увеличению роли демократического начала**. Даже можно сказать, что самой сутью афинского «полиса» как раз и была такая **смесь политических режимов**. Однако, трагедия Афин заключалась в том, что, в конечном итоге, в них не было соблюдено главное правило древнегреческой мудрости: **ничего черезчур**. (Это правило просвечивает и в русской поговорке: **хорошего понемногу**). Когда в Афинском полисе, один из его составляющих элементов стал **абсолютным**, вытеснив практически полностью все остальные элементы, сам полис не только перестал быть таковым, но также и перестал быть жизнеспособным.

Аристотель описывает эти конституционные реформы в Афинах в своем труде «Афинская конституция». Аристотель затем лично пережил **провал абсолютной демократии в Афинах**, приведший к потере независимости (суверенитета, самодержавности) этого полиса навсегда. Еще при нём Афины были включены в Македонскую монархию, а потом в Империю Александра Великого. Затем, Афины были включены в Римскую Империю. Аристотель описал также 158 конституций разных стран тогдашнего мира, но, к сожалению, этот труд был потерян. Аристотель несомненно имел возможность располагать хорошей информацией также и о **Римской Республике**, к концу его жизни уже существовавшей более четырех веков. Аристотель умер в 322 году до Р. Х., через год после смерти Александра Великого, учителем которого он был. Таким образом, он был тоже непосредственным свидетелем создания империи Александра Великого, положившей начало **эллинистической цивилизации** и новому периоду в политической истории человечества.

Согласно греческому пониманию науки, зародившейся в тогдашней Греции (сперва в Малой Азии, а затем на Балканском полуострове, в Сицилии и в южной Италии), сама по себе наука является в конечном итоге **теорией**. Корень этого слова присутствует в русском глаголе «зреть», а также и в слове **театр**, сиречь **зрелище**. Таким образом, наука, по своему определению, является **обобщением наблюдений над действительностью**. Такое обобщение ведёт к открытию и установлению **закономерностей** в процессах, наблюдаемых в действительности. Значит, наука это не только описание самой по себе действительности, но и описание закономерностей, в силу каковых **любое явление является последствием его причин**. Такая научная работа также неизбежно требует и соответствующей **классификации наблюдаемых явлений**.

## Классификация политических режимов

Именно Аристотель прославился в истории науки своими двумя классификациями, с тех пор ставших классическими. Первая из них – это перечень всех возможных видов силлогизмов, каковая классификация за прошедшие с тех пор 23 века до сих пор практически осталась неизменной. Вторым таким классическим перечислением Аристотеля является его классификация политических режимов.

В своем труде «Политика», Аристотель изучает и описывает формы политических режимов, с их подвидами, видоизменениями и комбинациями. В результате, он формулирует список основных форм политических режимов, для чего он следует в основном двум принципам: **количеству властителей** в каждом из этих режимов и **качеству их функций**. При этом, он учитывает также и ряд социальных факторов, в том числе и имущественное положение граждан государства.

Как известно, Аристотель установил **шесть абстрактных форм** политических режимов: **три правильные формы** и **три извращения** этих правильных форм. Для этого он одновременно формулирует соответствующую политическую **терминологию**, которая сохраняется практически неизменной и до наших дней. Самый выпуклый, ясный и краткий вариант этой классификации Аристотеля гласит следующим образом: *«В первом исследовании различных государственных форм, мы различили **три правильных строя** («орфас политияс»): монархия, аристократия и полития («василиан, аристократиан, политиан»), и **три отклонения** («пареквасеис») от них: тирания от монархии, олигархия от аристократии и демократия от политии («тираннида мен василиас, олигархиан де аристократиас, демократиан де политеас»)*. (Аристотель. **Политика**, 1289 а, 25).

Аристотель поясняет, что самая лучшая форма, сиречь монархия (которую он часто называет также «василия», от «василевс», царь), трудно осуществима и встречается редко, ибо очень трудно найти необходимого для этого хорошо подготовленного и во всех отношениях хорошего человека. То же самое можно сказать и про аристократию. Посему из трех правильных (хороших) политических режимов, лишь третий из них (**полития** или, в переводе Цицерона, **республика**) является сравнительно легко достижимым на практике, ибо он является **комбинацией или смесью трёх или четырёх режимов** (двух других хороших режимов, монархии и аристократии, с элементами двух искаженных режимов, олигархии и демократии, но без тирании). Исторический анализ всех режимов приводит Аристотеля к убеждению, что чаще всего **этот третий хороший политический режим является смесью аристократии, олигархии и демократии, а иногда также и монархии**. Интересно, что Аристотель дает этому третьему хорошему режиму имя «полития», до этого бывшего названием вообще **всех политических конституций полиса**. Например, название труда Аристотеля «Афинская полития» обыкновенно переводят как «Афинская конституция». (Слово «полития» имеет общий корень с греческими словами «полис» и «политика» и с русскими словами «полк», «племя», «полнота»).

Три правильные формы политических режимов имеют своей функцией и задачей **общее благо всех граждан**. В зависимости от того, кто стоит во главе верховной власти, эти правильные формы являются монархией, аристократией или политией. В монархии возглавление принадлежит одному человеку, в аристократии немногим, а в политии многим. Однако, во всех этих трёх случаях, все возглавители этих трёх форм действуют **на благо всех граждан, а не на благо самих себя**. Когда же эти три вида верховной власти не действуют на благо всех, а в первую очередь, на благо **самих носителей власти**, то есть на благо самих себя, то в таком случае власть одного (монархия) извращается в тиранию, власть немногих (аристократия) извращается в олигархию и власть многих (полития) извращается в демократию. Несмотря на окончательно признанный классический характер этой классификации, она всегда сопровождалась двумя значительными затруднениями, вплоть до наших дней.



В первом из этих затруднений сам Аристотель ничуть не виноват. Дело в том, что, приблизительно три века спустя после него, известный римский политик и писатель Цицерон перевел на латынь **только лишь один** из этих шести терминов Аристотеля, а именно название третьей правильной политической формы (полития), в то время как он сохранил все пять остальных греческих терминов (*монархия, аристократия, демократия, олигархия и тирания*). Греческий же термин «полития» (πολιτεία, латинским шрифтом «politeia») Цицерон перевел латинским словом «**республика**» (буквально «общее или публичное дело»), являвшимся одновременно и одним из названий Римского Государства. Очевидно, что Цицерон таким переводом хотел подчеркнуть, что именно Римское государство и было «политией» Аристотеля. С тех пор, во всех переводах Аристотеля употребляется именно это латинское слово, *республика*, наряду с другими пятью сохранившимися греческими названиями остальных политических форм. Причем эта подмена греческого слова **полития** латинским словом **республика** происходит до наших дней не только в латинских, но также и в германских и в славянских языках.

Такая подмена одного из этих шести терминов со временем явилась поводом и для других подмен и даже подлогов в этой системе политической терминологии, с целью идеологических манипуляций. Например, после Французской революции, в некоторых переводах Аристотеля на французский язык, стали **заменять латинское слово «республика», обозначавшее «политию», то есть третий хороший режим, греческим словом «демократия», у Аристотеля обозначавшее извращение этой самой политии, то есть наименее плохой из трёх плохих режимов**. Затем такая подмена стала распространяться и на переводы и на другие языки, и в наши дни стала общепринятой. Таким образом, один из извращенных (плохих) политических режимов был переклассифицирован как хороший режим.

Другой причиной затруднений, связанных с этой тематикой, является игнорирование самой по себе весьма сложной политической теории Аристотеля, лежащей в основе его классификации. Дело в том, что Аристотель дает такое чёткое и выпуклое перечисление политических режимов, в основном, с целью классификации их **отвлечённых принципов** (начал), а не с целью сведения к ним всей сложной реальной исторической действительности. Эту действительность он затем описывает на многих десятках страниц своего труда, но современные идеологические публицисты её тенденциозно игнорируют.

Каждая из классифицированных Аристотелем политических форм имеет **несколько подвидов**, которые Аристотель и описывает подробно, причем это описание, хотя и основывается на наблюдении исторической действительности вплоть до его эпохи, всё же предугадывает и дальнейшее возможное развитие этих разных подвидов. Однако самая главная характеристика всей политической теории Аристотеля, сформулированной в его труде «Политика», заключается в его наблюдении, что на практике, то есть в исторической действительности, все политические режимы в большинстве случаев фактически являются, в той или иной мере, **смешанными**.

Внимательный анализ этой характеристики классификации Аристотеля приводит к заключению, что под её поверхностью кроется другая, более существенная классификация, которую можно вкратце выразить следующим образом:

### **Суть классификации Аристотеля**

Есть **четыре простых** режима, каковые могут существовать отдельно или в комбинации с другими режимами. Двое из них (**монархия и аристократия**) хороши в отдельности и в комбинации с другими, а другие двое (**демократия и олигархия**) могут быть положительными лишь в некоторых комбинациях с другими режимами, но отдельно, сами по себе, являются лишь извращениями хороших режимов. **Пятый режим (полития)** является, по своему существу, **сложным**, ибо образован, так или иначе, из этих четырёх простых режимов. Его качество зависит от конкретной комбинации его составляющих

частей, но в принципе он тоже является положительным, ибо сама по себе смесь его составных элементов ограничивает их возможные отрицательные характеристики.

**Шестой режим (тирания)** сугубо простой и всегда плохой, ибо он не в состоянии входить в комбинацию ни с каким другим режимом, а лишь иногда обманным путём декоративно ими прикрываться.

В заключение, можно еще отметить, что Аристотель дает греческие имена пяти режимам, и все они так или иначе хороши сами по себе или могут быть хороши в комбинации с другими. Лишь шестой режим всегда плох, и Аристотель дает ему варварское (не греческое) имя: *тирания*. (Это не индоевропейское слово по-видимому принадлежит одному из древних средиземноморских языков). Из этого можно вывести заключение, что Аристотель считает, что все хорошие государственные режимы так или иначе происходят от некоей до-греческой политической модели (общей индоевропейской, а значит также и латинской, германской и славянской), в то время как плохой режим имеет варварское происхождение. Возможно, что, в данном случае, на лицо некоторое преувеличение, ибо не все варварские тирании всегда были абсолютно отрицательными режимами. Однако, Аристотеля не очень интересуют варварские политические модели. Возможно, что его особенно возмущали **греческие тирании** в Сицилии, от которых лично не мало пострадал его учитель Платон. Значит, этот варварский политический режим, с варварским именем «**тирания**», был обиденным тоже и в Греции.

Однако, по-видимому, самый предпочтительный для Аристотеля режим, с греческим именем «**полития**», в самой Греции никогда не был полностью достигнут, или, по крайней мере, никогда долго не существовал. Эта политическая модель категорически восторжествовала в Риме, в латинской Центральной Италии, соприкасавшейся на юге с греческой Южной Италией, а на севере с этрусской Италией, находившейся под не малым греческим культурным влиянием. Может быть также и поэтому Цицерону показалось справедливее переименовать её первоначальное греческое имя «*полития*» на чисто римское «*республика*».

## **Предпосылки политической устойчивости**

В то время как Платон в своих изучениях и описаниях политической жизни человечества стремится к **определению условий, необходимых для идеального** политического режима, Аристотель не ищет идеального режима **в будущем**, на основании наблюдений над прошлым. Аристотель исходит лишь из политических **экспериментов**, каковыми богата история, и пытается привести в порядок и классифицировать результаты этих экспериментов. Таким образом, он устанавливает, что все политические режимы, в той или иной мере, являются **смешанными**, ибо во всех них так или иначе присутствует несколько разных абстрактных политических начал, лишь **с превосходством одного** из них.

Одновременно он устанавливает соответствующую мерку, с помощью которой можно измерять эти разные виды политических **смесей**. Такой меркой для оценки конкретных политических режимов в истории, согласно Аристотелю, является их **длительная стабильность** или **устойчивость**. Другими словами, **наилучшим возможным политическим режимом для Аристотеля является самый устойчивый, самый стабильный политический строй**, эволюционирующий органически, но **не нуждающийся в перестройках**, которым даже не все граждане могут быть полностью довольны, но к свержению которого мало кто стремится.

Несомненно, что Аристотель в данном вопросе никак не мог игнорировать местную афинскую традицию. Именно в Афинах одна из предыдущих 11-и конституционных реформ имела своей целью восстановить и утвердить в Афинском полисе его к тому времени сильно пошатнувшуюся **политическую и социальную стабильность**. Вторая писаная конституция Афин (первая писаная конституция была написана Драконом, установившего жестокие наказания для всех уголовных преступников, что с тех пор стало

отличительным признаком афинской демократии, до самого её конца), и третья по счёту с начала Афинского полиса, написанная в стихах афинским мудрецом Солонем (594 до Р. Х.), по заказу всего полиса, провозглашает необходимость **стабильного справедливого соотношения между бедными и богатыми гражданами** полиса. Сам Солон пишет так о правильном соотношении между бедными и богатыми в своей конституции:

*«Я поднял крепкий щит для одних и для других и не допустил, чтобы ни одни, ни другие **не победили несправедливо**».* (Аристотель. Афинская конституция, 12).

Солон сильно облегчил старые долги бедняков и запретил впредь давать им в долг под гарантию личной свободы должника. Кроме того, он **привёл в порядок всю афинскую систему мер, весов и денег**, каковая затем немало способствовала стабильности и популярности афинской валюты в Древнем Море. Он сохранил прежнее разделение всех граждан Афинского Полиса на четыре категории, по имущественному признаку, но установил чёткие соотношения между этими категориями. Первый класс платил налоги в размере пятисот медимнов, второй класс платил триста медимнов, третий класс двести медимнов.

В соответствии с этими категориями и выдвигались кандидаты на должности в полисе, из числа каковых затем окончательно определялся путём жребия тот или иной сановник Афинского полиса. Таким образом, конституционно устанавливалось теоретическое **соотношение между богатыми и бедными** в Афинской Республике, каковая именно с этого периода частично и **начинает принимать демократический характер**, как утверждает Аристотель в своем описании этой реформы Солона. (Аристотель. Афинская конституция, 7 и 8). Значит, **начало первой в мире демократии** было положено установлением **справедливого соотношения между богатыми и бедными. До установления такого соотношения, демократии не было.**

Эти конституционные постулаты **имущественной справедливости** Афинского полиса вскоре приобретают чёткую юридическую форму в Римской Республике, но без процесса **прогрессирующей демократизации**, каковой в Афинах привёл в конечном итоге к **абсолютной демократии**, а затем и к коллапсу самого Афинского полиса. (Для истории политических учреждений небезинтересно обратить внимание на параллелизм политических реформ в Афинах и в Риме. Политические идеи и теории в большинстве случаев зарождаются в Афинах, но чёткую юридическую форму и практическое применение они получают через несколько десятилетий в Риме, где они затем и соблюдаются строже и дольше, чем в Афинах. Это нам помогает сегодня лучше понять коренной смысл афинских реформ. На эту тему я прочёл несколько лет тому назад отдельный доклад, в рамках годовых циклов публичных докладов нашего «Общества эллинской культуры»).

В Риме республика продолжает быть **смесью монархических, аристократических и демократических начал и элементов**, с перевесом аристократических, после замены одного царя двумя консулами в 510 году. Даже можно вывести заключение, что в Римской Республике подспудно существовало убеждение, что демократию можно сохранить и одновременно обеспечить **хорошее правление**, даже с участием демократии, **только лишь с помощью аристократии**. Посему, в Римской Республике назначения магистратов никогда не происходили путём демократического метода метания **жребия**, а путём **ступенчатого отбора лучших, через выборы**. Ни одной высшей должности нельзя было достигнуть, не пройдя через **все предыдущие** низшие должности, *как гражданские, так и военные, попеременно*. Это называлось «курсом чести», *cursus honorum*. Правда, чисто юридически, выборы являлись лишь **рекомендацией для назначения** выбранных кандидатов, назначения совершаемого оканчивающими свой мандат сановниками, ибо **легитимность власти приобреталась лишь через назначение предыдущими сановниками своих заместителей**, а не через выборы. (Цицерон по этому поводу говорит: *Мы даём авторитет только наилучшим, дабы сохранить свободу для всех.*) Аристотель особенно подчеркивает, что **подлинная демократия** требует именно

**метания жребия**, для назначения своих сановников из числа всех граждан, **без разбора**, в то время как выборы являются методом аристократического или олигархического **отбора**.

Одной из самых важных функций Римского государства как раз и был такой **ступенчатый отбор** своих собственных правителей. Еще в начале четвёртого века после Р. Х. Римская Империя (простиравшаяся тогда от Англии до Сирии) управлялась двумя сословиями таких отобранных слуг: сенаторского сословия, состоявшего приблизительно из тысячи человек, и сословия всадников, состоявшего из приблизительно двадцати тысяч человек. Причем, к этому времени, в среде этих двух сословий оставалось очень мало потомков первоначальных основателей Рима, то есть подлинных патрициев. В большинстве случаев это были «выдвиженцы» из простого народа, вернее из всех народов, составлявших Римскую Империю. С середины третьего века особенную роль среди них играют уроженцы из современной Югославии, как, например, император Диоклециан, из Далмации, и святой император Константин Великий, родившийся в городе Нише, в сегодняшней Сербии. Они были **имперской аристократией**, а не партийной номенклатурой, и должны были служить не только в согласии с государственными бюрократическими нормами работы, но также и в согласии с общественными и сословными нормами **чести, служения и поведения**.

Приблизительно через полвека после Солона, четвёртый (предпоследний) римский царь Сервий Тулий, чье этрусское имя было Мастарна (579 – 535 до Р. Х.), поделил всех граждан Римской Республики (патрициев и плебеев) на **пять разрядов**, по имущественному признаку. Имущество первого разряда было более ста тысяч ассов (приблизительно – стоимость десяти лошадей), второго разряда – семидесяти пяти тысяч ассов, третьего разряда – пятидесяти тысяч, четвёртого разряда – двадцати пяти тысяч ассов и пятого разряда – одиннадцати тысяч ассов. Значит, первый разряд был в четыре раза богаче четвёртого и в девять раз богаче пятого. Вне этих пяти разрядов состояли неимущие, вернее – имущие только лишь детей, «*пролэс*» («пролетарии»), а посему освобожденные от «военных и мирных повинностей».

В Древнем Риме было общепризнано, что именно Сервий Тулий окончательно оформил конституцию Римской Республики, основанную её первым царём Ромулом в 753 году до Р. Х. Известный римский историк Тит Ливий пишет: *«Сервий Тулий учредил **ценз** – самое благодетельное для будущей великой державы установление, посредством которого повинности, военные и мирные, распределяются не по душе, как до того, но соответственно имущественному положению каждого. Именно тогда он учредил разряды и цензурии, и весь основанный на цензе порядок»*.

Когда в 510 году в Римской Республике пожизненная монархия была заменена годовым предводительством двух верховных преторов (согласно сохранившимся надписям, их титул первоначально гласил **«praetor maximus»**, буквально «верховный предводитель»), затем называемых консулами, то было специфически оговорено, что их выборы будут проводиться согласно прежней системе выборов по цензовым цензуриям, установленной царём Сервием Тулием. Также был полностью сохранён и прежний **соборный монархический конституционный** порядок, установленный ещё Ромулом, первым царём Рима. А именно, что во главе государства, наряду с царём (а затем, и наряду с консулами), всегда должны стоять два **«наивысших учреждения»**: коллегия пожизненных **авгуров** и **сенат**, состоящий из пожизненных сенаторов. (Оргета-и-Гассет обращает внимание на то, что Цицерон ставит на первое место авгуров, а Сенат – на второе).

До наших дней эта политическая концепция имущественного подразделения подспудно присутствует во многих политических и социологических анализах, когда население отдельных стран разбивается на пять **«квинтилей»** (пятых частей), то есть двадцатипроцентных групп, по уровню подушных доходов. Кратное соотношение между первой и последней группами является одним из весьма важных показателей социальной устойчивости страны. Например, в Аргентине первый квинтиль её населения сегодня (в

2005 году) имеет около **53 процентов от всех доходов** страны, четвёртый квинтиль немного более 8 процентов, а пятый, самый бедный квинтиль, не доходит до 4 процентов. Значит, первый разряд граждан в Аргентине сегодня имеет приблизительно **в 15 раз больше** доходов, чем самый бедный «квинтиль» населения, и **в 6,5 раз больше**, чем четвёртый квинтиль, что считается не очень удачным соотношением, каковому до первоначальных республиканских норм еще довольно далеко. (В России, олигархическая часть населения, в том же 2005 году, имела, согласно некоторым публикациям, даже **92 процента от всех доходов** страны, хотя она представляла лишь около 15 – 17 процентов от всего населения).

Таким образом, одной из предпосылок **подлинной республики** является более или менее **справедливое соотношение** между имуществами и доходами **самых бедных и самых богатых** граждан. Однако, это отнюдь не обозначает тенденции к полному имущественному уравниванию граждан, с целью достижения их полного имущественного равенства, что характерно для проповеди социализма и абсолютной демократии. По этому поводу, Ортега-и-Гассет пишет:

*«Ожесточенная демократия (la democracia exasperada) является самым опасным недугом, которым может страдать общество. Кто раздражается, когда видит неравное отношение к равным, но не волнуется, когда видит **равное отношение к неравным**, не является демократом, а является плебеем».*

### **Республика является комбинацией большинства с меньшинством**

Делая свой обзор всех тогдашних конституций тогдашнего мира, Аристотель никак не мог не обратить внимания на конституцию именно этого Римского государства, к тому времени уже начавшего сильно расширяться и практически достигшего границ греческих территорий в Южной Италии. Однако, в дошедших до нас трудах Аристотеля, он нигде не называет Римскую Республику по имени, хотя в одной фразе в «Политике» он несомненно имеет в виду ее характерный конституционный строй: **«В политиях немногие обладают авторитетом, чтобы отвергать, но не утверждать, ибо в последнем случае предложение всегда выносится на утверждение большинства.»** (Политика, 1299 а).

Как раз это и происходило в Римской Республике: **авторитетом отвергать** обладали, в первую очередь, **авгуры**, а затем и **сенаторы патриции**, сиречь потомки «отцов» – учредителей. (Новые сенаторы, которые не были потомками основателей Рима, таким «auctoritas patrum», «авторитетом отцов», не обладали). Цицерон это имеет в виду, когда подчеркивает: **«Я даю свободу народу, для того, чтобы хорошие осуществляли авторитет».** (Цицерон. Законы. 3, 38). Дабы эта свобода существовала на деле, а не только на словах (in re, non verbo), она должна быть **«доверена славнейшим учреждениям, для того, чтобы уступить авторитету первейших».** (Там же, 3, 25).

Само имя Римской Республики тоже говорило о такой двойственной структуре большинства и «немногих»: S. P. Q. R. (Senatus Populusque Romanus), сиречь «Сенат и народ римский». Причем, само слово **«populus»** по своей сути тоже обозначает **полноту всего народа**, сиречь **сумму** большинства и меньшинств, ибо само по себе большинство имело свое собственное имя: **plebs**. (Между прочим, выражения **«полнота»** и **«полис»** – имеют общий индоевропейский корень). Тит Ливий пишет: Non populi sed plebis magistratus. (Магистраты плебса, а не всего народа).

Вообще, нельзя упускать из виду необходимости терминологической точности в этих вопросах. Например, слово **«демос»**, входящее в состав слова «демократия», в древней Греции применялось по отношению к районным общинам (коммунам, municipium), а в Византии так назывались её провинции. **«Народ»** по-гречески назывался **«лаос»** (откуда имя Николай, победитель народов) или **«этнос»** (откуда «этнический»). Иногда и выражение **«полис»** имело это же значение. Например, в Византии народные песни назывались **«политическими»**. Выражения **«охлос»** и **«плефос»** обозначали «толпу»,

«множество, «чернь», и по своему значению были весьма близки к латинскому слову «плебс», но одновременно они употреблялось и как синоним «демоса».

Таким образом, если в республиках политическая власть принадлежит соборному большинству и меньшинству, то в чистых демократиях власть формально принадлежит **только лишь большинству**. Так как на практике это невозможно осуществить, приходится прибегать к фикции «представительства»: большинство само по себе не управляет, а управляют вместо него **формальные представители большинства**, реально представляющие корпоративные идеологические (партийные) интересы. Однако, политическое большинство может меняться, и даже может случиться, что меньшинство когда-то станет большинством. Посему, чисто технически, для стабильности демократии, необходимо предоставлять меньшинствам все возможности, чтобы со временем стать большинством, и, вследствие этого, придти к власти. В противном случае, власть первоначального большинства со временем превратится во власть меньшинства, причём меньшинства не аристократического, в подлинном смысле этого слова, а плохого, **эгоистичного**, то есть олигархического. Так демократия автоматически превращается в **олигархию**, что на самом деле сегодня и происходит почти глобально во всём мире, неизменно сохраняя при этом лишь **демократические декорации**, каковые являются обязательным фетишизмом. Кроме того, как говорит Оргета-и-Гассет, демократическое большинство сегодня зависит от одной технической детали: **подсчёта голосов**, а значит и от возможных **манипуляций**, в то время как **соборным согласием большинства и меньшинства манипулировать почти невозможно**.

Значит, только **соборное государство** («республика», с монархом или без него) может обеспечивать в своих рамках на длительный срок также и **подлинную демократию**, правда не абсолютную (ожесточенную), но **ограниченную** другими элементами власти. Однако, ввиду трудностей манипулировать из-за кулис любым таким **правильным политическим строем**, сегодняшние верхи глобальных олигархий предпочитают **крайнюю** или **абсолютную демократию**, несмотря на предупреждение Аристотеля: *«Олигархия и демократия даже могут быть приемлемыми, хотя они и являются отклонениями от лучших режимов, однако если доводить до крайности ту или другую, их строй начнет ухудшаться и кончится тем, что он вообще перестанет быть строем»*. (Политика, 1309, в).

## **Политическая власть должна быть порядочной и компетентной**

«Политика» Аристотеля помещена самим автором вслед за его «Этикой».

Практически все его комментаторы интерпретируют это, как лишнее указание на **зависимость политики от нравственности**. Испанский философ Юлиан Марияс, в своем предисловии к современному научному переводу «Политики» Аристотеля на испанский язык (опубликованному в двуязычном издании), утверждает, что «этнос» (нравы) являются для Аристотеля главной политическо-общественной силой. В Афинской демократии все кандидаты на государственные должности, распределяемые путём метания жребия, должны были предварительно **публично подтвердить свою приверженность религиозным верованиям и нравственным убеждениям** афинского народа, помимо подтверждения принадлежности к нему, принадлежности личной и своих отцов.

В своем «Седьмом письме» из Сицилии, Платон в конечном итоге сводит все свои сложные требования по отношению к политикам к двум основным: **порядочности и компетентности**. Оба эти качества требуют соответствующего **воспитания**, а посему Платон и придает ему такое значение. В его последнем труде «Законы», тема воспитания (педагогика, водительства детей) является центральной. В Афинах вообще считалось, что без полного среднего **целостного воспитания** (гуманитарного, артистического, спортивного и военного) в одной из афинских гимназий, а затем и отбытия воинской повинности, никто не может быть полноценным (и полноправным) гражданином полиса. Именно Афины являются колыбелью такого целостного воспитания, затем блестяще

возрожденного в Российской Империи, в её **системе кадетских корпусов**. Платон же выдвинул и требование последующего **обязательного дополнительного образования** (в течение **десяти лет!**) **для кандидатов в будущие правители**, каковое частично тоже осуществлялось в России, в Царкосельском Лицее.

Некоторые современные демократические конституции тоже требуют от правителей «компетентности». Например, Аргентинская конституция требует **компетентности** от своих правителей, употребляя выражение «*idoneidad*», но никак не определяет это требование и не регламентирует его. Во Франции генерал Де Голль учредил известную «Национальную школу администрации», с тех пор поставляющую этой стране кадры для её высшего руководства.

В своём «Шестом новом законе» (новелле) о Симфонии, Святой Император Юстиниан Великий определил условия, необходимые для «*украшения человеческой жизни*», для «*пользы рода человеческого*», путём «**доброй симфонии**» («*благозвучия*») между Церковью и Государством: во главе Церкви должно стоять **беспорочное** и верное только лишь Богу священство, а Государство должно иметь **правильный политический строй** (орфас политияс) и быть возглавляемо **компетентными** и **порядочными** правителями. Интересно, что император Юстиниан Великий употребил в греческом тексте этого своего закона буквально те же самые слова, которыми пользовались за девять веков до него Платон и Аристотель. Шестая новелла затем вошла в «Номоканон» и стала обязательным ориентиром для всех православных христиан.

Приблизительно схожую ориентацию в толковании подлинного смысла и значения «правильного политического режима» можно частично проследить и в некоторых западных традициях. Например, в конституционном тексте «**инаугурационной**» присяги канцлера современного Германского Государства даётся обещание «**приумножать блага**» граждан этого государства, каковое выражение взято из римской традиции понимания «авторитета» в государстве. Присяга нового канцлера перед парламентом Германии происходит по конституционной формуле, начинающейся со слов: «Я присягаю, что буду **служить немецкому народу** (*dem deutschen Volke dienen*)... что буду **приумножать его блага**» (*seine Nutzen mehren*). В данном случае, термин «приумножать» выражен немецким глаголом «*mehren*», являющимся переводом латинского глагола «*augere*», от которого происходит императорское **имя Август**. (В современном русском языке корень этого латинского глагола сохраняется в словах *инаугурация*, *авторитет*, *авторитетный*, *авторитарный* и т. д. Когда царь Петр Великий получил от Сената титул Императора, на некоторых его портретах, сделанных западными художниками, появился русский перевод этого имени: «**присноприбавитель**», всегда приумножитель.)

Таким образом, в современной Союзной Республике Германия, её правители присягают, что они будут править «**на благо народа**», согласно определению Аристотеля.

## 2. Зарождение и развитие демократии в Афинах

### Вклады Древней Греции в мировую культуру

Греческий народ, и особенно его Афинский полис, внёс много вкладов в цивилизационную сокровищницу человечества. Можно отметить создание первого полного алфавита (с гласными), чеканку первой монеты точной пробы с точным весом, зарождение философии, истории, медицины, политической теории и других наук, и, наконец, развитие специфического политического строя, впервые названного в Афинах «**демократией**».

Интересно, что все эти достижения на самом деле были **усовершенствованиями** уже развивающихся процессов, из давно возникших принципов, чьи начала иногда теряются в глубине веков. Эти улучшения имели прагматический характер, то есть были вызваны практическими необходимостями жизни, но при этом все они отличаются стремлением к

достижению, в той или иной мере, ясности и понятности. Можно сказать, что именно в таком творчестве полнее всего и проявился гений Древней Греции.

**Греческий алфавит**, как известно, является усовершенствованием финикийского слогового консонантного письма, в свою очередь, по-видимому, зародившегося от египетского демотического (народного) словесно-слогового идеографического письма. Однако, ни демотическое ни финикийское письма не имели **гласных**, графическое изображение каковых впервые создают греки. Возможно, что это нововведение было отчасти вызвано желанием полноценно записать стихи Илиады и Одиссеи, чтобы сохранить в написанном виде их правильное звучание и метрику, при пении и декламации, ибо метрика зависит от гласных.

**Рубка металлов на куски** (главным образом серебра), для их употребления при оплате товаров и услуг, по-видимому, впервые стала практиковаться в соседней с Грецией малоазиатской Лидии, чей последний князь Крész прославился своим богатством. Однако, именно в Афинах эта **рубка** (оттуда и наше слово **рубль**) впервые дополнилась **чеканкой** отрубленного куска металла, с определёнными пробой и весом, с удостоверением ценности и происхождения каждой монеты. Интересно, что афинские драхмы в действительности весили чуть больше, чем их официальный вес (4,32 грамма серебра). Таким образом, афинский полис провозглашал с самого начала, что не собирается быть фальшивомонетчиком.

Многие науки, как, например, **астрономия, геометрия и медицина**, существовали и до Греции, главным образом в соседних Египте и Месопотамии, в виде систематизированных сводов практических знаний, а не как результаты исследований, с их последующим **теоретическим обобщением** в **гипотезы и законы**. Для формулирования таких **научных закономерностей**, было необходимо ответить на ряд до этого поставленных отвлечённых, но одновременно рациональных, **вопросов**. Постановкой вопросов и начинают систематически заниматься греки. Об этом конкретно говорит основатель исторической науки Геродот, в самом начале своей **«Истории»**: *«Геродот из Галикарнаса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом.»*

Также и **принцип демократии** несомненно существовал потенциально уже до учреждения Афинского полиса. Однако именно в Афинах он кристаллизуется и начинает применяться практически, в разных градациях и комбинациях. Само понятие демократии анализируется и его **определение** включается в первую общую теорию политических режимов и форм, в трудах Платона **«Полития»** и Аристотеля **«Политика»**. \*). Более того, в труде Аристотеля **«Конституция Афин»** (найденном в Египте в 1891 году) описываются зарождение и возникновение **демократического элемента** в Афинском полисе и его конкретное историческое развитие. Этот труд является практически единственным документом, сохранившимся до наших дней, в котором хронологически перечисляются и определяются все конституционные реформы в Афинском полисе, за всё время его существования. (Этот труд был написан Аристотелем вскоре после окончательного краха Афинской демократии). \*\*)

Для полноценного понимания выше отмечанных достижений эллинского гения, необходимо не упускать из виду, что они **продолжают быть актуальными** и в наши дни. Практически все современные алфавиты Западной и Российской цивилизаций происходят от первого греческого алфавита. Все выпускаемые в мире деньги продолжают выпускаться в обращение на основании государственного удостоверения их номинальной цены. Современная философия всегда начинается с её первоначальных принципов и вопросов, впервые выдвинутых и поставленных древними греческими философами Фалесом Милетским, Гераклитом, Парменидом, Сократом, Платоном, Аристотелем и другими. Многие науки и сегодня имеют в своих основаниях достижения древних греческих учёных,



как, например, классификацию силлогизмов Аристотеля, теоремы Пифагора и Евклида, законы Архимеда. В медицине, молодые врачи начинают свою практику после принесения клятвы Гиппократу.

Однако, самым впечатляющим наследием древних Афин является **демократия**, сегодня ставшая **главным тотемом современной глобальной цивилизации**, правда, не без существенных искажений её исконного смысла и её первоначальных принципов и процедур. Это делает чрезвычайно важным объективное исследование её происхождения и развития в Афинском полисе. Тем более, что глобальное распространение современной **неодемократии** началось **до** нахождения «Конституции Афин», единственного источника, конкретно описывающего зарождение и развитие первой демократии в Афинах.

## Возрождение соборного строя в Афинах

Политические формы и структуры отдельных народов в сильной степени отображают их социологическую действительность, слагающуюся из ряда составных элементов (этно-генетических, религиозных, мировоззренческих, исторических, социальных, хозяйственных, геополитических и иных). На заре истории, мы видим народы разного профиля (например: кочевые, оседлые, земледельческие, скотоводческие, и т. д.). Древние греки были поначалу скотоводами и земледельцами, с языком и с общественным родовым строем индоевропейцев. Этот родовой строй был присущ практически всем западным индоевропейским народам: грекам, кельтам, италийцам, германцам, славянам. При эволюции этого общественного строя в племенной, а затем и в государственный строй, естественно и органически возникавшие **политические структуры** всегда имели **соборный** (сложный, смешанный) характер: Рядом с **князем** (монархический элемент) всегда существовал аристократический **совет старейшин** (вначале состоявший из представителей родов, а затем из действительных и бывших начальников), которые выносили свои совместные решения на одобрение общих **народных собраний** (демократический элемент).

Древние греки поначалу, по-видимому, не знали мореплавания, ибо в их языке отсутствовало выражение «море». Прибывшие на территорию Греции несколькими волнами, по-видимому, начиная приблизительно с 1900 года до Р. Х., они вскоре стали также мореплавателями и коммерсантами и заимствовали у прежних обитателей Греции слово «таласса» (море), не индоевропейского происхождения. Территория Греции **геополитически и культурно** находилась тогда в сфере влияния двух «талассократий» (морских сил): Критской (Минойской) и Финикийской. В результате сложных взаимодействий между этими тремя геополитическими и **аксиополитическими** \*\*\*) факторами, зарождается новый политическо-культурный полюс: **Европа**. Согласно древнегреческой мифологии, Европой называлась **финикийская** царица, которая была похищена **греческим** богом Зевсом и увезена им на **Крит**. (Крит был завоёван греческими дорийскими племенами в XV веке до Р. Х.).

Со временем в Греции установилась смешанная греко-критская культурно-политическая модель, которую принято называть **крито-микенской** культурой, по городу Микены, на Пелопоннесе, бывшего столицей легендарного греческого вождя Агамемнона. Эта модель просуществовала от XV до XI веков до Р. Х. Она была имитацией чужих технологий и **чужих форм**, вернее **сковывание собственного быта чужими формами**, каковое Освальд Шпенглер назвал «**псевдоморфозой**» или «**фальшивыми формами**». \*\*\*\*)

В рамках этой псевдоморфозы, в Древней Греции стали развиваться первые «полисы» (политические союзы городов с окружающими их поселениями), с чужими политическими формами и структурами, вытеснившими и заменившими первобытный индоевропейский соборный политический строй греческих родов и племён. Так, самобытные племенные князья превратились во властителей с чужим характером, часто и с чужим именем «**тиранов**».

Афинский полис возник в середине второго тысячелетия до Р. Х. Вскоре он оказался в рамках крито-микенской культуры. Около 1200 года, Афинский полис, по-видимому, добился своей независимости. Согласно легенде о Минотавре, Тесей, являвшийся сыном афинского царя Егея, освободил Афины от зависимости и от уплаты дани минойской монархии на Крите.

Тесей был тринадцатым по счёту василевсом (царём) из числа двадцати царей Афин, частично легендарных и полумифических. Тесей тоже был легендарной и частично мифологической личностью. После Тесея в Афинах было еще семь царей.

Тесею одновременно приписывается также и объединение Афин с соседними двенадцатью деревенскими поселениями Аттики, в которых для этого были упразднены местные религиозно-политические инстанции, и перенесены в один общий центр, в Афины. По-видимому, при этом учредительном акте, который сами афиняне затем называли «**синекией**» (сожительством), происходит некоторое восстановление домикенских (индоевропейских) соборных политических структур. Упразднение местных инстанций требовало учреждения каких-то новых представительных инстанций при центре. В пятом фрагменте «Конституции Афин», Аристотель пишет: *«Афиняне разделяются на четыре племени, ибо они подражают четырём временам года. Каждое племя разделяется на три трети, так что получается двенадцать частей, как и месяцев в году»*. Очевидно, что обе эти легенды (о Минотавре и о синекии) содержат некоторые анахронизмы, характерные для всех исторических легенд. Однако, афиняне не только хорошо помнили это учреждение их независимого и соборного сожительства, но также отмечали и праздновали его ежегодно, и даже чествовали по этому поводу специальную богиню этого события «Синекию».

Аристотель утверждает, что именно при Тесее в Афинах **впервые политически проявляется народный элемент**. Так начинается **преодоление предыдущей крито-микенской монархии в Афинах**, которая хотя и была частично ограничена аристократией, но без участия народных элементов, всё-же она не сохраняла ни дух ни форму исконного индоевропейского политического строя. Аристотель говорит об этом событии в четвёртом фрагменте «Афинской конституции»:

Тесей *«был первым, кто склонился к охлосу (αλεκλίνε προς τον οχλον), как говорит Аристотель, и отменил монархию, что, по-видимому, свидетельствует также и Гомер, который в списке кораблей называет демосом (δεμου) только афинян»*.

Приблизительно через сто лет после Тесея и легендарного освобождения Афин от уплаты дани Криту, около 1150 – 1100 годов в Греции повсеместно наступает **крах крито-микенской псевдоморфозы**. Согласно Арнольду Тойнби, это произошло в основном по причине чрезмерных **милитаризма и бюрократизма** крито-микенских структур, не выдержавших натиска новой волны греческого племени дорийцев, ворвавшихся с севера. Происходит разрушение микенских дворцов, ликвидация дворцовой бюрократии и потеря минойской линейной письменности на табличках. После такой катастрофы, типичной для многих псевдоморфоз, в Греции наступают т. н. «**тёмные века**». Тойнби считает, что, во время этих тёмных веков, Греция **забывает чужие и начинает возрождать свои собственные формы и возвращаться на свои собственные пути**, не отбрасывая при этом огульно все чужие достижения, но перерабатывая некоторые из них на свой лад. Благодаря этому, считает Тойнби, при выходе из этих тёмных веков, в Греции начинается её самый блестящий период: период **классической эллинской культуры**. \*\*\*\*\*)

## **Начальные демократические реформы в Афинах**

Аристотель описывает в «Конституции Афин» все конституционные реформы в Афинах, первые из которых были направлены на развитие соборного строя и на предотвращение возможных политических и социальных потрясений.

**Первой такой реформой** было учреждение должности **полемарха-архонта** (**воеводы**, буквально – военачальника, трибуна конницы в Риме, тысяцкого в Новгороде),

первоначально в качестве **первого помощника царя** (архонта-василевса). Должность полемарха была учреждена для предотвращения возможных затруднений, в случае отсутствия военных талантов у очередного архонта-василевса. Такая важная роль **военного вождя** становится одной из главных характеристик афинской демократии. В последний период существования Афинского полиса, **военный вождь становится первой фигурой афинской демократии**. (Как известно, самым известным демократическим лидером Афин был военный вождь Перикл).

Затем учреждается должность **третьего архонта** (буквально: начальника). Со временем, этот третий архонт становится первым архонтом, **с титулом архонта-эпонима**, т. е. дающего свое имя году. Титул царя (**архонта-василевса**) сохраняется для второго архонта, без каких-либо особых политических или военных функций, кроме председательства в Аеропаге (Совете старейшин) и возглавления религиозных жертвоприношений и обрядов. Третьим архонтом становится полемарх (воевода, тысяцкий). Этот порядок рангов между тремя старшими архонтами в будущем меняется. Под конец афинской демократии, первым архонтом становится полемарх, архонт-василевс продолжает быть вторым архонтом, а архонт-эпоним становится третьим.

Все отслужившие свой срок архонты становятся членами **совета старейшин** (сената), заседающих на **Ареопаге** (холме бога войны Ареса), напротив Акрополя, под председательством архонта-василевса.

С 753 года архонтов выбирают не пожизненно, а на 10 лет. С 682 года их выбирают только на 1 год, и одновременно учреждаются шесть **младших архонтов**, для административных работ, так что Афинами управляют девять архонтов. («Архонт» можно буквально перевести, как «начальник», от корня «архе» - начало, власть. Южные славяне переводят этот титул, как «**князь**»).

Таким образом, первой конституционной демократической реформой Афинского полиса было **учреждение военной власти**, ставшее началом создания **тройственной верховной власти** афинской демократии (политической, религиозной и военной), олицетворяемой тремя старшими архонтами, при содействии шести младших архонтов.

**Вторая конституционная реформа** в Афинах была реализована в 624 году архонтом Драконом, который создал первое письменное уголовное законодательство, затем всенародно опубликованное, с жестокими наказаниями за уголовные преступления, в том числе, особенно, за воровство. Такое отношение к преступникам, с этого момента, становится тоже характерным для афинской демократии, до конца её существования, хотя законодательство Дракона было затем частично смягчено.

**Третью конституционную реформу** произвёл архонт Солон в 594 до Р. Х. Она имела своей целью восстановить и утвердить в Афинском полисе **политическую и социальную справедливость между богатыми и бедными**, к тому времени сильно нарушенную. Эта третья (и вторая писаная) конституция Афин была написана и обнародована архонтом Солоном в течение одного года, по заказу всего полиса. Она провозглашает необходимость **справедливого соотношения между бедными и богатыми гражданами** полиса. Сам Солон возвещает это в стихах, написанных им по этому поводу:

*«Я поднял крепкий щит для одних и для других и не допустил, чтобы ни одни, ни другие победили несправедливо... Я это сделал силой закона, сочетая силу со справедливостью... Я написал одинаковые законы для хороших и для злых, прилаживая к каждому из них справедливое правосудие».* (Аристотель. Афинская конституция, 12).

Солон разделил всех граждан на **четыре разряда**, независимо от их принадлежности к одному из четырех первоначальных племён (Фил), объединение каковых привело к созданию Афинского полиса, более чем четыре века до этого. Формально, это новое разделение Солона было сделано лишь в зависимости от годовых **доходов** граждан, но по сути, оно было **функциональным (служебным)**, главным образом с **военной**, а вследствие этого и с политической точек зрения.

К первому разряду были отнесены все те граждане, годовой доход которых соответствовал стоимости не менее чем 500 мер («медимн») ячменя. (1 медимна = 52 литра). Из их состава выбирались 10 архонтов (начальников) и члены ареопага (сената). Ко второму разряду населения были отнесены все граждане, имевшие доход не менее 300 медимнов. Они должны были служить в коннице, ибо могли содержать своего коня. К третьему разряду были отнесены все те, чей доход составлял не менее 200 медимнов. Они служили в пехоте, и должны были иметь полное тяжелое вооружение. В четвертый разряд были включены все те, чей доход был еще меньше и кто земли не имел совсем. Они лишь имели право участвовать в общем народном собрании и в суде присяжных (платном).

В соответствии с этими категориями и выдвигались кандидаты на должности в полисе, из числа каковых затем окончательно определялся путём жребия тот или иной сановник Афинского полиса. Таким образом, конституционно устанавливалось теоретическое **соотношение между богатыми и бедными** в Афинской Республике, каковая именно с этого периода и **начинает принимать демократический характер**, как утверждает Аристотель в своем описании этой реформы Солона. (Аристотель. Афинская конституция, 7 и 8). Солон сильно облегчил старые долги бедняков и запретил впредь давать им в долг под гарантию личной свободы должника. Ранее проданных в рабство афинских должников он выкупил за счёт государственной казны. Солон особенно выражает свою радость по поводу **возвращения на свою родину афинских эмигрантов**, вынужденно покинувших её из-за их задолженности. Кроме того, он **привёл в порядок афинскую систему мер, весов и денег**, каковая затем немало способствовала стабильности и популярности афинской валюты в Древнем Мире. За эти реформы, в древности Солон считали одним из семи мудрецов мира.

Значит, **первые три демократические конституционные реформы** в Афинах были проведены с целью достижения **военной, юридической и социальной устойчивости**. Сперва было обеспечено соучастие военных верхов в государственной власти, при соблюдении религиозных традиций и народных верований. Затем было обеспечен ясный и общеизвестный законный порядок, со строгими наказаниями преступников. Наконец, были категорически обузданы и запрещены злоупотребления со стороны олигархических элементов, для обеспечения социальной справедливости. С тех пор, стремление к **устойчивости в государстве** считалось древней греческой наукой **главной целью правильной политики**.

## **Демократические структуры и процедуры**

Приблизительно через 90 лет после Солона, в 508 году, новый вождь Афинского полиса Клисфен произвёл **пятую реформу** афинской конституции. (Четвёртую реформу произвёл тиран Писистрат, незадолго до Клисфена).

Вместо **четырёх старых фил** (племён, в Новгороде называвшихся концами), в свое время образовавших Афинский полис, Клисфен учредил **десять новых фил**, но уже не по родовому, а по чисто **территориальному (земскому)** признаку. Теперь филы составлялись не из родов, а из отдельных **«демосов»**, то есть **территориальных подразделений** (уделов, приходов, уездов). Демосы теоретически приравнивались в военном отношении к **сотням**. Десять демосов образовывали одно из десяти племён (фил), одновременно являвшимся одной из десяти **тысячь** (полков). Во главе демосов стояли димархи, а во главе фил или тысячь – стратеги.

Очевидно, что эта реформа на самом деле возрождала в немного ином виде традиционную индоевропейскую организационную структуру, которую можно проследить не только в Риме, но также и у нас на Руси. Например, академик Рыбаков так описывает нашу «систему поселков, приноровленную к обороне»: *«В левобережье Днепра, всегда особенно доступном для набегов степняков, уже в VII - IX веках сложилась особая система земледельческих поселков, приноровленная к обороне: все деревни являлись*

небольшими крепостями на высоких мысах... Каждая крепость-деревня называлась «**сотней**», а совокупность нескольких «крепостей» с градом во главе их – «**тысячей**».

Этимологически «демос» значит **подразделение, часть**: «Демос, **территориальное подразделение и народ этого подразделения**, от корня *δη, διαομαι, разделяю*».

(Итальянский этимологический словарь древнегреческого языка: Vocabolario Greco antico. Renato Romizi, Bologna 2001). С помощью корня *δη* образованы многие слова разных индоевропейских языков, как например: делить, deal, Theil.

Значит, в **каждую филу** (племя) **входило 10 демосов**, так что всего было 100 демосов. (По-видимому, это число демосов затем менялось, в зависимости от общего количества граждан). В свою очередь, в каждый демос входили совместно богатые и бедные, знатные и незнатные граждане, жившие **по соседству**, числом от 100 до 500 граждан (всех жителей в каждом демосе было приблизительно в десять раз больше). От каждой филы входило в Совет Афинского полиса по 50 граждан, каковой посему стал называться «Советом пятисот», вместо предыдущего «Совета четырёхсот», когда от каждой из четырёх первоначальных фил в Совет входило по 100 представителей. Демосы **выбирали путём жребия** из своего состава по одному кандидату в архонты, из граждан, принадлежащих к первому классу. Из всех 100 кандидатов от всех 100 демосов затем **назначалось путём жребия** 10 архонтов, срок их на один год. Никто не мог быть архонтом во второй раз, прежде чем все граждане не побывали на этом посту.

Благодаря этим реформам Клисфена от 508 года, конституция (полития) Афинского полиса «**стала демократичнее**», утверждает Аристотель. Она не только обрела свою окончательную основную структуру, но также и свое идеологическое и терминологическое определение: **демократический строй**, то есть **земский общинный строй**, в котором **первичное выдвижение кандидатов** на государственные должности происходило, путём жребия, в избирательных округах, каковыми были территориальные подразделения, называемые **демосами**. В Новгороде демосы назывались «**улицами**», а филы – **концами**.

Эти конституционные реформы Клисфена можно считать **кульминацией** положительных процессов развития **первой демократии в мире**. Они подвели **организационный фундамент** под этот новый, смешанный государственный строй Афин, который мы сегодня называем «**афинской демократией**». Базисом политических структур этой первоначальной демократии были **соседские сходки по «демосам»** (общинам, приходам, районам, округам, сотням, улицам), от названия которых и получила свое имя вся эта система. Это была **земская общинная система оседлых земледельцев**, которая уже и раньше присутствовала в общественном строе древних греков, наряду с их родовыми структурами, и которая теперь взяла верх. **Демосы были основными ячейками афинской демократии**, наподобие того, как церковные приходы являются базисными церковными структурами. Так как демосов было больше, чем политических должностей, назначение тех или иных выдвинутых демосами кандидатов на имеющиеся должности затем определялось путём **жребия**.

Значит, **кандидатуры** на политические должности в Афинах **выдвигались исключительно «демосами»**, путём жребия. **Демократический суверенитет принадлежал демосам** и не мог быть отчуждаем в пользу партий или иных корпораций и за ними стоящих гласных или негласных структур. Значит, согласно первоначальному определению демократии, выдвижение кандидатов на государственные должности централизованными анонимными партийными аппаратами, с участием закулисных факторов влияния, **не является демократическим**. Кроме того, партии **расщепляют народ на части**, вызывая перманентный разлад и междоусобную борьбу, вместо того, чтобы содействовать **соборному объединению** всего народа. Именно эта идейная и этическая установка **первоначального земского соборного этапа** афинской демократии восторжествовала в древнем эллинистическом мире, а затем также и в Византийской и в

Российской империях, несмотря на её последующее вырождение во время **последнего этапа** афинской демократии.

Эта установка нашла свое подтверждение также и в Евангелии: *«Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит.»* (Матф. 12, 25). В греческом оригинале слова «город» и «разделившийся» указаны как **«полис»** и **«мерисдеуса»**. Сложное слово «мерисдеуса» образовано из существительного **«мерис»** (часть, у Демосфена «политическая партия») и глагола **«делить»**, разделять (δι-, διαμοιαι, διαεστα, имеющего общий корень и со словом «демос»).

## **Соборная демократия вырождается в «крайнюю»**

Реформы Клисфена развили и довели до максимума демократический элемент в Афинском полисе. Однако, несмотря на это, в нём продолжали сохраняться и другие элементы полиса, так что соборный смешанный строй тоже сохранялся.

Больше того, Аристотель отмечает, что во время военной катастрофы, в результате нашествия персов, через тридцать лет после Клисфена, в Афинах все растерялись, кроме Ареопага. Аристократический Ареопаг, под монархическим председательством василевсархонта, тогда взял инициативу спасения в свои руки и призвал демократический «плефос» (толпу) занять места гребцов на военных кораблях, под аристократическим командованием. Ареопаг даже оплатил из своих средств эту службу гребцам. Афинский военный флот (около 350 кораблей) тогда одержал полную победу у острова Саламины в 480 году над персидским флотом (от 600 до 800 кораблей), и Греция была спасена от тогдашних варваров.

Аристотель пишет, что Ареопаг этим еще больше увеличил свой авторитет, хотя и толпа (у Аристотеля «плефос», иногда «охлос», но редко «демос») тоже сохраняла свое влияние (и доходы) в рамках демократии: *«Итак, полис прогрессировал доселе вместе с демократией, развиваясь постепенно. После персидских войн снова стал преобладать и управлять полисом Ареопаг, без необходимости для этого никакого декрета, потому, что он был зачинщиком морского боя у Саламины. Ибо, когда стратеги, в отчаянии от положения, возвестили, что каждый должен пытаться спастись в одиночку, Ареопаг добыл и роздал восемь драхм каждому, и посадил их на судна. По этой причине все признали достоинство Ареопага, и тогда афиняне были очень хорошо управляемы.»* (Конституция Афин, 23). Значит, пока все составные элементы соборного строя находились в симфонии между собой, дела всего полиса шли хорошо. Когда же какой-нибудь из этих составных элементов начинал стремиться к абсолютной гегемонии, начиналось вырождение всего строя, в конечном итоге кончавшееся его гибелью, в том числе и гибелью элемента, стремившегося стать абсолютным.

В 497 году произошла очередная конституционная реформа: архонтов можно было выбирать не только из первого, но также и из второго класса граждан. Одновременно, должность полемарха, возглавлявшего полковых стратегов, стала первенствующей в Афинском полисе: **полемарх-архонт стал первым архонтом**. Другими словами, **президентами Афинской демократии с этого года могли быть только лишь военные**.

В 478 году учреждается Афинский морской союз. Афины становятся ведущей державой в Греции. Еще больше увеличивается значение «плефоса» («плебса»), т. е. граждан неимущего четвертого класса, поставляющего оплачиваемых **гребцов для афинского флота**, состоящего из многочисленных больших многовесельных кораблей. Плефос стал социологическим базисом афинской демократии.

В 462 – 458 годах происходят дальнейшие конституционные реформы, ведущие к установлению **«крайней (εσχρατησ) демократии»**, согласно определению Аристотеля (Политика, 1312 в, 36). Сильно урезаются права Ареопага (Сената), который сохраняет за собой лишь уголовную юрисдикцию для особо тяжких преступлений, но теряет все свои политические функции. Остальные судебные дела подлежат суду присяжных поверенных, из граждан неимущих классов, ежедневно заседающих за денежное вознаграждение.

Архонтов впредь можно выбирать также и из третьего класса граждан, **кроме первого архонта-полемарха, который должен, как и прежде, принадлежать к военному сословию**. Все эти реформы на последнем этапе афинской демократии привели постепенно к **нарушению соборности** в государстве. Плефос (толпа) не только стал главным элементом в государстве, но практически его **единственным** элементом. Смешанный политический строй, постепенно восстанавливавшийся в Афинах в течение многих веков, оказался практически ликвидированным **в пользу одного из его элементов**, добившегося не только своей политической гегемонии, но практически также и **монополии**. Все другие государственные элементы были оттеснены. Монополия политической власти привела к политическому краху.

Так Афины перестали быть политией, в рамках каковой органически развивалась демократия, и превратились в абсолютную, **крайнюю демократию**. Однако, только **соборное государство** («полития» с монархом или без него) может обеспечивать в своих рамках на длительный срок также и **подлинную демократию**, правда не абсолютную и не крайнюю, но **ограниченную** другими элементами власти: **«Олигархия и демократия даже могут быть приемлемыми, хотя они и являются отклонениями от лучших режимов, однако если доводить до крайности ту или другую, то их строй начнет ухудшаться и кончится тем, что он вообще перестанет быть строем»**. (Аристотель, Политика, 1309, в). Таким образом, демократия, как и все остальные политические режимы, может иметь **две формы: умеренную и крайнюю**. Аристотель утверждает, что умеренная демократия **вырождается в крайнюю под влиянием демагогов. Демагоги содействуют разделению народа на фракции, разделению благоприятствующему междоусобицам**.

В Афинах, демократия сперва развивалась положительно, в период первых конституционных реформ, до пятой реформы Клисфена включительно. Затем, рядом последующих реформ, в рамках отрицательных социологических процессов, афинская демократия начинает развиваться в отрицательном направлении. Этот процесс привёл её, в конечном итоге, к вырождению, а затем и к гибели.

Можно отметить, что в рамках этих отрицательных социологических и политических процессов, происходит также и частичное восстановление отрицательных аспектов прежнего микенского режима, как, например, чрезмерная бюрократизация и милитаризация, при нарушении экономической разумности. Наступает необходимость военных авантур и грабежа других стран. Для этого, возникает нужда в нарушении закона, а затем возникает новая, не соборная и не легитимная форма закона:

*«Одной из форм демократии является такая демократия, в которой все граждане участвуют в правлении, но **верховная власть принадлежит закону**. В другой форме демократии **верховой властью является сама толпа (плефос)**, а не закон. Это происходит там, где главенство принадлежит декретам, а не закону. **Это происходит по вине демагогов...** Где закон не обладает авторитетом, там нет политики. **Закон должен стоять выше всего, а сама полития и её сановники должны решать только лишь частные случаи. Если демократия является одной из форм правления, и если она будет организацией, в которой всё решается путём декретов, она не будет настоящей демократией, ибо ни один декрет не является **соборным** (καθολου, «кафолу», т. е., «кафолическим», всеобщим, универсальным).»** (Аристотель, Политика, 1292 а). \*\*)*

Аристотель считает, что «писанные законы» («ката граммата номой») должны опираться на **«нравственные законы»** («ката то этос номой»), ибо **«нравственные законы важнее писанных, и касаются вещей более важных»** (Политика, 1287 в). Фундамент, на котором покоятся писанные законы, является **многолетним отстоем верований, нравов, обычаев и традиций, не подвластных прихотям очередных законодателей**. Это затем выразил Гораций: **«законы без нравов напрасны»**, предвосхищая нашу русскую поговорку: **«где добры в народе нравы, там хранятся и уставы»**.

Таким образом, писанные законы являются **соборными и подлинно демократическими законами** только лишь тогда, когда они вытекают из общего соборного согласия (консенсуса большинства и меньшинства) современников и предков, и когда они уходят своими корнями в традиционную нравственную почву своего народа. Государства, с конституциями и законами, санкционированными лишь случайными и относительными большинствами, согласно Аристотелю, не являются «настоящими демократиями». +

---

\*) **Республика и демократия согласно Аристотелю.** Русские тетради № 10.

\*\*\*) **Первоначальная демократия.** Русские тетради № 12.

\*\*\*\*) «**Аксиополитикой**» я предлагаю называть политику, связанную с **духовными и культурными ценностями**, по аналогии с «геополитикой», связанной с географическими и этническими факторами.

\*\*\*\*\*) Oswald Spengler. **Der Untergang des Abendlandes.** 2. Band, Kapitel III. В этом труде, Освальд Шпенглер пишет, что термин «**псевдоморфоза**» он взял из минералогии: *«В каменном слое заключены кристаллы минерала. Возникают щели и обрывы: просачивается вода и постепенно вымывает кристаллы, так что остается лишь их пустая форма. Позже возникают вулканические процессы, которые взрывают горные структуры: раскалённые массы проникают в них и тоже кристаллизуются. Однако, они не могут это делать свободно, в их собственной форме. Они вынуждены заполнять уже существующие пустоты, и так возникают искаженные формы (gefaelschte Formen): кристаллы, внутренняя структура которых противоречит их внешнему построению. Возникает горный слой с чужим внешним видом... Историческими псевдоморфозами я называю те случаи, когда чужая культура так сильно довлеет над страной, что её молодая домашняя культура никак не может свободно дышать и не только не может достичь развития своих собственных структурных форм, но даже не может полностью раскрыть свое самосознание. Всё что возникает из глубин её молодой души, вливается в пустые формы чужой жизни...».*

\*\*\*\*\*) Arnold Toynbee. **The Greeks and their Heritages.**

## 3. Происхождение и эволюция выражений «диктатор» и «диктатура»

### Первоначальный смысл слова «диктатура»

Первоначальное значение древнего латинского слова «**диктатор**» в основном соответствует смыслу русского слова «**повелитель**». Эти слова происходят от глаголов «dictare» и «велеть», совмещающих смысл понятий «**говорить**», «**предписывать**» («**диктовать**»), со смыслом понятий «**хотеть**», «**желать**», «**высказывать свою волю**». Слово диктатор также соответствует частично и английскому слову «**спикер**».

По-видимому, латинские племена в Италии, еще до основания Рима, «диктатором» называли своих **народных вождей**, ибо именно в таком смысле трактуется затем этот титул в Римской Республике: *magister populi*.

По своему смыслу, титул «диктатора» (повелителя) довольно схож с титулом «императора», вплоть до того, что оба эти титула можно считать до некоторой степени синонимами. На это указывает даже современная подмена корней этих слов в грамматике: русское название «**повелительное наклонение**», по-латыни и по-испански обозначается словами «модус **императивус**», «модо **императиво**».

Однако, можно предполагать, на основании ряда данных, что, в своих истоках, титул «диктатора» обозначал функции более заурядные и законные, более «нормальные», чем первоначальные функции «императора», несмотря на свой чрезвычайный и временный характер. Во всяком случае, титул «диктатора» всегда давался законной властью, и не мог себе присваиваться самим его носителем. То есть, **диктатор не мог быть самозванцем**, а самозванец не мог быть диктатором. В свою очередь, титул «императора» (от латинского



глагола *imparare*, первоначально имевшего смысл «подготавливать», а затем «властвовать», «господствовать», «командовать»), согласно Ортеге-и-Гассету, был временным, «мерцающим» титулом «подготовителя» (организатора) победы, **«победоносца»**, выдвигаемого стихийно, самой обстановкой.

После учреждения Римской республики в 753 году до Р. Х., затем в течение двух с половиной веков возглавлявшейся семьёй царями, оба эти титула «диктатора» и «императора» **не употреблялись**, в течение всего этого периода. Вся власть принадлежала царю (*рексу*) или его помощнику и заместителю – «префекту всадников» (*praefectus equites*), каковые, однако, должны были считаться с мнениями Сената (первоначально – Совета **родовых старейшин**) и коллегии авгуров, а в вопросах помилования и с мнением всего народа.

После замены в 510 году до Р. Х. одного пожизненно выбираемого царя (буквально «управляющего», *rex*, от глагола *regere*, направлять, управлять) двумя «верховными предводителями» (буквально «*верховными пред-идушими*», *praetor maximus*), затем называемых «консулами» (согласно некоторым предположениям, с первоначальным смыслом: «*вместе танцующие*»), выбираемых на один год, оба эти титула «диктатор» и «император» снова всплывают, но получают юридически чёткие **новые функции** в Римской республике.

Титул императора присуждается всем **победоносным командующим** генералам, после разрешенного им Сенатом торжественного «триумфа», то есть «**парада победы**», в Риме. Таким образом, титул «императора» имеет почетный характер, но не определяет никакой государственной функции, хотя и свидетельствует о **победоносном командовании**. Лишь со времён Августа, этот титул автоматически принадлежит всем возглавителям Римского государства, наряду с рядом других титулов. Кроме того, Август присваивает себе этот титул также и как личное имя, так что он его употребляет дважды (как имя и как титул), в полном перечне своих имён и званий.

Иначе обстоит дело с титулом «диктатора». Этот титул становится очень важным **республиканским титулом** в Римской республике, со строго определёнными функциями.

### **Чрезвычайный республиканский повелитель**

Римские государственные деятели не занимались политической теорией, ибо это не было в их духе. Они были незаурядными и весьма **творческими** политическими практическими деятелями. Они, конечно, понимали, что наличие одновременно двух верховных предводителей в римском государстве (как и в Спарте) может иметь, наряду с некоторыми преимуществами, также и некоторые недостатки. Причём, в особенно тяжёлых ситуациях, недостатки чреватые весьма опасными последствиями. Именно для таких тяжёлых моментов в жизни Римской республики и была предусмотрена **чрезвычайная должность «диктаторов»**, сиречь **временных единоличных «повелителей»** в республике.

Таким образом, когда два ежегодно выбираемых консула получили верховное командование (*imperium*), а царь превратился в «священного царя» (буквально в «управляющего священнодействиями», *rex sacrorum*), сохраняя лишь свои религиозные прерогативы, в Римской Республике была одновременно учреждена **новая должность**, но со старым именем **диктатора**, существовавшего и прежде, еще до основания республики. В моменты чрезвычайной опасности, **один из консулов мог самовольно и единолично назначить любого сенатора, который до этого был консулом, «вождём народа»** (*magister populi*), также называемого «диктатором» (*dictator*), на время ограниченное сроком назначающего консула, но никогда **не более, чем на шесть месяцев**. Во время такого публично объявленного **чрезвычайного положения**, все остальные магистраты (сановники) республики должны были подчиняться **единоличной власти диктатора республики**, в том числе и сам его назначивший консул. По истечении такого

чрезвычайного диктаторского срока, в республике автоматически восстанавливалась власть консулов.

## Один из императорских титулов

В начале императорского периода, этот титул «диктатора» сливается с остальными республиканскими верховными титулами и присваивается опять же одному единственному лицу, но уже **пожизненно**. Исторические причины этого процесса можно свести к двум основным тенденциям:

1. Чрезвычайный территориальный рост Римского государства никак не был совместим с дальнейшим точным сохранением старых традиционных римских учреждений, имевших в основном городское происхождение и **городской характер**.

2. Римляне принципиально не желали употреблять чужеродных понятий и выражений в своей государственной жизни, а посему всегда старались приспособлять к новым ситуациям свои собственные старые термины. Единственным таким термином из прошлого Рима, который мог бы пригодиться в новом положении римского государства, был титул царя, «рекса». Однако, это был единственный из древних титулов, который римляне всемерно избегали, ибо он им напоминал ненавистного последнего, седьмого царя, Тарквиния Гордого, который был не только чужестранцем (этруском), но и принципиальным **нарушителем нравственных устоев** и покоящегося на этих устоях римского правового строя. Даже можно сказать, что Тарквиний Гордый был не вполне легитимным царём, ибо он стал царём «перейдя через труп» предыдущего царя, тоже этруска, Сервия Тулия, которого римляне во все периоды своей истории считали своим лучшим царём и практически вторым учредителем Римского государства, после Ромула.

Ортега-и-Гассет считает, что Юлий Цезарь прекрасно понимал необходимость конституционных реформ в Римском государстве, но также хорошо знал и неприязнь римлян к титулу «рекса». Во время одного спектакля в ипподроме, один из почитателей Цезаря преподнёс ему публично царскую диадему, но Цезарь её тут же отклонил, услышав неодобрительный гул зрителей. Цезарь по-видимому даже пытался предложить ввести титул «рекса» для всей Римской империи, кроме Италии.

Эти проблемы были особенно болезненными для Рима, ибо затрагивали устоявшееся **соборное равновесие** между монархическими, аристократическими и народными элементами Римской республики, с некоторым перевесом аристократических элементов во время консульского периода. Согласно греческому историку Полибию (202 – 120 до Р. Х.) именно такое равновесие было одним из основных преимуществ Римского государства и причиной его **длительной устойчивости**. Сугубо консервативная часть аристократии Рима решила убийством Цезаря предотвратить сдвиг этого равновесия в сторону монархии, но исторические тенденции такими действиями невозможно полностью предотвратить, хотя можно нарушить и исказить. В результате, не желая заимствовать чужие политические термины и не имея подходящего собственного термина, для обозначения необходимой, в новой ситуации, **новой должности**, прагматические римляне **соединяют вместе несколько предыдущих высших римских титулов** и дают их одновременно и пожизненно одному единственному человеку. В 45 году до Р. Х. **Сенат пожаловал** Юлию Цезарю титул диктатора на 10 лет, что было крупной реформой республиканской четырёхвековой традиции. Через год, в 44 году, **Сенат дал** Цезарю титул **пожизненного диктатора**, впервые в истории Рима. Еще до этого, Цезарь получил звание **верховного понтифика**. При всех этих одновременных титулах, Цезарь продолжал обладать также и титулом **императора**, победоносного командующего.

В начале правления Октавиана (30 г. до Р. Х. - 14 г. после Р. Х.), двоюродного племянника Юлия Цезаря, ему был дан Сенатом пожизненный титул «диктатора», вместе с титулом «**принсепса**» (буквально «начинающего»), раньше принадлежавшего старшему по возрасту сенатору, начинавшему заседания Сената. В 27 году до Р. Х. Октавиан получает от Сената имя «**Августа**», одного корня с «auctoritas» и «авгурь», от глагола augere,

приумножать, увеличивать. (Латинский титул «*Romani imperii semper Augustus*» был переведен на немецкий язык как «*des Römischen Reiches allzeit Mehrer*», а при Петре Великом на русский язык как «**Присноприбавитель**», то есть «всегда приумножающий»). В этом же году, Август формально восстанавливает республику и сам становится первым консулом, до 23 года, когда он становится пожизненным «**народным трибуном**». В 12 году до Р. Х. Август принимает также и титул «**верховного понтифика**» (*pontifex maximus*).

Начало правления Августа условно считается концом консульского периода Римского государства, и началом нового периода, сперва называемого «принципатом», а затем имперским периодом, в согласии с этими двумя титулами. Однако, очень скоро все эти старые римские республиканские титулы объединяются под одним новым титулом, выведенным из **личного имени** первого пожизненного диктатора, Юлия Цезаря, в латинском, греческом и русском произношении: **Кесаря**. Только этот единственный государственный титул упоминает Христос, в согласии со свидетельством Евангелия. От него затем произойдет русское сокращение «**царь**». От имени же Августа произойдет в русском языке относящееся к царю прилагательное «**августейший**» («приумножающий блага», «увеличивающий»).

### **Современные искажения: партийные лжедиктатуры**

В рамках катаклизмов, возникших в результате Французской революции, в XIX веке происходит ряд грубых искажений в области исторически устоявшейся общественно-политической терминологии.

В рамках «Социалистического интернационала», возникает новое выражение: «**диктатура пролетариата**». По мнению Маркса, «*диктатура пролетариата должна предшествовать окончательному историческому этапу*». Исходя из первичного смысла этих слов, такое выражение было абсурдным. Диктатура – это сумма действий **единоличного правителя**, а не власть колоссальной безличной массы людей. Кроме того, диктатура – это власть **ограниченная во времени**, а не вечная власть пролетариата, которая должна «окончательно восторжествовать», до самого **конца истории**. (В этом отношении Маркс и Энгельс были своего рода предвозвестниками Фукуямы. Все они шли к этой общей цели, хотя и разными путями).

В течение четырёх с лишним веков Римской республики, диктатура была ограничена **сроком в шесть месяцев**, а затем **сроком жизни одного** человека. Диктатура не была революционной, а **законной властью, законно назначенной предшествовавшей ей законной властью**. Посему, диктатура, по своему первоначальному определению, отнюдь не является результатом революционного разрыва с предыдущей легитимностью, а, наоборот, **чрезвычайным средством для спасения и сохранения** этой легитимности.

Характерно, что выражение «**диктатура пролетариата**», являющееся одним из краеугольных камней одной современной идеологии, состоит из двух исторических римских терминов на латинском языке, точный смысл каковых никак не может подлежать никакому сомнению, ибо доподлинно определён множеством исторических документов. Однако, несмотря на это, коренной смысл этих двух древних политических терминов существенно искажен в данной формуле этой современной идеологии.

В самой среде социалистического интернационала, поначалу существовали сомнения по отношению к применению этого термина. В «Готскую программу» оно не было включено, что критиковалось самим Марксом. Однако оно было включено Плехановым в его первый проект «программы-максимум». Известный немецкий социалист Эдуард Бернштейн даже считал, что «диктатура пролетариата» может означать только одно – «**диктатуру клубных ораторов и литераторов**». Более меткое определение затем дал Иван Солоневич: «**диктатура импотентов**».

В политических словарях, изданных при коммунизме, слово «диктатор» определяется как «**лицо, обладающее неограниченной властью и осуществляющее**

*единоличное управление». Однако «диктатура пролетариата» определяется затем как «политическая власть рабочего класса», а не как власть одного лица. Сам же пролетариат определяется как «самый передовой и революционный класс буржуазного общества», причем «его наиболее сознательным и передовым отрядом являются коммунистические и рабочие партии, стоящие на платформе марксизма-ленинизма». (Краткий политический словарь», М., Политиздат, 1969).*

Таким образом, получается, что «диктатура пролетариата» имеет многослойный характер: за декоративной частью, изображающей «рабочий класс», скрывается «передовая партия», руководимая номенклатурой её лидеров, исповедующих определённую идеологию, и возглавляющихся одним верховным лидером. В результате, получается социологический монтаж: вместо «рабочего класса», мы имеем дело с номенклатурой партийных «лидеров», принадлежащих к самым разным классам, возглавляемых одним вождём, захватившем власть в процессе жестокой борьбы, иногда кровополитной. (Хотя в Северной Корее, стране в которой до сих пор сохранилась «диктатура пролетариата», кровопролитную борьбу в среде властной номенклатуры пока что удалось ограничить с помощью **династического наследования** этой верховной пролетарской власти, от отца к сыну, а затем и к внуку).

Однако, несмотря на эти искажения, само понятие диктатуры первоначально продолжало считаться в рамках этой социалистической идеологии – **положительным**, и как таковое оно приписывалось «положительным» историческим актёрам. Однако, после происшедших в этой идеологии расколов, диктатура была переименована в абсолютно отрицательное явление, если она относилась к вражескому лагерю. Более того, этим термином стали систематически подменять выражение «**тирания**», обозначавшее – со времён Платона – самый плохой из всех возможных политических режимов.

Сразу после Первой Мировой войны, во многих странах происходят расколы в среде социалистических (социал-демократических) партий. В России оформляются коммунистическая партия большевиков и социал-демократическая партия меньшевиков. В Италии социалистический раскол приводит к образованию трёх партий: коммунистической, социалистической и фашистской.

Во главе фашистской партии Италии становится Бенито Муссолини, бывший главный редактор центрального органа социалистической партии. После захвата его партией власти в Италии, его сразу же начинают клеймить выражением «диктатор», может быть в данном случае намекая на его симпатии по отношению к древнему Римскому государству.

Когда затем в Германии приходит к власти «немецкая рабочая национал-социалистическая партия», формально демократическим путём, которая открыто выражает свои симпатии по отношению к итальянским фашистам, её вождя тоже называют «диктатором».

## **Тенденция к искажениям в Западной цивилизации**

Значит, в данном случае мы имеем дело с очевидным современным **существенным искажением** понятий «диктатор» и «диктатура». На первый взгляд, подобное искажение такой исторически и цивилизационно важной терминологии кажется невероятным. Невольно приходится мысленно оглядываться, в поисках возможных прецедентов аналогичных искажений. Оказывается, такие прецеденты имеются.

Само имя той идеологии, которая впервые так изменила анализируемые понятия «диктатора» и «диктатуры», является одним из таких искажений. Ведь слово «**социализм**» происходит от латинского слова «sequens», «тот, кто следует за кем-то», «последователь». Значит, в данном понятии не подразумевается «**равенство**», а, наоборот, **неравенство** между теми, за кем следуют, и теми, кто за ними следует.

Если окинуть беглым взглядом историю современной Западной цивилизации, начиная с её условного начала в 800 году, согласно английскому историку Арнольду

Тойнби, то есть с даты коронации римским папой франкского короля Карла Великого римской императорской короной, можно легко установить ряд немаловажных подобных примеров искажений и фальсификаций. Все они вписываются в **перманентную тенденцию Западной цивилизации пытаться «оседлать» иные культуры, и в первую очередь свою собственную «материнскую» Античную, а затем Христианскую культуру, с претензией стать её единственной наследницей и душеприказчицей, с правом на присвоение и на самовольное и тенденциозное толкование и даже искажение присвоенного культурного наследия.** Это и есть паразитарный комплекс Западной цивилизации, который она никак не может преодолеть.

Сама коронация Карла Великого «римским императором» была первым таким присвоением чужого наследия, с одновременным его искажением. Ведь титул римских императоров могли давать и апробировать только лишь сами римские императоры или Римский сенат, а не епископ Рима. Императоры и Сенат Восточной Римской империи никогда не признали этот акт коронации легитимным, хотя и были вынуждены, по дипломатическим причинам, иногда формально в своей переписке именовать Карла Великого и его наследников лично своими «*братьями*».

Вскоре затем последовало самовольное искажение Символа веры Христианской Церкви, утвержденного на Первом Вселенском Соборе в 325 году, внесением добавления «филиокве» (и от Сына). Внедрение в Символ веры этого искажения христианского Символа веры, сформулированного 318-ю отцами Церкви, среди которых было немало самых культурных людей того времени, исходила от неграмотного Карла Великого, и была насилу навязана Римской Церкви его наследниками, властно распоряжавшимися на территории Рима.

Еще до этого, в 778 году папа Адриан обратился с письменной просьбой к королю франков Карлу, чтобы он полностью исполнил свое *promissio* (обещание) и уступил папе обещанные ему территории Византийской империи в Италии, тогда оккупированные франками. Свое письмо папа Адриан сопроводил ссылками на **подложный документ**, якобы выданный императором святым Константином Великим в четвёртом веке римскому папе Сильвестру. Согласно этому подложному документу, Константин Великий якобы дал тогда папе своим императорским правом **«вселенский примат»**. (Такое утверждение весьма интересно, ибо подтверждает доктрину Четвёртого Вселенского Халкидонского Собора, что *«престолу ветхаго Рима прилично дали преимущества: поелику то был царствующий град»*. 28-ое правило этого Собора, содержащее это определение, долго не признавалось Западной Церковью.) Константин Великий якобы дал папе также и знаки императорского достоинства и суверенитета, а также *«город Рим и провинции, места и города Италии»*. Римский клир получал права и привилегии Римского сената, а сам император Константин покидал Рим и переходил в Константинополь, чтобы «глава Христианской Церкви» имел *«власть земного императора»* (*imperator terrenus potestatem*).

В 1204 году в Западной Европе был организован Четвёртый «крестовый» поход, якобы с целью освободить Иерусалим от арабского мусульманского владения. Однако, это был лишь отвод для глаз: на самом деле этот поход имел своей целью захватить **обманным путём** Константинополь, чтобы варварски разграбить этот самый богатый город в тогдашнем мире, а затем насильно поставить в нём латинского лжеимператора и латинского лжепатриарха.

Затем, в XVI веке, голландский учёный Эразм (1465 – 1536) провозгласил свою собственную систему произношения классического греческого языка, с рядом **искажений** этого произношения, по отношению к традиционному произношению, как оно бесперерывно сохранялось до этого в греческих высших школах. В том числе, Эразм разбил греческие дифтонги на составные гласные, несмотря на то, что дифтонги в греческом и в латинском языках произносились слитно. Так получилось, что дифтонги в тех греческих словах, которые были уже в древности переняты в латинский язык (на латинском алфавите), были сохранены (например в словах «педагогика», «монархия», а не

«пαιδαγωγика» и «монархейя», согласно Эразму, и т. д.), в то время как в других словах с этими же корнями, которые были переняты после Эразма, эти же дифтонги на Западе разбивались (например: «пαιдея», вместо «педия», «политейя», вместо «полития», и т. д.). Правильное же их произношение было объявлено неправильным, и даже запрещённым, в некоторых местах до сих пор, ибо, якобы, всё правильное находится только на Западе.

После французской революции, стали переводить, главным образом во Франции, тексты Аристотеля о **классификации политических режимов** с грубыми **искажениями**. За последние два века, начиная с плохих французских переводов Аристотеля, в современной публицистике всё чаще стали подменять слово «**полития**» словом «**демократия**». «Полития» у Аристотеля является названием третьей правильной государственной формы, Цицероном переведенное как «**республика**». Демократия же у Аристотеля обозначает **искажение, извращение** политики (παρεκβάσειο δημοκρατίαν δε πολιτείας), то есть демократия – это наименее плохая из трех искажённых форм правления (четвёртая из шести форм, в порядке их качественности). (Аристотель. **Политика**. 1289 а). Для прикрытия этого грубого подлога, стали одновременно приписывать Аристотелю указание, что, якобы, плохой формой правления является не демократия, а «**охлократия**». Такого утверждения у Аристотеля нет. Понятие «демос» по смыслу стоит близко к понятию «охлос». Оба эти понятия можно перевести одинаково как «масса, толпа, множество, чернь». Так, например, в 4-ом сохранившемся фрагменте потерянного начала «Конституции Афин» Аристотеля, **оба выражения «охлос» и «демос» употребляются как равнозначущие синонимы**, в одной и той же фразе: *«(Что Тесея) был первым, кто склонился к охлосу, как говорит Аристотель, и упразднил монархию, по-видимому, свидетельствует также и Гомер (В 547), который в перечне кораблей называет демосом только лишь афинян»*. В испанских переводах Аристотеля иногда эту искажённую форму правления превращают из демократии в «**демагогию**», хотя Аристотель демагогию не считает **формой** правления, а отрицательной **характеристикой**, присущей двум плохим формам: тирании и демократии.

## **Современные корпоративные квазидиктатуры**

Можно было бы привести еще больше подобных примеров злонамеренных искажений правды. Однако, все эти примеры относятся к **искажению истории**, то есть уже свершившихся событий и процессов. Для перманентного и сиюминутного (виртуального) **искажения современных событий**, были созданы и усовершенствованы новые политические технологии, в том числе и **глобальная монополия анонимных и никем не выбранных СМИ** над коллективным сознанием широких масс в мире. Беря на вооружение выше описанную терминологию, в её современном понимании, можно сказать, что мы имеем дело с «диктатурой СМИ», хотя в широком употреблении это понятие заменяется выражением «**четвёртая власть**» (наряду с исполнительной, законодательной и судебной властями). Однако, эта «**четвёртая власть**» не конституционна, ибо не упоминается ни в одной конституции.

Сперва были созданы в разных идеологических мастерских, а затем широко распространены, **чёрные легенды** о Византии, Испании и России, в процессе идеологической и политической борьбы с ними. Ученик Ортеги, Хулиан Марияс глубоко анализирует чёрную легенду о Испании, и, на основании этого анализа, приходит к выводу о наличии сильных религиозных составных элементов при возникновении любой чёрной легенды.

Затем стали распространяться разные **лжемифы**. Лжемифы в основном создаются для **искажения исторической перспективы** по отношению к отдельным историческим и современным явлениям, процессам и личностям. Среди них можно упомянуть «Миф XX века» Альфреда Розенберга о «рассовом превосходстве» германской нации, миф о «борьбе классов», миф об «ударе кинжалом в спину» (Dolchstosslegende) после проигранной немцами Первой Мировой войны, миф о «всегдашней автоматической правоте рынка»,

миф о неизбежной «всемирной революции интернационального пролетариата», миф о нарушении «человеческих прав» лишь в определённых странах, не говоря уже о многих современных «минимифах». Сегодня же мы все являемся свидетелями мифа о «спонтанном взрыве (весне) демократии в арабском мире», с повсеместно показываемым символом победы, в виде «тевтонских рогов». Мы можем видеть по телевидению, как в разных арабских странах группы их жителей восторженно кричат по-арабски «*Аллах акбар*», при одновременном поднятии двух пальцев, в виде латинской буквы «в», от английского слова «победа».

Современное развитие, усовершенствование, концентрация и манипуляция средств массовой информации, получивших прямой доступ практически ко всем жителям планеты, превратило эти СМИ в глобальную общественную «**квазидиктатуру**», которая глобально и по своему собственному усмотрению безответственно лепит на всех и на вся свои ярлыки, как положительные так и отрицательные, и устанавливает специфические «табу» по отношению к некоторым темам.

В частности, сегодня эта «диктатура СМИ» сама может решать, кого и когда провозглашать «диктатором», в искаженном смысле этого слова. Так, несколько недель тому назад президент США произнёс свою вторую программную речь об отношениях США с арабским миром, в которой он презрительно назвал недавно сверженных правителей Египта и Туниса «диктаторами», следуя в этом за глобальными СМИ. Первую свою речь на эту же тему он произнёс два года тому назад в Каиро, но тогда он тогдашнего президента Египта еще так не называл.

В данном случае необходимо отметить, что этот новый вид современных диктатур отличается от первых исторических диктатур не только своей коллективностью, вместо единоличности, но также и своим **частным характером**. В древнем Риме диктатура была высшей чрезвычайной **государственной властью** в республике, в социалистических и фашистских государствах диктатуры были **партийной властью**, а в современной глобальной цивилизации новые секториальные квазидиктатуры представляют собой **частные корпоративные структуры**, иногда частично законспирированные, которым удалось вынудить у государств право на монополию и на неприкосновенность и безответственность.

Такая безответственность в области СМИ даже перешла границы уголовщины в Великобритании, как выяснилось недавно. Кроме того, в Европе в последнее время стал подниматься вопрос о легитимности монополии частных фирм для квалификации государственных и частных облигаций. Например, в Маастрихтских договорах об учреждении европейской валюты упоминаются три такие частные фирмы в США, которые обладают исключительным, **квазидиктаторским правом** на квалификацию государственных облигаций, что на практике дает им возможность так или иначе значительно влиять на финансовые кризисы, где и когда им заблагорассудится. Да и монополия на эмиссию бумажных денег в США принадлежит с начала прошлого века корпорации нескольких частных банков. Встает вопрос: не представляет ли такое развитие угрозу для дальнейшего существования «правильного государства», как оно понимается со времён Платона и Аристотеля?

# Часть третья. Искажения и вырождение.

## 1. Коренные противоречия западной цивилизации

### Типичная характеристика

Все исторически значительные цивилизации обладали своими собственными отличительными специфическими характеристиками. Одной из таких типичных характеристик западной цивилизации, несомненно, является провозглашаемый ею **рационализм**, якобы автономный по отношению к тем или иным религиозным верованиям.

Английский историк Арнольд Тойнби считает, что западноевропейская цивилизация и наша восточноевропейская православная цивилизация являются отпрысками эллинистической (греко-римской) цивилизации. Таким образом, согласно Тойнби, обе эти цивилизации являются сёстрами-близнецами. Однако, очевидно, что восточноевропейской цивилизации рационализм не присущ в такой же форме, как западноевропейской. Значит, западноевропейская цивилизация выработала эту свою типичную для нее отличительную характеристику, как одну из предпосылок и одно из условий для расхождения с православной цивилизацией. Встают два вопроса:

1. Чем отличается отношение к рационализму и какое место он занимает в этих двух цивилизациях?

2. Как происходил этот процесс расхождения и на каком этапе этого процесса произошло приобретение западноевропейской цивилизацией своих отличительных характеристик, не совпадающих полностью с характеристиками православной христианской цивилизации?

На первый вопрос можно ответить, что восточноевропейская православная цивилизация, в основном, сохранила в этом аспекте позицию предшествовавшей ей античной эллинистической культуры, в то время, как западноевропейская цивилизация изменила радикально свою исходную позицию в этом вопросе. Известный русский философ, профессор протоиерей Василий Зеньковский, резюмирует это следующим образом:

*«Сама античная философия – как это было много раз показано – была в то же время и своеобразным богословием, конечно, соответственно религиозному сознанию античности... Идея "чистой философии" есть, ведь, излюбленная **фикция** у мыслителей **нового времени**, которые нередко переносят эту фикцию и в античный мир... Идея "чистой философии" есть вообще **выдумка** и создание мыслителей христианской эпохи... Это произошло **на Западе**, – христианский Восток неповинен в этом трагическом и двусмысленном факте... Так или иначе, здесь (на Востоке) чистое богословие **не отделялось** от научной и философской мысли... Всё слагалось иначе на Западе... Под куполом Церкви собирались течения и тенденции внутренне чуждые христианству...»* (Основы христианской философии, стр. 5 и 6. Изд. «Посев», Франкфурт на М., 1960).

Ответ на второй вопрос требует подразделения указанного процесса отхождения западной цивилизации от её истоков (а следовательно, и расхождения с православной цивилизацией) на несколько периодов или фаз.

### Отчуждение от Востока

Предварительной фазой этого расхождения был отход западноевропейских политических структур от Восточной Римской империи. Эта фаза длилась практически около четырёх веков, от принятия римским папой в 391 году древнего языческого римского жреческого титула pontifex maximus (сразу после отказа императора Восточной Римской Империи Феодосия Великого от этого языческого титула, несовместимого с



титолом христианского царя) до незаконного провозглашения римским папой франкского короля Карла Великого императором, в 800 году.

За этим отколом Западной Европы от Римской Империи, через два с половиной века последовал и раскол в самой Христианской Церкви, в 1054 году. Однако, как об этом пишет А. Хомяков, вначале этот раскол не пронизал всю толщу верующих и не был внешне очень заметен. Конечно, процесс отмежевания начался уже тогда, но вначале он шел очень медленно.

Однако сам по себе характер отхода Западной Европы и его Римской Церкви от **соборного согласия** с остальными четырьмя Христианскими Церквями, чьи патриаршие кафедры первоначально находились на территории Восточной Римской Империи, а также и **характер оправданий** этого отхода, недвусмысленно указывали на коренное и существенное **противоречие**, лежащее в самой основе всех обоснований этого раскола.

Дело в том, что под притязаниями на разумность, сиречь **рациональность** западных домыслов и доктрин, неизбежно скрывались логические и фактические **натяжки** и даже **подлоги**, как, например, оправдание папских претензий ссылками на «дар Константина» (Donatio Constantini). Ведь, если папские претензии выводить из указов римских императоров в Константинополе, то очевидно, что они не имеют евангельского происхождения. Кроме того, не очень логично выступать против Восточной Римской Империи, на основе постановлений самой этой Империи. Причем, как со временем оказалось, постановлений подложных, грубо сфальсифицированных.

Посему этот первичный казус **западноевропейской идеологии** уже содержит **характерное противоречие** между претендуемой **рациональностью** (разумностью) и **некритическим** (сиречь нерациональным) отношением к фактам и аргументам. Например, отлучение легатами римского папы Константинопольской Церкви в 1054 году, содержащее обвинение Восточных Церквей во всех бывших до этого в христианстве ересьях, аккуратно перечисляемых в акте отлучения, было не только нерационально, но просто несерьезно.

Однако именно такая нерациональная **абсолютная предвзятость** по отношению к Востоку, предвзятость, не брезгающая грубыми подтасовками и даже подлогами, с тех пор является характерной для аналогичных западных идеологических экскурсов, вплоть до наших дней. Больше того, такая **тенденциозная предвзятость** и такое **некритическое отношение к фактам и аргументам** стали характеристикой, в той или иной мере, практически всех религиозных, философских, идеологических и политических течений, доктрин, сект и партий на Западе. Больше того, уже тогда впервые проявилась тенденция к монтированию **виртуальных** историй, вместо истории реальной. Причем, через всю историю Запада проходит красной нитью его главное побуждение для такого мифотворчества: **комплекс неприятия отличительных характеристик Востока** и стремление к **включению Востока в Запад**. Однако, это очевидный двойной абсурд: Запад нуждается в Востоке, чтобы быть Западом, и, кроме того, когда больше не будет Востока, также не будет больше и Запада, ибо Запад является Западом лишь по отношению к Востоку.

Когда Запад перестал претендовать на обоснование своей политической и церковной легитимности, с помощью этого исторического подлога о «даре Константина», был выдвинут очередной, на этот раз терминологический, подлог. Если раньше политическая гегемония Запада обосновывалась на якобы исключительном религиозном и светском лидерстве папства, то после протестантского раскола с папством, идеологическим обоснованием гегемонии Запада стало провозглашение им своего исключительного обладания единственной легитимной государственной формой, названной для этого «*демократией*». Для этого до сих пор упорно настаивается, с помощью прямых искажений оригинальных текстов, что *демократия* уже в своих истоках обозначала наилучший политический режим, несмотря на то, что в классификации Аристотелем всех

государственных форм, *демократия* была одной из трёх **искаженных**, сиречь **нелегитимных** государственных форм.) •)

Следующей фазой этого процесса было радикальное отделение на Западе науки от религии. Протоиерей Василий Зеньковский считает, что это отделение было оформлено в трудах Фомы Аквината (1227–1274), который поместил религию и науки на **«разные этажи»**. С этого практически и начался западноевропейский рационализм, не только автономный по отношению к вере и к религии, но и претендующий на абсолютную от них независимость. *«Это учение о **самодостаточности** естественного разума в познании мира и человека есть в сущности новое, чуждое основным течениям, даже античной мысли, понятие: возвышая Откровение над естественным разумом, Аквинат в то же время **рассекает единую целостность познавательного процесса**... Он своим решением вышел на новый путь... От Фомы Аквината и **нужно вести разрыв христианства и культуры**, весь трагический смысл чего обнаружился ныне с полной силой»*. (Протоиерей Василий Зеньковский, там же, стр. 10 и 11).

*«Начиная с XIII века началось на Западе отделение от Церкви, от ее духовной установки, различных сфер культуры, – впервые проявилось это в области права, ...а затем в XIV–XV веках это движение с чрезвычайной быстротой стало распространяться на все сферы культуры, на антропологию, философию, науку. В течение двух-трех веков произошло глубокое изменение в психологии культурного творчества, которое дало торжество свободному, но уже и внецерковному стилю культуры. Этот **уход культуры от Церкви** имел много различных корней в общем развитии западной истории, но раз начавшись, он вел и ведет к отрыву её от Церкви. ...Религиозная трагедия этим была закреплена надолго, – и вся новая история шла и доныне идет на Западе под знаком **принципиального дуализма** – христианства и жизни, христианства и культуры, христианства и творчества»*. (Там же, стр. 13).

## **Отчуждение от действительности**

Третьей фазой этого процесса можно считать период после Рене Декарта (1596–1650). *«Ничто не характеризует с такой силой новую установку творческого сознания, как то, что в основу философии ставится ныне **сомнение**, которое устами Декарта провозглашено основным методом и правилом философствующих умов. Сомнение, конечно, может и должно иметь свое место в процессах размышления, но неужели нет **прямых** источников философии? ...Сомнение вообще есть ведь **вторичная** функция ума, всегда направленная на какие-то **положительные** утверждения...»* (Там же, стр. 14). Однако, такое систематическое сомнение на Западе отнюдь не применяется по отношению к его собственным идеологическим и псевдонаучным домыслам.

Кульминацией этого периода является философия Иммануила Канта (1724–1804). Испанский философ Ортега-и-Гассет считает, что именно Кант произвел в западной философии и в проистекающих из нее идеологиях Запада переворот, аналогичный **перевороту Коперника** в предыдущих астрономических и космогонических концепциях Западной Европы. (Эти **геоцентрические** западные концепции игнорировали имевшиеся по этому вопросу в Античном мире и на православном Востоке представления. Например, в некоторых древних православных церковных песнопениях поэтически сравнивается центральная роль Христа в нашем спасении с солнцем в нашей системе.)

В своем труде «Кант, Гегель, Дильтей», Ортега-и-Гассет пишет:

*«Человек Древнего мира исходит из чувства **доверия** к миру, каковой для него является, в первую очередь, **Космосом, Порядком (красивым)**. Современный же человек исходит из недоверия, из подозрительности, ибо мир для него – Хаос, Беспорядок... Декарт и Кант, две высшие фигуры современной философии, поднимают свой якорь с одинаковым состоянием духа подозрительности. ...Система Канта и его последователей остались в истории философии под названием **«идеализма»**... С колоссальной смелостью и упорством белый человек Запады исследовал мир в течение последних четырех веков с **идеалистической***

точки зрения. Он выполнил свою миссию до конца, пробуя все возможности, которые в ней заключались. И он дошел до конца – он открыл, что это **ошибка**. ...Это чувство космического страха привело к тому, что, начиная с Канта, немецкая философия перестала быть философией **бытия** и превратилась в философию культуры. Культура – это есть одежда, которую просит Брунильда, чтобы защитить свою наготу, это размышление, претендующее подменить **жизнь**. Замечательный труд трансцендентального идеализма ведет к оборонительному намерению, и немного похож на червя, который из своей собственной слюны прядет кокон... Познание перестает быть пассивным **зеркальным отражением действительности** и превращается в **построение**. То, что вульгарно называется действительностью, становится простым сырьем, хаотическим и без всякого смысла, которое **необходимо изваять**, придав ему форму космоса. Я не думаю, что во всей человеческой истории когда-либо был предпринят переворот более отважный, чем этот. Сам Кант его называет своим **«коперниковым подвигом»**. Но на самом деле... Коперник ограничивается **заменой одной действительности другой действительностью**... Кант же **переворачивает** всю действительность, он сбрасывает с себя свою маску «магистра» и **провозглашает диктатуру**». (Jose Ortega y Gasset. Kant, Hegel, Dilthey. Revista de Occidente, Madrid, 1961. Перевод с испанского на русский язык сделан автором этой статьи.)

Однако современные научные открытия в области физики опровергают метафизические выводы Канта. Известный немецкий физик-теоретик Вернер Гейзенберг (Werner Heisenberg), один из создателей квантовой механики и автор теории т. н. «**принципа неопределенности**», утверждает:

*«Если мы сегодня будем сравнивать доктрины Канта с современной физикой, с самого начала возникнет впечатление, что его основная концепция "синтетических суждений а priori" оказалась полностью уничтоженной открытиями нашего века. Теория вероятности изменила наши идеи, которые мы имели о пространстве и времени; в действительности, она нам показала совсем новые видения пространства и времени, которых вообще не видно в формах "а priori" чистой интуиции Канта. Закон причинности уже не применяется в квантовой теории и закон сохранения материи перестал быть истиной по отношению к элементарным частицам. Очевидно, что Кант не мог предвидеть новые открытия, но так как он был убежден в том, что его концепции будут "фундаментами любой будущей метафизики, могущей называться наукой", будет интересно узнать, где находилась ошибка его аргументов».*

Больше того, Гейзенберг считает, что «**большие затруднения для понимания и восприятия концепций современной физики имеют своим корнем предпринятое Декартом разделение Космоса на "рес когитанс" и на "рес экстенса" ("мыслящая вещь" и "протяженная вещь")**. Это разделение проникло глубоко, в течении трех веков, в человеческий разум, и потребует долгого времени для его замещения действительно иной позицией по отношению к действительности.». (Werner Heisenberg. Physics and philosophy. Цитируется в переводе на русский язык с испанского издания "Fisica y filosofia"; Buenos Aires, 1959).

## **Кульминация противоречий**

Кант и все его прямые и косвенные последователи требуют **игнорировать действительность**, ибо действительность **непознаваема**. Единственное, что находится вне всякого сомнения, это то, что находится в нашем сознании, в нашем мышлении. Больше того, саму эту действительность необходимо, так или иначе, **подгонять** под наши **умственные схемы**, чтобы её улучшить. Причём, на практике для этого даже допускается насилие. Как сказал Ленин: «Если факты против нас, то тем хуже для фактов».

В данной проблеме заостряется основное противоречие Западного рационализма. Ведь, если под рационализмом понимать всемогущество человеческого разума, вплоть до провозглашения его автономности по отношению к лежащей вне человека (вне его

разума) действительности, то получается, что все схематические (идеологические) построения этого разума **не нуждаются в экспериментальной проверке** на практике (то есть вне самого разума). Этим макроидеология Запада отказывается от своего прежнего постулата **необходимости экспериментирования** в области научных исследований. Кроме того, если действительность на самом деле непознаваема для человеческого ума, то в таком случае она также и существенно неизменяема по прихоти этого ума. Такая изоляция и взаимоотчужденность между разумом и действительностью сегодня тоже опровергнута наукой, в частности теорией Гейзенберга о взаимодействии между наблюдателем (экспериментатором) действительности и этой самой действительностью.

Между прочим, Ортега-и-Гассет считает, что прежние успехи и прогресс Западной цивилизации были в свое время многому обязаны его тогдашней тенденцией и стремлением к **экспериментации**, кроме предрасположения к **анализу** (в противоположность предпочтению синтеза на Востоке). Однако, если действительность не только не познаваема, но еще и подлежит безоглядным реформам («изваяниям», как говорит Ортега), то этим самым отрицается автономная **эволюция** действительности. Если эволюцию действительности подменять, с одной стороны, насильно внедряемой революцией, и, с другой стороны, петрификацией этой самой революции, при этом упорно игнорируя **экспериментальные результаты** таких манипуляций, то даже никакие «перестройки» в последнюю минуту не смогут предотвратить катастрофы. Загон объективной действительности в прокрустово ложе субъективных схем нерационален и неизбежно ведет к катастрофе.

Запад пытается диалектически преодолеть этот аспект своего кардинального противоречия, оправдывая экспериментирование лишь в области так называемых «точных наук», но одновременно избегая всякую историческую (сиречь экспериментальную) **проверку** в области своих идеологий (либерализма, социализма, демократизма и т. д.), каковые возводятся «а priori» в **непререкаемую «истину»**, а также и проверку смежных с ними «социальных наук»: антропологии (дарвинизма), социологии, педагогики, психологии (фрейдизма) и экономики.

Кроме того, современный фундаментализм Запада также игнорирует противоречия и в своем подходе к отдельным выше отмеченным социальным наукам. Например, в антропологии проповедуется безоглядная приверженность к теории так называемого «эволюционизма», якобы ведущего к биологической **селекции**, в то время как в педагогике абсолютно отрицается всякое стремление к публичной селекции для подготовки публичных элит. (Дело в том, что непубличные элиты подготавливаются непублично).

В результате, в некоторых из этих областей современной западной культуры достигается максимальное **абстрагирование** искусственных схематических и «виртуальных» построений от всякой реальной действительности, что неизбежно приводит в тупики. Например, чрезмерное абстрагирование современных финансовых «виртуальных» инструментов от экономической реальной действительности может быть показательным примером таких преувеличений, неумолимо имеющих **ограниченные пробеги**.

В конечном итоге, современный рационализм Запада забывает **Истину и Правду**, а также и свой собственный прежний постулат, что «истина есть соответствие разума с действительностью» (*veritas est aedequatio rei et intellectus*). Если без разума нет рационализма, а истинный разум должен соответствовать действительности, то следственно подлинный рационализм никак не может игнорировать эту действительность.

## 2. Три мифа о демократии

За последние сорок с лишним лет, я написал и опубликовал более десятка статей о демократии. В «Русских тетрадах» были опубликованы три мои статьи на эту тему: в № 10 «**Республика и демократия**», в № 12 «**Первоначальная демократия**» и в № 14 «**Зарождение демократии**». Кроме того, за это же время, я прочел в Буэнос-Айресе несколько докладов о древней афинской демократии, на русском и на испанском языках.

Несмотря на это, я продолжаю получать письма из России с комментариями и вопросами на эту тему. Ввиду такого широкого интереса, которым эта тема пользуется, в настоящем номере публикуются вопросы о демократии, полученные мною недавно из России, и мои ответы на них. В этом номере также воспроизводятся и две мои давнишние статьи, которые были опубликованы передовицами под моим именем в 1975 и 1979 годах в газете «Наша Страна». Одной из причин такой непрекращающейся актуальности этой темы, является тоже непрекращающееся муссирование разных мифов о демократии. Для того чтобы внести минимальную ясность в эти вопросы, сперва необходимо отметить и назвать своим именем главные из этих мифов.

В данном случае, можно указать на **три главных мифа о демократии**:

**1. Терминологический миф**, провозглашающий принципиальное превосходство этого политического режима над всеми остальными режимами, якобы на основании утверждений основоположников политической науки Платона и Аристотеля. Этот миф основывается на грубых подлогах, при переводе трудов указанных философов на современные языки, после французской революции.

**2. Исторический миф**, о идентичности афинской демократии с Афинским полисом, а следовательно и тождественности достижений древнегреческой, и в частности афинской культуры, с достижениями афинского демократического режима. Этот миф основывается на игнорировании древней истории. Первое поселение на месте будущих Афин возникло в середине XIX века до Р. Х., первый царь в Афинах упоминается около 1400 года до Р. Х.; учреждение независимого Афинского полиса приписывается царю Тесею два-три века спустя; демократические реформы архонта Клисфена происходят в 508 году до Р. Х.; утверждение абсолютной демократии в Афинах совершается в 458 году, когда сильно урезаются права Ареопага (Сената); конец демократии и конец независимого Афинского полиса наступают в 338 году до Р. Х. Значит, Афинское независимое государство просуществовало более семи веков, а демократия в нём всего лишь его **последних 120 лет**, поле чего она погибла, увлекая за собой в гибель и само афинское государство.

**3. Политический миф**, о превосходстве оригинальных афинских демократических структур и процедур, над всеми остальными политическими структурами и процедурами. Главными процедурами афинской демократии были назначение на государственные должности путём **метания жребия** и «**остракизм**», т. е. изгнание выдающихся граждан из полиса, на основании общего голосования. Правда, это изгнание не было неограниченным во времени, как в наши времена, а простиралось лишь на десятилетний срок.

# Метаморфозы демократии

Ученик:

*Но ведь понятия в словах должны же быть?*

Мефистофель:

*Прекрасно, но о том не надо так крушиться:*

*Коль скоро недочет в понятиях случится,*

*Их можно словом заменить.*

*Словами диспуты ведутся,*

*Из слов системы создаются;*

*Словам должны вы доверять:*

*В словах нельзя ни йоты изменять.*

(Гёте, «Фауст», часть 1, сцена 5-ая).

## Метаморфозы политических понятий

Все современные научные дисциплины широко пользуются терминологией, заимствованной из древних греческого и латинского языков. При необходимости создания новых научных терминов, таковые тоже весьма часто образуются с помощью греческих слов и корней. В области политических наук, большинство терминологии прямо взято с греческого и с латинского языков. Такая практика часто ведет к неточностям и конфузиям при дискуссиях на политические темы. Причем дело даже не в самих переводах древних терминов на современные языки, а в частых изменениях их изначальных понятий и определений и в переменах их понимания, произошедших уже в глубокой древности. Для краткой иллюстрации таких метаморфоз можно отметить изменения смысла выражений *тиран, деспот, диктатор и автократор*. А затем перейти к описанию метаморфоз до сих пор самого популярного древнего выражения: **демократия**.

Слово «**тиран**» (τύραννος) не является греческим, а малоазиатским, по-видимому анатолийским или лидийским титулом, возможно хеттского происхождения. Первым известным в истории тираном был Гиг (Гигес) лидийский, из династии к которой затем принадлежал известный тиран Крёз. Гиг вступил на трон около 680 года до Р. Х. Это был титул частично соответствующий греческому титулу «**василевс**», который принято переводить на русский язык, как «**царь**», хотя лучше было бы – «князь». В Древней Греции первоначально титул «тиран» иногда был почти синонимом титула «василевс», что сказалось и в некоторых русских переводах. Например, название трагедии Софокла Οἰδίπους τύραννος (Эдипус тираннос) обыкновенно переводят как «Царь Эдип», а не как «Тиран Эдип». (На испанский язык это название переводят как Edipo rey).

Тиран Эдип, несмотря на его трагическую судьбу, был порядочным и хорошим человеком и правителем, судя по описанию его личности. В связи с этой темой, весьма интересен анализ, сделанный французским социологом и философом Мишель Фуко, трагедии Софокла «Царь Эдип», в его цикле лекций в Колледже Франции (Collège de France), в 1970 и 1971 годах. Согласно этому анализу, **благоденствие в государстве зависит от гармонии человеческих законов государства с божественными законами и от господства справедливости в государстве**. Справедливость, в свою очередь, **зависит от исторической истины, каковую правители обязаны искать и находить**. Трагедия царя Эдипа заключалась как раз в поисках этой исторической истины, даже во вред самому себе. В конечном итоге, эти поиски привели Эдипа к самоослепению. Никакого эротического влечения к своей матери у него не было, как это почему-то утверждал Фрейд, ибо его народ города Фивы вынудил венчаться на ней, когда ни он сам ни народ не знали, что это его мать. Да и особенного стремления к власти у Эдипа тоже не было, ибо к

власти он пришел по инициативе народа и следуя народной воле. Так, Эдип стал правителем города, с традиционным в этом городе титулом тирана, но, когда он узнал правду о своем происхождении, он сам ослепил себя и отказался от власти. Очевидно, что в данном случае, его титул тирана не соответствовал современным определениям.

В малоазиатской Греции, где зародилась греческая философия, в большинстве греческих полисов тоже были правители с этим титулом, но их трудно классифицировать в одной группе с современными тиранами. В Великой Греции, и особенно в Сицилии, правители имели титулы тиранов, даже в случае наследственных монархов, как в Сиракузах, но из этого не следовала автоматически их принципиальная отрицательность, как правителей. Иллюстрацией этому являются тираны Сиракуз Дионисий Старший и его сын Дионисий Младший, описанные Платоном в его «Письмах из Сицилии». Из этих описаний явствуют их весьма различные профили, как правителей. Однако, в Материковой Греции, и особенно в Афинах, титул тирана уже тогда имел ясно выраженный отрицательный характер.

Интересно, что и в Этрурии, между реками Тибром и По, титул тирана тоже был хорошо известен, хотя официально и не употреблялся, ибо этруски пользовались своей собственной терминологией. Однако, они были сильно приобщены к греческой культуре и мифологии и находились под значительным влиянием греческих концепций и моделей. Этруская семья Тарквиниев, давшая Риму трёх царей, вела свое происхождение из Греции, из Коринфа. Итальянский этрусколог Марио Торелли предполагает, на основании археологических данных, что в Этрурии их **городские царьки эволюционировали из «василевсов» в «тираны» тогда, когда они перестали быть религиозными авторитетами и сохраняли лишь политическую власть.** Можно добавить, что в Афинском полисе пошли еще дальше, и эту политическую власть разделили на части. Так, в Афинах базилевсы (цари) сперва стали в 1068 г. до Р. Х. единоличными пожизненными архонтами (буквально: начальниками), потом, с 753 года, архонтами, выбираемыми на десять лет, затем, с 682 года, на один год, когда число архонтов было утроено. Наконец, к трём годовым архонтам еще было добавлено шесть младших годовых архонтов. Возможно, что любая попытка повернуть вспять такую эволюцию власти в полисе и снова её сконцентрировать в одном человеке, клеймила этого человека архаичным титулом *тирана*. Не *василевса*, ибо один из трёх старших архонтов продолжал иметь титул *василевса*, с задачей заботиться о всех религиозных церемониях афинской демократии и председательствовать в Ареопаге Афин, где заседали все бывшие архонты.

В современном мире титул тирана имеет общепринятый отрицательный характер. Очевидно, что определение его смысла **зависит от мировоззренческо-политической модели, в рамках которой он применяется**, как и вообще в случае большинства политических терминов.

Слово **деспот** в древнегреческом языке было образовано с помощью корней «демс» (дом) и «потес» (власть). Его можно буквально перевести, как **«домохоозяин»**, по-сербски «домачин» (*домаћин*), а по латыни *dominus*. При этом, нужно иметь ввиду, что это слово связано по смыслу с рядом слов выражающих «прием гостей», как в русском слове «господин». Гос-под-ин происходит от индоевропейского *hosti-pot-s*, буквально «властитель чужого» или «властитель гостей», по-немецки *Gastherr*, или *Herr des Fremden* (Немецкий этимологический словарь: *Duden, Herkunftswörterbuch der Deutschen Sprache*). Корень «гос» присутствует также и в латинских словах *hospes*, *hostis*. Значит, по своему первоначальному смыслу, выражение *деспот* значит **гостеприимный домохозяин**. В Средние Века, в Сербии и Греции титул *деспота* часто употреблялся вместо славянского титула князь, а в Валахии и Молдавии употреблялся славянский титул **господарь**.

В Православной Церкви титул *деспот* употребляется до сих пор, наряду со его славянским переводом – *владыка*. Когда мы в Храме поем «*ис полла эти деспота*», это значит, что мы желаем «*многая лета гостеприимному домохозяину*», каковым в Церкви является Архиерей, согласно Канонам Вселенских Соборов.

После Французской Революции, выражению *despot* часто стали придавать значение «злого и жестокого» правителя. Эта интерпретация является частью современных идеологических конструкций.

Слово **диктатор** в буквальном переводе на русский язык значит – **повелитель**. Эти слова происходят от глаголов «**dictare**» и «**велеть**», совмещающих смысл понятий «**говорить**», «**предписывать**» («**диктовать**»), со смыслом понятий «**хотеть**», «**желать**», «**высказывать свою волю**». Слово диктатор также соответствует частично английскому слову «**спикер**». По-видимому, латинские племена в Италии, еще до основания Рима, «диктатором» называли своих **народных вождей**, ибо именно в таком смысле трактуется этот титул в Римской Республике: *magister populi*. После учреждения Римской республики в 753 году до Р. Х., в течение двух с половиной веков возглавлявшейся семьёй царями, титул «диктатора» **не употреблялся**. Вся власть принадлежала царю (рексу), а в его отсутствие его помощнику и заместителю – «префекту всадников» (*praefectus equites*). После замены в 510 году до Р. Х. одного пожизненно выбираемого царя двумя ежегодными «верховными предводителями» (буквально «*верховными пред-идущими*», *praetor maximus*), затем называемыми «консулами», титул «диктатора» снова всплывает и становится важным **республиканским титулом** в Римской республике, со строго определёнными функциями. В моменты чрезвычайной опасности, **любой из двух консулов мог самовольно и единолично назначить любого сенатора, который до этого уже был консулом, «вождём народа»** (*magister populi*), также называемого «**диктатором**» (*dictator*), на время ограниченное сроком функций назначающего консула, но **не более, чем на шесть месяцев**. Во время такого публично объявленного **чрезвычайного положения**, все остальные магистраты (сановники) республики должны были подчиняться **единоличной власти диктатора республики**, в том числе и сам назначивший его консул. По истечении такого чрезвычайного диктаторского срока, в республике автоматически восстанавливалась власть консулов. При установлении императорской власти, титул диктатора стал одним из многих пожизненных титулов императора.

В рамках катаклизмов, возникших в результате Французской революции, в XVIII веке произошел ряд грубых искажений в области исторически устоявшейся общественно-политической терминологии, в том числе и по отношению к выражению *диктатор*. Затем, в рамках «Социалистического интернационала», возникло новое выражение: «**диктатура пролетариата**». Согласно Марксу, «**диктатура пролетариата должна предшествовать окончательному историческому этапу**». Исходя из первичного смысла этих двух латинских слов, такое выражение абсурдно. Диктатура – это сумма действий **единоличного правителя**, а не власть колоссальной безличной массы людей. Кроме того, диктатура – это власть **ограниченная во времени**, а не вечная власть пролетариата, которая должна «окончательно восторжествовать», до самого **конца истории**. В течение четырёх с лишним веков Римской республики, диктатура была ограничена **сроком в шесть месяцев**, а затем **сроком жизни одного человека**. Диктатура не была революционной, а **законной властью, законно назначенной предшествовавшей ей законной властью**. Посему, диктатура, по своему первоначальному определению, отнюдь не является результатом революционного разрыва с предыдущей легитимностью, а, наоборот, **чрезвычайным средством для спасения** и сохранения этой легитимности.

Выражение «**диктатура пролетариата**», являющееся одним из краеугольных камней одной современной идеологии, состоит из двух исторических римских терминов на латинском языке, точный смысл каковых никак не может подлежать никакому сомнению, ибо доподлинно определён множеством исторических документов. Однако, несмотря на это, коренной смысл этих двух древних политических терминов существенно искажен в данной формуле этой идеологии. В самой среде социалистического интернационала, поначалу существовали сомнения по отношению к применению этого термина. В «Готскую программу» оно не было включено, что критиковалось самим Марксом. Однако оно было



включено Плехановым в его первый проект «программы-максимум». Известный немецкий социалист Эдуард Бернштейн даже считал, что «**диктатура пролетариата**» может означать только одно – «**диктатуру клубных ораторов и литераторов**». Более меткое определение затем дал Иван Солоневич: «**диктатура импотентов**».

В политических словарях, изданных при коммунизме, слово «диктатор» определяется как «**лицо, обладающее неограниченной властью и осуществляющее единоличное управление**». Однако «диктатура пролетариата» определяется затем как «**политическая власть рабочего класса**», а не как власть одного лица. Сам же пролетариат определяется как «**самый передовой и революционный класс буржуазного общества**», причем «его наиболее сознательным и передовым отрядом являются коммунистические и рабочие **партии**, стоящие на платформе марксизма-ленинизма». (Краткий политический словарь», М., Политиздат, 1969).

Слово **автократор** первоначально было титулом **главнокомандующего вооруженными силами Афинской демократии**. Оно употреблялось также и в смысле «**полномочный**», например в случае дипломатических послов. Некоторые авторы применяли этот греческий титул для обозначения римских императоров и диктаторов. Затем, это был один из титулов византийских василевсов. В России этот титул впервые применяет Святой Владимир, в переводе на русский язык **самодержец**, а затем и другие великие князья, до Татарского ига. После прекращения платежа дани татарам, этот титул впервые снова применяет великий князь Иван III, что говорит о его понимании в смысле «**независимый**», «**суверенный**».

## Древние метаморфозы понятия «**демократия**»

Выражение «**демократия**», как известно, образовано из двух древнегреческих слов: **демос** и **кратос**. **Кратос** обыкновенно переводится как **власть**, но это слово имеет также и несколько схожих значений: **сила**, **крепость** и даже «**державность**» («автократия» = самодержавие). Слово **демос** в этом контексте обыкновенно переводят, как «**народ**». Таким образом, слово демократия переводится на русский язык, как «**народовластие**».

«**Демос, это территорияльное подразделение и народ этого подразделения, от корня δη, δαιομαι, разделяю**». (Итальянский этимологический словарь древнегреческого языка: Vocabolario Greco antico. Renato Romizi, Bologna 2001). Этимологически слово **демос** (δημος) происходит от глагола **делить**, разделять (δη, δαιομαι, δαιεσται) и обозначает «**подразделение**», «отделение», «часть», «удел», «доля», «приход», «округ», «волость», «община», «поселение», а не только «народ». (В испанском языке слово pueblo тоже обозначает **одновременно «народ» и «поселение» или «населённый пункт**). Корень этого слова индоевропейский и сохраняется в русских словах: **делить, доля**; в немецких словах Teil, teilen; в английском слове deal.

В греческом языке было несколько слов для обозначения разных оттенков понятия «**народ**». Кроме выражения **демос**, были в широком употреблении слова: **этнос** (нация, народ), **лаос** (люди), **полис** (политическая община народа), **плефос** (толпа, множество, плебеи), **охлос** (чернь). Все эти слова имеют этимологически разные корни, но воспринимались они зачастую более или менее как синонимы. Особенно близкими по смыслу были слова **демос**, **плефос** и **охлос**.

Как известно, Аристотель установил **шесть абстрактных форм** политических режимов: **три правильные формы** и **три извращения** этих правильных форм. Для этого он формулирует соответствующую политическую **терминологию**, которая сохраняется практически неизменной и до наших дней. Самый выпуклый, ясный и краткий вариант этой классификации Аристотеля гласит следующим образом: «**В первом исследовании различных государственных форм, мы различили три правильных строя («орфас политияс»): монархия, аристократия и полития («василиан, аристократиан, политиян»), и три отклонения («пареквасеис») от них: тирания от монархии, олигархия от**

аристократии и демократия от политики («тираннида мен василиас, олигархиан де аристократиас, демократиан де политеас»). (Аристотель. **Политика**, 1289 а, 25).

После Французской революции, в некоторых переводах Аристотеля стали **заменять латинское слово «республика», обозначавшее «политию», то есть третий хороший режим, греческим словом «демократия», у Аристотеля обозначавшее извращение этой самой политики, то есть наименее плохого из трёх плохих режимов.** Затем такая подмена стала распространяться и на переводы на другие языки, и в наши дни стала общепринятой. Таким образом, один из извращенных (плохих) политических режимов был переклассифицирован как хороший режим.

Термин *демократия* возник в Древней Греции, по-видимому, в Афинском полисе, образовавшемся в середине второго тысячелетия до Р. Х., в рамках крито-микенской культуры. Около 1200 года, Афинский полис, по-видимому, добился своей независимости, когда, согласно легенде о Минотавре, Тесею, являвшийся сыном афинского царя Эгея, освободил Афины от уплаты дани минойской монархии на Крите. Тесею затем был тринадцатым по счёту василевсом (царём) из числа двадцати царей Афин, частично легендарных и полумифических. Значит, после Тесея в Афинах было еще семь царей. Тесею приписывается также и объединение Афин с соседними двенадцатью деревенскими поселениями Аттики. По-видимому, при этом учредительном акте, который сами афиняне называли «**синекией**» (сожительством), произошло частичное восстановление домикенских (индоевропейских) соборных политических структур.

Аристотель утверждает, что именно при Тесею в Афинах **впервые политически проявляется народный элемент.** Так начинается **преодоление предыдущей крито-микенской монархии в Афинах,** которая хотя и была частично ограничена аристократией, **но** без участия народных элементов, однако не сохраняла ни духа ни формы исконного индоевропейского политического строя, имевшего родовой характер. Аристотель говорит об этом событии в четвёртом фрагменте его «Афинской конституции»: Тесею «**был первым, кто склонился к охлосу** (*απεκλίνε προς τον οχλον*) **и отменил монархию,** что, по-видимому, свидетельствует также и Гомер, который в списке кораблей **называет демосом** (*δεμοιν*) **только афинян**». В данной фразе *демос* отождествляется с *охлосом* (чернью), а под монархией подразумевается абсолютная монархия микенской политической модели, ибо Тесею и после этого «упразднения монархии» продолжал быть греческим василевсом.

Что точно подразумевается под афинским *демосом* во времена Троянской войны сегодня сказать трудно, но нельзя упускать из виду, что наличие *демоса* в этой фразе приписывается только лишь Афинам и могло обозначать участие не только греческого меньшинства этого полиса в троянском походе, но также и тогда **туземного большинства пеласгов** в Афинах. Так что, это первое упоминание *демоса* может иметь скорее этнический, чем политический характер.

Приблизительно через сто лет после Тесею и легендарного освобождения Афин от уплаты дани Криту, около 1150 – 1100 годов в Греции повсеместно наступает **крах крито-микенской модели.** Согласно Арнольду Тойнби, это произошло в основном по причине чрезмерных **милитаризма и бюрократизма** крито-микенских структур, не выдержавших натиска новой волны греческого племени дорийцев, ворвавшихся с севера, поле чего в Греции наступают т. н. «**тёмные века**».

Тойнби считает, что, во время этих тёмных веков, Греция **забывает чужие и начинает возрождать свои собственные модели и политические формы** и возвращаться на свои собственные пути, не отбрасывая при этом огульно все чужие достижения, но перерабатывая некоторые из них на свой лад. Благодаря этому, считает Тойнби, при выходе из этих тёмных веков, в Греции начинается её самый блестящий период: период **классической эллинской культуры.** (Arnold Toynbee, *The Greeks and their Heritages*.)

## Первоначальная монархическая демократия

Аристотель описывает в «Конституции Афин» одиннадцать конституционных реформ в Афинах, первые из которых были направлены на восстановление и развитие соборного строя и на предотвращение возможных политических и социальных потрясений.

**Первой такой реформой** было учреждение должности **полемарха-архонта (воеводы)**, буквально – военачальника, соответствующего префекту конницы в Риме и тысяцкому в Новгороде), первоначально в качестве первого помощника царя (архонта-василевса). Такая важная роль **военного вождя** становится одной из главных характеристик афинской демократии. В последний период существования Афинского полиса, **военный вождь становится первой фигурой афинской демократии**.

Затем учреждается должность **третьего архонта**. Со временем, этот третий архонт становится первым архонтом, с **титолом архонта-эпонима**, т. е. дающего свое имя году. Титул царя (**архонта-василевса**) сохраняется для второго архонта, без каких-либо особых политических или военных функций, кроме председательства в Аеропаге и возглавления религиозных жертвоприношений и обрядов. Третьим архонтом становится полемарх. Этот порядок рангов между тремя старшими архонтами в будущем снова меняется. Под конец афинской демократии, первым архонтом становится полемарх, архонт-василевс продолжает быть вторым архонтом, а архонт-эпоним становится третьим. Все отслужившие свой срок архонты становятся членами **совета старейшин (сената)**, заседающих на **Ареопаге** (холме бога войны Ареса), напротив Акрополя, под председательством архонта-василевса.

Таким образом, первой конституционной демократической реформой Афинского полиса было **учреждение военной власти**, ставшее началом создания **тройственной верховной власти** афинской демократии (политической, религиозной и военной), олицетворяемой тремя старшими архонтами, при содействии шести младших архонтов. (Архонт буквально значит «начальник», но южные славяне этот титул обыновенно переводили как «князь»).

**Вторая конституционная реформа** в Афинах была реализована в 624 году архонтом Драконом, который создал первое письменное уголовное законодательство, всенародно опубликованное, с жестокими наказаниями за уголовные преступления, и особенно за воровство, что затем было отличительным признаком афинской демократии. (Воровство каралось смертной казнью, сбрасыванием вора со скалы в море, дабы не осквернять афинской земли его трупом).

**Третью конституционную реформу** совершил архонт Солон в 594 до Р. Х. Она имела своей целью восстановить и утвердить в Афинском полисе **политическую и социальную справедливость между богатыми и бедными**, к тому времени нарушенную. Эта третья (вторая писаная) конституция Афин была написана и обнародована архонтом Солоним в течение одного года, по заказу всего полиса. Солон можно считать главным учредителем **первоначальной афинской демократии**, ибо он установил и подтвердил ряд её коренных конституционных норм: Все граждане полиса могут участвовать в процедурах выбора и назначения по жребию должностных лиц в государстве, но **не все могут быть выбранными или назначенными** на все государственные должности, ибо это зависит от их квалификации и от исполнения ими своих политических обязанностей. Не все сыновья граждан полиса являются автоматически его гражданами, ибо для этого они должны кончить курс одной из афинских гимназий и отбыть двухлетнюю воинскую повинность.

Солон покончил с родовым строем, разделив всех граждан на **четыре разряда**, независимо от их принадлежности к одному из четырех первоначальных племён (фил), объединение каковых привело к созданию Афинского полиса, более чем четыре века до него. Формально, это новое разделение Солоним было сделано лишь в зависимости от годовых **доходов** граждан, но по сути, оно было **функциональным (служебным)**, главным образом с **военной**, а вследствие этого и с политической точек зрения. К первому разряду были отнесены все те граждане, годовой доход которых соответствовал

стоимости не менее чем 500 мер («медимн») ячменя (1 медимна = 52 литра). Из их состава выбирались 9 архонтов и члены ареопага (сената). Ко второму разряду населения были отнесены все граждане, имевшие доход не менее 300 медимнов. Они должны были служить в коннице, ибо могли содержать своего коня. К третьему разряду были отнесены все те, чей доход составлял не менее 200 медимнов. Они служили в пехоте и должны были иметь, за свой счет, полное тяжелое вооружение. В четвертый разряд были включены все те, чей доход был еще меньше и кто земли не имел совсем. Они лишь имели право участвовать в общем народном собрании и в суде присяжных (платном). В соответствии с этими категориями выдвигались кандидаты на должности в полисе, из числа каковых затем определялся **путём жребия** тот или иной сановник Афинского полиса.

Афинский полис именно с этого периода **начинает принимать демократический характер**, как утверждает Аристотель в своем описании этой реформы Солона. (Аристотель. Афинская конституция, 7 и 8). Солон сильно облегчил старые долги бедняков и запретил впредь давать им в долг под гарантию личной свободы должника. Ранее проданных в рабство афинских должников он выкупил за счёт государственной казны. Солон особенно выражает свою радость по поводу **возвращения на свою родину афинских эмигрантов**, вынужденно покинувших её из-за их задолженности. Кроме того, он **привёл в порядок афинскую систему мер, весов и денег**, каковая затем немало способствовала стабильности и популярности афинской валюты в Древнем Мире. За эти реформы, в древности Солон считали одним из семи мудрецов мира.

Значит, **первые конституционные реформы** в Афинах были проведены с целью достижения **военной, юридической и социальной устойчивости**. С тех пор, стремление к **устойчивости в государстве** считалось древней греческой политической наукой главной целью правильной политики. Это была афинская первоначальная **монархическая демократия**, каковую Платон считает одним из немногих реально возможных оптимальных видов политических режимов. Иван Солоневич употребляет выражение **народная монархия**. Во всяком случае, это – **первая модель первой демократии в мире**. Все позднейшие варианты являются метаморфозами этой первой модели, метморфозами иногда до неузнаваемости.

## **Подлинная демократия демосов**

Приблизительно через 90 лет после Солона, в 508 году, новый вождь Афинского полиса архонт Клисфен произвёл **пятую реформу** афинской конституции. (Четвёртую реформу произвёл тиран Писистрат, незадолго до Клисфена). Вместо **четырёх старых фил** (племён, в Новгороде называвшихся концами), в свое время образовавших Афинский полис, Клисфен учредил **десять новых фил**, но уже не по родовому, а по чисто **территориальному (земскому)** признаку. Теперь филы составлялись не из родов, а из отдельных «демосов», то есть **территориальных подразделений** (приходов, районов, уездов, уделов). Демосы теоретически приравнивались в военном отношении к **сотням** вооруженных граждан. Десять демосов образовывали одно из десяти племён (фил), одновременно являвшимся одной из десяти тысяч (полков). Во главе демосов или сотен стояли димархи, а во главе фил или тысячь – стратеги, а главнокомандующим был полемарх, иногда величаемый «автократором», главой Афинской демократии.

Значит, в **каждую филу** (племя) **входило 10 демосов**, так что всего было 100 демосов. (Это число демосов затем увеличилось, почти вдвойне, в зависимости от общего количества граждан). В свою очередь, в каждый демос входили совместно богатые и бедные, знатные и незнатные граждане, жившие **по соседству**, числом от 100 до 500 граждан (всех жителей, включая женщин, детей, рабов и иностранцев, в каждом демосе было приблизительно в десять раз больше). От каждой филы входило, по жребию, в Совет Афинского полиса по 50 граждан, каковой посему стал называться «Советом Пятисот», вместо предыдущего «Совета Четырёхсот», когда от каждой из четырёх первоначальных

фил в Совет входило по 100 представителей. Демосы выбирали путём **жребия** из своего состава по одному кандидату в архонты, но **только из числа граждан, принадлежащих к первому классу**. Из всех 100 кандидатов от всех 100 демосов затем назначалось путём жребия 10 архонтов, сроком на один год. Никто не мог быть архонтом во второй раз, прежде чем все граждане не побывали на этом посту, за исключением полемарха.

Благодаря этим реформам Клисфена от 508 года, конституция (полития) Афинского полиса **«стала демократичнее»**, утверждает Аристотель. Она обрела свою характерную основную структуру, а также и свое идеологическое и терминологическое определение: **демократический строй**, то есть **земский общинный строй**, в котором **первичное выдвижение кандидатов** на государственные должности происходило, путём жребия, в избирательных округах, каковыми были **территориальные подразделения**, называемые **демосами**. (В Новгороде демосы назывались «улицами», а филы – **концами**). В Афинской Демократии по жребию назначалось около 1000 сановников, включая членов Совета Пятисот, а около ста сановников выбиралось голосованием, главным образом для военных и финансовых должностей, из военных и зажиточных родов. (Сановники, заведующие финансами полиса, должны были быть в состоянии **ответить своим имуществом за свои растраты и промахи**).

Эти конституционные реформы Клисфена можно считать **кульминацией** положительных процессов развития **первой демократии в мире**, хотя, строго говоря, они были **первой метеморфозой** её первоначальной модели, метаморфозой положительной. Они подвели **организационный** фундамент под этот новый, смешанный государственный строй Афин, который мы сегодня называем **«афинской демократией»**. **Кандидатуры** на политические должности в Афинах **выдвигались исключительно «демосами»**, путём жребия. **Демократический суверенитет принадлежал демосам** и не отчуждался в пользу партий или иных корпораций и за ними стоящих гласных и негласных структур. Реформы Клисфена развили и довели до максимума демократический элемент в Афинском полисе. Однако, несмотря на это, в нём **продолжали сохраняться и другие элементы полиса**, так что соборный смешанный строй тоже сохранялся.

Больше того, Аристотель отмечает, что во время военной катастрофы, в результате нашествия персов, через тридцать лет после Клисфена, в Афинах все растерялись, кроме Ареопага. Аристократический Ареопаг, под монархическим председательством василевса-архонта, тогда взял инициативу спасения в свои руки и призвал демократический «плефос» (толпу) занять свои места гребцов на военных кораблях, под аристократическим командованием. Ареопаг даже оплатил из своих средств эту службу гребцам. Афинский военный флот (вместе с союзниками около 350 кораблей) тогда одержал полную победу у острова Саламины в 480 году над персидским флотом (от 600 до 800 кораблей), и Греция была спасена.

Аристотель пишет, что Ареопаг этим еще больше увеличил свой авторитет, хотя и толпа (у Аристотеля «плефос», иногда «охлос», но редко «демос») тоже сохраняла свое влияние (и доходы) в рамках демократии: *«Итак, полис прогрессировал доселе вместе с демократией, развиваясь постепенно. После персидских войн снова стал преобладать и управлять полисом Ареопаг, без необходимости для этого никакого декрета, потому, что он был зачинщиком морского боя у Саламины. Ибо, когда стратеги, в отчаянии от положения, возвестили, что каждый должен пытаться спастись в одиночку, Ареопаг добыл и роздал восемь драхм каждому, и посадил их на судна. По этой причине все признали достоинство Ареопага, и тогда афиняне были очень хорошо управляемы»*. (Конституция Афин, 23).

Значит, пока все составные элементы соборного строя находились в симфонии между собой, дела всего полиса шли хорошо. Когда же какой-нибудь из этих составных элементов начинал стремиться к абсолютной гегемонии, начиналось вырождение всего строя, в конечном итоге кончавшееся его гибелью, в том числе и гибелью элемента, стремившегося стать абсолютным.

## Крайняя демократия

В 497 году произошла очередная конституционная реформа: архонтов можно было выбирать не только из первого, но также и из второго класса граждан. Это была принципиально важная метаморфоза, открывавшая дорогу дальнейшим мутациям афинского политического строя. Одновременно, должность полемарха, возглавлявшего полковых стратегов, стала первенствующей в Афинском полисе: **полемарх-архонт стал первым архонтом**. Другими словами, **президентами Афинской демократии с этого года могли быть только лишь военные, из военного сословия**.

В 478 году был учреждён Афинский морской союз. Афины стали ведущей державой в Греции. Еще больше увеличилось значение «плефоса» («плебса»), т. е. граждан неимущего четвёртого класса, поставляющего оплачиваемых **гребцов для афинского флота**, состоящего из многочисленных трирем (трёхвесельных кораблей). Согласно предположениям, Афины в момент своего расцвета имели не менее 200 трирем, приблизительно почти по 200 гребцов каждый, в своем большинстве самого низкого четвёртого класса, значит всего около 40.000 человек. Плефос стал социологическим базисом афинской демократии.

В 462 – 458 годах происходят дальнейшие конституционные реформы в Афинах, ведущие к установлению **«крайней (εσχάτησ) демократии»**, согласно определению Аристотеля (Политика, 1312 в, 36). Аристотель считает, что «крайняя демократия» равнозначна тирании, что уже утверждал Гесиод. (С помощью слова «εσχάτησ», эсхатес, образовано выражение «эсхатология»). Сильно урезаются права Ареопага (Сената), который сохраняет за собой лишь уголовную юрисдикцию для особо тяжких преступлений, но теряет все свои политические функции. Остальные судебные дела подлежат суду присяжных поверенных, из граждан неимущих классов, ежедневно заседающих за денежное вознаграждение. Архонтов впредь можно выбирать также и из третьего класса граждан, кроме первого архонта-полемарха, который должен, как и прежде, принадлежать к военному сословию.

Все эти реформы на последнем этапе афинской демократии привели к **нарушению соборности** в государстве. Плефос (толпа) не только стал главным элементом в государстве, но практически его **единственным** ведущим элементом. Смешанный политический строй, постепенно восстанавливавшийся в Афинах в течение многих веков, оказался практически ликвидированным **в пользу одного из его элементов**, добившегося не только своей политической гегемонии, но практически также и **монополии**. Все другие государственные элементы были оттеснены. Монополия политической власти привела к политическому краху.

Так Афины перестали быть *политией*, в рамках каковой органически развивалась демократия, и превратились в **абсолютную, крайнюю демократию**. Однако, только **соборное государство** («полития» с монархом или без него) может обеспечить в своих рамках на длительный срок также и **подлинную демократию**, правда не абсолютную и не крайнюю, но **ограниченную** другими элементами власти: **«Олигархия и демократия даже могут быть приемлемыми, хотя они и являются отклонениями от лучших режимов, однако если доводить до крайности ту или другую, то их строй начнет ухудшаться и кончится тем, что он вообще перестанет быть строем»**. (Аристотель, Политика, 1309, в).

Можно отметить, что в рамках этих отрицательных социологическо-политических метеморфоз и процессов, происходило также и частичное восстановление отрицательных аспектов прежнего крито-микенского режима, как, например, чрезмерные бюрократизация и милитаризация, при нарушении экономической разумности. Наступила необходимость военных авантюр и грабежа других стран. Для этого, возникла нужда в нарушении закона, а затем возникла новая, не соборная и не легитимная форма закона: **«Одной из форм демократии является такая демократия, в которой все граждане участвуют в правлении, но верховная власть принадлежит закону. В другой форме**

демократии **верховой властью является сама толпа** (плефос), а не закон. Это происходит там, где главенство принадлежит декретам, а не закону. **Это происходит по вине демагогов...** Где закон не обладает авторитетом, там нет политики. **Закон должен стоять выше всего, а сама политика и её сановники должны решать только лишь частные случаи.** Если демократия является одной из форм правления, и если она будет организацией, в которой всё решается путём декретов, она **не будет настоящей демократией**, ибо ни один декрет не является **соборным**» (καθολου, καθολу, т. е., «**кафолическим**», всеобщим, универсальным). (Аристотель, Политика, 1292 а).

Аристотель считает, что «писанные законы» («ката граммата номой») должны опираться на **нравственные законы** («ката то этос номой»), ибо «нравственные законы важнее писанных, и касаются вещей более важных» (Политика, 1287 в). Фундамент, на котором покоятся писанные законы, является **многолетним отстоем** верований, нравов, обычаев и традиций, **не подвластных прихотям очередных законодателей**. Это затем выразил Гораций: «законы без нравов напрасны», предвосхищая нашу русскую поговорку: «где добры в народе нравы, там хранятся и уставы». Таким образом, писанные законы являются **соборными и подлинно демократическими законами** только лишь тогда, когда они вытекают из общего соборного согласия (консенсуса большинства и меньшинства) современников и предков, и когда они уходят своими корнями в традиционную нравственную почву своего народа. Государства, с конституциями и законами, санкционированными лишь случайными и относительными большинствами, согласно Аристотелю, не являются «настоящими демократиями».

## Современные метаморфозы демократии

*Под покровом этой благородной идеи в общественное сознание было спущено порочное утверждение всего низкого и подлого.*

**Ортега-и-Гассет.** «Болезнетворная демократия».

После полного краха Афинской демократии, вследствие её поражений в спровоцированных ею войнах со Спартой и Сиракузами, и после окончательной потери независимости Афин, их включением в Македонскую Монархию в 338 году до Р. Х., идея демократии, понимаемой под видом её последней метаморфозы в афинскую **«крайнюю демократию»**, надолго стала непопулярной. В конституции США и в первых конституциях других американских государств это выражение вообще не употребляется. Английский политолог Роберт Мосс утверждает, что эта непопулярность продолжалась чуть ли не до конца XIX века. Это не совсем так, ибо уже идеологические агитаторы Французской революции стали упорно искажать переводы греческих определений демократии Аристотеля, Платона и других древних авторов, меняя и даже частично фальсифицируя греческую терминологию. Эти искажения и фальсификации затем были переняты с французского в современные языки, особенно в популярных изданиях. Так возникли идеологические предпосылки для современных новых метаморфоз демократии.

Однако, несмотря на это, **первоначальная идея** политического строя афинского полиса, в состав которой входила также и идея демократии, в синтезе с идеями монархии и аристократии, еще до этого распространилась по всему миру, благодаря Александру Великому и, возникшей в результате его походов, эллинистической цивилизации. Правда, еще до него, в этрусской и римской Италии эта идея тоже расцвела, под, затем ставшей универсальной, формой римского муниципия. Комбинация этих двух цивилизационных новаций затем распространилась по всему миру, поначалу благодаря экспансии Римской Империи. Так возник **новый вид** большого государства, чью основную идею можно резюмировать, как попытку **синтеза** между маленьким греко-италийским полисом и территориально большими государствами Востока.

В примечании № 50 испанского философа Юлиана Мариаса к его переводу на испанский язык «Политики» Аристотеля подчеркивается, что *«вся политическая проблема Древнего Мира заключалась в переходе от государственной формы полиса к другой форме, не сводящейся к городу, но при сохранении его действительных политических форм, сиречь его конституции, а не только к расплывчатой социальной действительности, называемой греками этносом»*. В результате, эллинистические, а затем римские имперские территории **покрылись сетью полисов** или, по-римски, муниципалитетов, в имперских рамках.

Эта характеристика политических структур, основывающихся на такой глобальной **«муниципальной сети»**, продолжает с тех пор быть, в значительной мере, актуальной и до наших дней. Современные демократии, однако, унаследовали лишь частично эту идею полиса-муниципия, ибо в основном они ведут свое происхождение от системы уступок варварских завоевателей римских провинций своим сподвижникам, главным образом в государствах Франков в Норманнов. Эти уступки выражались в основном в учреждении постоянных собраний феодалов, для апробации новых налогов в пользу их сюзеренов. Эволюция этой системы, в комбинации с толкованиями сторонников французской революции, привели, в течение веков, к современной модели неолдемократий.

Неолдемократии являются политическими режимами, в которых государственная власть должна быть формально разделена на исполнительную, законодательную и судебную власти, что полностью противоречит теории и практике афинской демократии, а также и Римской Республики. Исполнительная власть должна быть избрана на ограниченный срок, а законодательная власть может быть частично избрана и пожизненно, в одну из законодательных палат, если она состоит из двух палат. Судебная власть в принципе может не избираться, а быть назначенной совместно исполнительной и законодательной властями. Идея разделения власти на несколько частей была высказана впервые английским философом John Locke (1632 – 1704). Окончательную форму, этой идее разделения власти придал известный французский политический мыслитель барон Шарль де Монтескье (Charles Louis de Seconda, Baron de La Brède et de Montesquieu, 1689 - 1755), в своей программе **политического либерализма**. (Монтескье. *О духе законов*.)

Монтескье дает теоретическое обоснование не только для окончательного подрыва т. н. «старого режима», но и **для ослабления и раздробления** всякой **политической власти в будущем**, перед лицом новой, не раздробляемой и единой, монолитной и монопольной **капиталистической финансовой власти**. В этом и заключается **квинтэссенция либерализма: экономическая мощь при политической немощи**. Монтескье ясно формулирует **две главные идеи** своей системы политического либерализма: 1. Существуют три вида власти. 2. **Народ, как таковой, сам по себе не в состоянии «обладать» ни одним из этих трех видов власти.**

Эта последняя метаморфоза демократии является по существу окончательным разрывом с оригинальной версией демократии и началом новой серии неолдемократий. **Расщепляя** государственную власть на несколько частей, и ставя эти части в **равновесие** между собой (наподобие шлагбаума или лифта и их противовесов), вся политическая власть приводится в такое состояние, что ею могут довольно легко и скрытно **манипулировать другие** (не публичные) **факторы мощи**. Значит, эта метаморфоза лишает новые республики также и публичности, т. е. их специфической сути.

Второй проект Монтескье позволяет **легитимировать узурпацию** народной власти, как в либеральных, так и в социалистических государствах. Монтескье утверждает, что **«народ не обладает способностью разбирать дела и поэтому необходимо, чтобы народ делал посредством своих представителей то, что он не может делать сам»**. (Эта идея лежит в основе той части конституции США, в которой предписывается процедура выборов президента США специальными избирателями). Вообще, **«законодательная власть народа в массе невозможна в больших государствах, и имеет много неудобств в малых»**. Исходя из этой предпосылки, развились либеральные и социалистические



**представительные системы**, и даже такие политические структуры, как «**советы рабочих и солдатских депутатов**».

Центральная идея политического либерализма, подробно разработанная Монтескье в его труде «*О духе законов*», вращается вокруг попытки создания такого государственного строя, в котором можно было бы **обезвредить и ослабить государственную власть**, путем её разделения на части, по функциям, с помощью специально для этого написанных конституций и законов. Сам **народ не должен принимать прямого и полного участия** ни в одной из отдельных властей, но все власти будут действовать **его именем**. Монтескье утверждает, что «**народ не способен; это и является как раз одним из наибольших недостатков демократии**».

Современная демократия это такой политический режим, в котором главной политической целью является **достижение большинства голосов на выборах**, являющихся единственным политическим моментом с участием народа. Причём эти выборы не обязательно ведут к **отбору лучших** и самых компетентных граждан для управления государством, как это было установлено и регламентировано в Римской Республике. Даже в Афинах система назначения по жребию статистически обеспечивала лучший отбор правителей, чем современные выборы, ибо таковые сегодня зачастую ведут к антиселлекции. Эта **современная метаморфоза демократии** не имеет ничего общего с оригинальной демократией, в которой выборы применялись лишь для назначения менее чем десяти процентов высоко специализированных политических сановников, в то время как все остальные назначались по жребию. В Римской республике выборы являлись лишь предварительной рекомендацией «популуса» для назначения магистратов, рекомендации требующей затем еще и аппробации Сената. Вступление на власть консулов совершалось *де юре* в момент их назначения предыдущим консулом, ибо **в Республике легитимной была лишь та власть, которая была персонально назначена и рукоположена предыдущей властью**. По-латыни это называлось *манус даре*, а по-гречески *хиротония*.

Испанский философ Хосэ Ортега-и-Гассет в свое время выдвинул предположение, что современная универсальность современной модели демократии была вызвана главным образом необходимостью подведения общего минимального идеологического знаменателя под разношерстную коалицию времен Второй мировой войны, состоявшую из капиталистических США, коммунистического СССР, монархической Англии, республиканской Франции и националистического Китая Чан-кай-шека. Другой испанский философ, Юлиан Марияс утверждал, что этот общий расплывчатый идеологический знаменатель (в конечном итоге сводящийся к ритуалам голосования) с тех пор применяется всеми государствами входящими в ООН. Все государства, являющиеся членами ООН, *ипсо факто* считаются формально демократическими, утверждал Марияс в ряде своих статей в буэнос-айресской газете *Ля Насион* много лет тому назад. Некоторые государства даже употребляют этот термин в своих именах, как это делает *Корейская Народно-Демократическая Республика*. (В данном случае, выражение «народ» употребляется три раза, ибо в слове *республика* тоже присутствует его латинский корень). Эта последняя метеморфоза понятия *демократии* до сих пор является самой фантастической.

Перманентно обеспечить на практике достижение большинства голосов на выборах тоже оказалось весьма сложным. Посему были придуманы соответствующие методы для преодоления такой трудности. В результате, почти вся государственная деятельность в неodemократиях в конечном итоге в основном сводится к выборам и к их подготовке, а затем, зачастую, и к оправданию или к оспариванию их результатов. Кроме того, другая основная характеристика современной метаморфозы демократии заключается в выборах по спискам кандидатов, которые в большинстве случаев требуют колоссальных расходов, с широким применением коммерческих приемов пропаганды и маркетинга, ничего общего с политическим представительством не имеющих.

Если единственным условием для достижения власти являются выборы, то естественно, что для успеха на выборах будет сделано всё возможное и невозможное. При этом, сами выборы и подготовительные к ним процессы циклически повторяются через короткие промежутки, например в Аргентине и США каждые два года, так что правители и законодатели больше заняты выборами, чем управлением. Как говорят, самым важным условием для того, чтобы стать президентом современной демократии, необходимо в первую очередь уметь быть выбранным, а лишь затем уметь хорошо управлять государством. В результате, получается, что современные демократии потворствуют демагогам, а не опытным правителям, что благоприятствует возникновению широко разветвлённой повальной коррупции, и даже nepотизма, особенно в тех странах, в которых не существуют или были уничтожены **предыдущие социально-политические структуры**. Горькими примерами этому служат недемократические системы в большинстве новых государств Африки и Латинской Америки.

Эти современные демократические метаморфозы в конечном итоге ведут к абсурдным aberrациям, как, например, в случае систематической повальной коррупции в Бразилии, главным образом на верхах исполнительной и законодательной властей, не только для обогащения политиков, но и для необходимого функционирования самой избирательной системы, требующей колоссальных средств. Недавно были опубликованы предположения об общей сумме коррупции на верхах политических структур Бразилии за последние десятилетия, выражающиеся не в миллионах, а в миллиардах долларов. Аналогичные размеры коррупции в последнее время приписываются в печати также и предыдущим аргентинским режимам. Недавно, один видный африканский политик заявил, что коррупция в африканских демократиях за последние десятилетия превысила размеры суммы всех международных планов помощи этим странам за это время.

Положительной реакцией несомненно являются попытки судебных властей в некоторых странах (властей **не избираемых**, а назначаемых), как-то сопротивляться этим процессам вырождения. Первой страной, где это произошло, была Италия, где движению судей «*мани пулите*» (чистые руки) удалось ликвидировать полностью две самые влиятельные итальянские политические партии христианских демократов и социалистов, уличив многих из их вождей в систематической коррупции. В Бразилии тоже происходят аналогичные процессы. Не только удалось удалить с президентского поста Дильму Руссеф, но были воздвигнуты обвинения и против предыдущего президента, а также и против назначенного парламентом вместо неё нового президента. Однако, парламент отклонил небольшим большинством просьбу прокуратуры лишить иммунитета нового президента, который после этого заявил, что восторжествовало «демократическое государство».

Очевидно, что исторический пробег современных моделей демократий подходит к своему неизбежному концу. Уже Аристотель подметил, что эти процессы естественно чередуются. За вырождением, часто наступает возрождение, с помощью циклического **возврата к хорошим моделям**, при известных новациях. В противном случае, неизбежно наступает конец всего пробега, как в Афинах, что Аристотель мог лично наблюдать. +

## **Кризис клептократий**

***Конец двух псевдоморфоз западной цивилизации: После краха социализма – терминальный кризис либерализма***

### **Современные перманентные кризисы либеральных демократических режимов**

Ведущая аргентинская ежедневная газета «Ля Насион», либерального толка, основанная 149 лет тому назад, публикует 8 июня с. г. список 170 обвиняемых по этом делу, состоящий из предпринимателей и государственных служащих, в том числе и бывших

министров. (Среди обвиняемых имеются сторонники социалистических и либеральных идеологий, так что в данном случае можно отметить некую конвергенцию этих двух господствующих сегодня в мире идеологий, **конвергенцию под сенью золотого тельца**, сегодня часто принимающего форму доллара). За день до этого, 7 июня, аргентинская газета на немецком языке *Argentinisches Tageblatt*, выходящая регулярно с 1889 года, посвящает этой теме свою редакционную передовицу..

Предыдущих двух конституционных президентов Аргентины, Карлоса Менем и Фернандо Де ля Руа, тоже судили по обвинениям в разных видах коррупции. Одного из них нашли виновным, но он не сидит в тюрьме, из-за своего возраста. В Бразилии предыдущих демократических президентов тоже недавно судили за коррупцию. Одного из них. Люиза Игнатия Лула да Сильва, даже присудили нв срок в десять с лишним лет тюрьмы, и он в настоящее время сидит в тюрьме, а его преемницу Дильму Русев еще судят. В Перу несколько предыдщих свободно избранных конституционных президентов тоже судили, и некоторые из них сидели довольно долго в тюрьме.

Интересно, что это явление не является случайным, а системным, и повторяется систематически в разных странах с партийными системами. Его нельзя оправдывать латиноамериканским характером вышеназванных стран, ибо это явление можно наблюдать и во многих других странах, ибо оно не зависит от стран, а от политической системы. Например в Италии, судебные процессы против возглавителей ведущих демократических партий не только обезглавили главные политические партии Италии, но и привели к полной перемене политического спектра этой страны. В результате этих антикоррупционных процессов, самоликвидировались самые большие послевоенные политические партии Италии: Христианских демократов, социалистоа и комунистов. Да и в серьёзной Германии, её бывший канцлер Гельмут Коль, при ком произошло объединение Германии, тоже был под судом, ибо получил от анонимных жертвователей неофициально около миллиона евро, для финансирования предвыборной кампании. Причем, он не присвоил себе эти деньги, а внёе их в кассу своей партии, но не официально, а подспудно. Суд его осудил назвать имена этих политических взяточников, но Коль отказался, и тогда суд осудил его заплатить штраф на ту же сумму. Это был большой скандал в Германии, тем блее, что Коль не имел денег, чтобы заплатить этот щтраф. Тогда его друзья оганизовали публичную подписку жертвователей, для оплаты этого судебного штрафа. Это тогда привело к кризису в его партии Христианских демократов, частично помогшему выплить на верхи партии бывшей протезе Коля Ангеле Меркель, тогда отвернувшейся от своего благодетеля. Во Франции тоже происходили судебные расследования обвинений в коррупции бвашего президента этой страны. Недавно в Австрии разразился большой скандал в связи с обнародованием одного фильма, снятого тайно, в котором один министр этой респубики ведёт оазговоры о взятках для своей партии. В результате. правительство Автрии подало в отставку. был распущен её парламент и были объавлены новые выборы, а президент Австрии Александр ван дер Белен (сын русских эимгрантов) назначил баспартийное временное правительство из специалистов. Даже в серьёзной Швейцврии, имеющей несколько иную структуру своей верховной власти, вспыхнул скандал, ибо оквзалось, что судьи этой страны отдают часть своих жалований политичесим партиями, ибо таковые их назначают.

Эта **коррупционная система партийных демократий** в некоторых странах стала неотъемлемой частью их политической жизни, ибо приняла всепроникающий и всеобщий характер, практически с круговой порукой не только всех участников коррупции, но также и многих их партийных товарищей. В некоторых странах эта коррупционная истема вошлп в секретную связь с негласными мафиозными структурами, и даже с сетью торговцев наркотиками.

Бороться с такой системой коррупции партийных демократий, достигшей на практике большой виртуозности, в большинстве случаев оказалась невозможным, ибо она имеет связи не только на верхах политичекой власти, но частично проникла и в судебные

структуры. Однако, перспективы на возможность сопротивления этой злокачественной системе были открыты именно судебной властью в Италии, не выбираемой на короткие сроки, а назначаемой пожизненно. Это так называемая акция «чистых рук» (*mani pulite*), когда один судья в северной Италии решил посадить в тюрьму, уже во время или даже в самом начале следствия подозреваемых в участии в коррупционных махинациях. Им было сказано, что если они выдадут своих сообщников, их выпустят из тюрьмы. Эту же систему начали несколько лет тому назад применять с большим успехом некоторые судьи в Бразилии, а теперь и в Аргентине. В настоящее время в Аргентине сидит под следствием в тюрьме несколько десятков обвиняемых, и имеется несколько десятков освобождённых свидетелей, которые дали исчерпывающие свидетельские показания. Среди обвиняемых есть бывшие министры и бывшие высокопоставленные бюрократы, а не только предприниматели, олигархи и дельцы.

Оказывается, без коррупции почти невозможно финансировать расходы, необходимые для избирательных процессов, предписанных современными конституциями. Государство отпускает кое-какие суммы на них, но этого весьма мало, чтобы оплатить все расходы по предвыборной пропаганде по всей стране, ибо кандидатуры на верховную власть имеют общегосударственное значение. Эта **партийная система** современных демократий, и вытекающая из неё **коррупционная система** для её финансирования, является незаживающей язвой современных демократий западного типа.

Она тесно связана с двумя бредовыми идеологиями современной западной цивилизации: **социализма и либерализма**. Социалистическая теория, требует больших расходов для перераспределения имущества среди разных классов населения, при плановом хозяйстве в государстве. Обе эти цели требуют большой непроизводительной и нерациональной бюрократии, склонной к коррупции. Либерализм и особенно порожденный им неолиберализм подчиняют всю жизнь общества чисто материальным целям, но тоже с большими бюрократическими расходами и с выше описанными расходами по выборам. В конечном итоге, приходится прибегать к теории бездонного государственного бюджета, подпитываемого выпуском центральными банками бумажных денег, не только без покрытия, но и без конкретного ограничения.

Эти две политическо-идеологические системы вытекают из их общего материалистического мировоззрения, которое итальянский коммунистический мыслитель Антонио Грамши назвал **«имманентизмом»**, т. е. отрицанием всех трансцендентных ценностей. Интересно, что Грамши, сам будучи коммунистом, включает в эту свою систему также и английский экономический либерализм. (См. Русские тетради № 16, от апреля 2013 года). Это мировоззрение можно также назвать **«поклонением золотому тельцу»**, каковое впервые проявилось уже в Ветхом Завете. Эти общие мировоззренческие причины проявляются в истории через ряд социологическо-политических кризисных процессов, иногда весьма сложных, но во многом аналогичных.

## **Общие причины цивилизационных кризисов, согласно анализам русских мыслителей**

В «Русских тетрадях» № 29, в статье *Теория политической легитимности испанского философа Хосе Ортега-и-Гассет*, подробно разбирается утверждение Ортеги, что цивилизационные – и в конечном итоге исторические – кризисы возникают главным образом в результате раскола верований в обществе. Это утверждение содержится в посмертно изданном труде Ортеги *«Одна интерпретация мировой истории»*, являющемся собранием его двенадцати лекций, прочитанных им в 1948–1949 годах в Мадриде, посвященных критике монументального труда английского историка и эллиниста Арнольда Тойнби *Исследование истории*. Центральной темой этих лекций Ортеги, по его собственным словам, является *«анализ жизни, превращенной в нелегитимность»*, анализ который Ортега делает на основании *«двух гигантских примеров нелегитимности, каковыми являются времена упадка Римской Республики и сегодняшние времена»*.

Однако, кроме этих двух примеров нелегитимности, бывших причиной цивилизационных упадков, Тойнби указывает на еще одну причину подобных кризисов, а именно на **коллапс псевдоморфоз**, то есть **чуждых цивилизационных форм**, в которые иногда облакают себя некоторые цивилизации, в некоторые периоды своего существования.

Выражение *псевдоморфоза* по отношению к истории впервые употребил Освальд Шпенглер в своем труде *Der Untergang des Abendlandes* (буквально: *Закат Запада*), который был впервые опубликован сто лет тому назад в Германии. Он назвал «псевдоморфозой», или «*фальшивой формой*», смешанную греко-критскую культурно-политическую модель, которую принято называть крито-микенской культурой, по городу Микены, на Пелопоннесе, бывшего столицей легендарного греческого вождя во время войны с Троей, Агамемнона. Эта модель просуществовала от XV до XI веков до Р. Х. Она была имитацией чужих технологий и чужих форм, вернее **сковыванием собственного быта чужими формами**. В рамках этой псевдоморфозы, в Древней Греции стали возникать и развиваться первые *полисы* (политические союзы городов с окружающими их поселениями), но с **чужими политическими формами и структурами**, вытеснившими и заменившими первобытный индоевропейский соборный политический строй греческих племён. Так, самобытные племенные князья (*василевсы*, в русской литературе часто именуемые также *царями*) превратились во властителей с чужим характером, часто с чужим именем *тиранов*.

Афинский полис возник в середине второго тысячелетия до Р. Х. Вскоре он оказался в рамках крито-микенской метаморфозы, как и большая часть континентальной Греции. Около 1200 года, Афинский полис, по-видимому, добился своей политической и культурной независимости от крито-минойской цивилизации. Согласно легенде о Минотавре, Тесей, являвшийся сыном афинского царя (василевса) Егея, освободил Афины от зависимости и от уплаты дани минойской монархии на Крите. Тесей был тринадцатым по счёту василевсом (царём) из числа двадцати царей Афин, частично легендарных и полумифических. Тесей тоже был легендарной и частично мифологической личностью. После Тесея в Афинском полисе было еще семь возглавителей с титулом царей, а затем таковые стали именоваться *архонтами*.

Тесею одновременно приписывается и объединение Афин с соседними двенадцатью деревенскими поселениями Аттики, в которых для этого были упразднены местные религиозно-политические инстанции, и перенесены в один общий центр, в Афины. По-видимому, при этом учредительном акте, который сами афиняне затем называли *синекией* (*сожительством*), происходит некоторое восстановление домикенских (т. е. индоевропейских) соборных родовых и племенных политических структур. Упразднение местных инстанций в поселениях также требовало учреждения каких-то новых представительных инстанций в центре.

Аристотель утверждает, что именно при Тесее в Афинах впервые политически проявляется народный элемент, который он в одной и той-же фразе называет сперва *демосом*, а затем *охлосом*. Так начинается преодоление предыдущей крито-микенской монархии в Афинах, которая хотя и была частично ограничена аристократией, но без участия народных элементов, всё-же она не сохраняла ни дух ни форму исконного индоевропейского политического соборного строя греков.

Приблизительно через сто лет после Тесея и легендарного освобождения Афин от уплаты дани Криту, около 1150 – 1100 годов в Греции повсеместно наступает крах крито-микенской псевдоморфозы. Согласно Арнольду Тойнби, это произошло в основном по причине **чрезмерных милитаризма и бюрократизма** крито-микенских структур, не выдержавших натиска новой волны греческого племени дорийцев, ворвавшихся с севера. Происходит разрушение микенских дворцов, ликвидация дворцовой бюрократии и потеря греко-минойской линейной письменности на табличках. После такой катастрофы, типичной для псевдоморфоз, в Греции наступают т. н. «тёмные века». Тойнби считает, что,

во время этих тёмных веков, Греция **забывает чужие и начинает возрождать свои собственные политические формы и возвращаться на свои собственные пути**, однако не отбрасывая при этом огульно все чужие достижения, но перерабатывая некоторые из них на свой лад. Благодаря этому, считает Тойнби, при выходе из этих тёмных веков, в Греции начинается её самый блестящий период: период классической эллинской культуры. Значит, можно прийти к заключению, что глубокие цивилизационные кризисы могут быть вызваны не только мировоззренческими расколами верований, в рамках самих этих цивилизаций, как утверждает Ортега, но также и коллапсом их псевдоморфоз, то есть чуждых им структур и форм, в которых они, так или иначе, оказались замкнутыми, как считает Тойнби. Однако, можно заметить, что для того, чтобы подпасть под ярмо чуждых структур и форм, не важно накинутых извне, как ярмо, или же самоизбранных, необходимо самому предварительно сильно ослабеть, под влиянием расколов в собственных верованиях, так что, в конечном итоге, гипотеза Ортеги всплывает и в этом случае.

Русский учёный, эмигрант Михаил Иванович Ростовцев (Киев 1870 – США 1952) указывает на еще одну причину цивилизационных кризисов и следующих за ними коллапсов. Он считает, что коллапс Римской Западной Империи в V веке был в основном вызван предварительным **коллапсом творческих сил римской элиты**. Ортега соглашается с этим мнением Ростовцева и даже утверждает, что **без исторического анализа этого русского эмигранта нельзя понять коллапса Западной Римской Империи**. Другой русский учёный эмигрант, Михаил Валерианович Зызыкин (1880 – 1960, скончавшийся и похороненный в Аргентине), обратил внимание на то, что начало периода военных императоров в Риме совпало с началом упадка империи и с **концом верховной власти Римского Сената**, учреждённого в самих истоках Римского Государства. Однако, этот конец верховной власти Римского Сената тоже был результатом сперва раскола верований в римском обществе, а затем и коллапса этих верований. Зызыкин пишет:

*«Вопрос о том, кому подчиняться, в каких пределах, во имя чего, ставится и в современной Европе, стоит и перед нами русскими. Ища уроков в истории, взор невольно останавливается перед характером того решения, которое было дано этому вопросу римским гением в течение страшного кризиса III века нашей эры, явившегося **следствием уничтожения исконной власти Сената военными бунтами**. Римский Сенат был той **традиционной властью**, которая в течение веков руководила государством и довела его до величайшей мощи, и в течение I и II века, когда республика превратилась в Империю, эта власть стояла на страже законности и своим избранием узаконила власть императоров. Цель и назначение Великой Империи было внесение в мир **начал справедливости и рационального права**. Это было воплощение Аристотелевского учения о том, что стремлением государства должно быть не богатство, не могущество, а **добродетель**. И ещё в начале III века процветали наука, искусства, архитектура, литература, образование, земледелие, промышленность, торговля. Но в конце того же века **исчезла и управлявшая государством аристократия**, разорившаяся и **утратившая традиции**, исчезла и цветущая цивилизация, созданная веками, ибо в результате анархии явилось всеобщее понижение интересов, экономическое разорение и уменьшение населения. Причиной этой грандиозной перемены было именно **уничтожение традиционной власти**. Когда после революции 235 года римские легионы свергли императора Александра Севера, настало время, когда один император свергался за другим меняющимся настроением легионов и переменным успехом постоянных гражданских войн. Если раньше законность Императорской власти определялась избранием традиционного учреждения, то теперь она являлась результатом силы, случая, настроения, и жизненный строй потерял всякую устойчивость. **Исчез принцип законности.**» (М. В. Зызыкин. Патриарх Никон. Варшава, Синодальная типография, 1931).*

Значит, цивилизационные кризисы могут иметь разные причины, но все они, так или иначе, тесно связаны с **расколами традиционных верований в обществе**. Причем, одна

из выше отмеченных причин, а именно **гегемония той или иной псевдоморфозы**, может вызвать даже **два раза** кризисную ситуацию: **первый раз во время насильного накидывания этого ярма на его жертву, а затем в момент ломки или краха этого ярма**, т. е. этой псевдоморфозы. Часто такой крах псевдоморфозы влечёт за собой и гибель его жертвы, но иногда этот крах является предпосылкой для её возрождения и даже преобразования, как в случае Афин.

М. В. Зызыкин не только обращает внимание еще на одну дополнительную причину цивилизационных кризисов, кроме причин указанных Ортегой, Тойнби и Росотовцевым, а именно на **уничтожение исконной власти**, но также и выдвигает гипотезу, что **все эти причины неразрывно связаны между собой**. Если причина изсякания творческих сил у элиты ведёт также и к экономическому застою, как утверждает Ростовцев, то в свою очередь этот застой подтачивает политическую систему. С другой стороны, вырождение политической системы и нравственные кризисы в обществе в свою очередь сильно затрудняют здоровый экономический прогресс. Даже при применении вобщем правильных экономических мер, некоторые страны никак не могут окончательно преодолеть свои экономические кризисы, ибо в них сильно распространена коррупция на уровне государственных и общественных структур, из-за **несоответствия этих структур исконному быту** и традиционным историческим верованиям их народов.

### **Кризисы цивилизаций не всегда обозначают их конец**

Другой русский ученый эмигрант, Питирим Александрович Сорокин (1889 – США 1968), основоположник русской и североамериканской социологий, изгнанный в 1922 году большевицкой властью из России (в США его считают «отцом североамериканской социологии») сводит все цивилизации к **трём «самым большим идеологическим сверхсистемам: идеациональной, идеалистической и чувственной»**. Эти «сверхсистемы» определяются в зависимости от их отношения к *«конечной природе настоящей действительности и настоящей ценности»*, ибо *«проблема конечной природы настоящей действительности и настоящей ценности является крайней и самой общей проблемой мысли»*. Сорокин приходит к важному заключению: **«Во всей истории человеческой жизни, культурные системы и сверхсистемы имеют периоды роста и упадка. Вопреки мнениям Шпенглера и других авторов, многие системы и сверхсистемы переживают различные периоды роста и упадка»**.

**Значит, говоря о «закате», необходимо пояснять, имеется ли ввиду вся цивилизация, как таковая, или лишь её современный период.** В последнем случае, цивилизация продолжает существовать, но меняет свою сверхсистему, в последнее время господствовавшую над ней. Меняет она эту сверхсистему именно для того, чтобы не «закатиться» вместе с ней. При удачной перемене даже может произойти **возрождение** такой цивилизации. Однако, при этом нельзя забывать, что «возрождение» предполагает **память** о своем первоначальном **«зарождении»**. **Россия еще помнит свое зарождение, но Запад уже стал его забывать**, причём забывать преднамеренно и систематически, а также и расписываться в этом.

Согласно Сорокину, **«идеациональные»** культуры исходят из предположения, что *настоящая действительность и настоящая ценность* имеют свои корни в **сверхчувственном и сверхрациональном бытии**, то есть в Боге, любой религии. Эти культуры можно было бы также назвать «трансцендентными». **«Идеалистические»** культуры считают, что *настоящая действительность и настоящая ценность* бесконечно разнообразны, обладая частично идеациональным и частично сенсорияльным характером. (Эти культуры можно было бы назвать также «смешанными» или «интегральными».) **«Сенсорияльные» (чувственные)** культуры имеют своей предпосылкой, что *настоящая действительность и настоящая ценность* имеют исключительно **чувственный** характер и, что вне ценностей и вне действительности, воспринимаемых нашими чувствами, не существуют иные ценности и иная действительность. Эти культуры можно было бы

назвать также «материалистическими» или «**имманентными**», пользуясь в этом последнем случае терминологией итальянского марксистского мыслителя Антония Грамши. Сорокин считает, что эллинская (греческая) цивилизация до V века до Р. Х. была «идеациональной», в V веке стала «идеалистической», а с IV века до Р. Х. до III века после Р. Х. «сенсориальной». Затем она снова, с принятием христианства, становится «идеациональной». Подобные исторические наблюдения Сорокин распространяет и на другие культуры (египетскую, китайскую, индийскую и т. д.). Западная культура, согласно Сорокину, до XIV века включительно была «идеациональной», в XV веке она была «идеалистической», а с XVI века стала сенсориальной и материалистической, главным образом «**капиталистической**».

Однако, подобные определения относятся лишь к **большинству** культурных проявлений цивилизаций, но отнюдь не ко всем. Например, подчеркивает Сорокин, было бы совершенно неверно считать, что все составляющие элементы современной западной культуры на все 100 процентов являются «капиталистическими». *«Капитализм является лишь одной из многих подсистем **большой сенсориальной северхсистемы**, которая стала господствовать над западной культурой в течение последних веков».* (Pitirim A. Sorokin. Society, culture and personality, глава XXXIX).

В свою очередь, Данилевский приходит к заключению, что творческие фазы самобытных **культурно-исторических типов** иссякают, **когда иссякают возможности дальнейшего специфического исторического продвижения каждой из них**. Каждый культурный тип развивается, исходя из некоторых ему присущих принципов, которые он должен попытаться довести до их полного **цветения**. В этом отношении, культурные типы аналогичны *«многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но **период цветения и плодоношения** – относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу».* (Россия и Европа).

Таким образом, согласно Данилевскому, история человечества подвержена **закону периодичности**, ибо каждый культурный тип в действительности представляет собой один неповторимый исторический период. Кульминация или, вернее, **период цветения** каждого культурного типа, является **апогеем** соответствующего цикла. Однако, общий хронологический пробег каждого культурного типа **не** преддетерминирован.

Предыдущая и последующая фазы, по отношению к культурному цветению, любой культуры могут пересекаться и совпадать с фазами других культур, однако отличительный частный характер каждой культуры определяется её апогеем («цветением»), каковой не совпадает и не может быть спутан с апогеями других культур. Кроме того, временное совпадение некоторых сегментов различных культурно-исторических типов не должно быть истолковано как поглощение одной культуры другой. Еще меньше можно проводить насильную классификацию отдельных этапов одной культуры в рамках этапов другой.

Шпенглер по-видимому не был знаком с этой теорией Н. Я. Данилевского. Он сам считает себя последователем Гёте и Ницше, и придерживается натуралистического и биологического миропонимания. Он считает, что **действующие в истории человечества культуры аналогичны живым организмам**, а посему они тоже подвержены биологическим процессам роста, старения, упадка и смерти. Он предлагает схему **«четырёх возрастов культур»**, основываясь на его анализе восточной, античной, арабской и западной культур. Эти четыре возраста соответствуют **четырем временам года**: Весна – это мифологическо-мистический период; лето – это начало философских рассуждений, развитие математики и рационалистическое обеднение религии; осень – это период веры в силу разума; зима – это материалистические концепции и скептицизм. Все исторические культуры морфологически аналогичны, а посему все они проходят через аналогичные периоды (фазы). Шпенглер насчитывает в человеческой истории всего десять таких культур (цивилизаций).

Приблизительно через два десятилетия после выхода в свет **«Заката Запада»** Шпенглер, другой немецкий философ, Вальтер Шубарт (Walter Schubart, 1897 – 194?)



продолжает этот анализ Шпенглера. Конечно, его труд **«Европа и душа Востока»** («Europe und die Seele des Ostens»), вышедший в 1938 году в Швейцарии (куда он бежал от национал-социализма), нельзя полностью сопоставлять с трудом Шпенглера, ибо последний был шире по своему содержанию и солиднее по анализируемому историческому материалу. Однако Шубарт вносит в разбор этих тем некоторые новые понятия и открывает новые горизонты, до него игнорированные.

Вместо «четырёх возрастов культуры» Шпенглера, Шубарт говорит о **«четырёх зонах»**, или о **«четырёх прототипах»**: гармоническом, героическом, аскетическом и мессианском. Воплощением прототипа гармонического человека в Западной Европе была **«готическая эпоха»**, от XI до XVI века. Между 1450 и 1550 годами происходит переход в **«прометеевскую эпоху»**, стоящую под знаком героического прототипа. Значит, согласно Шубарту, отдельные цивилизации, проходя через разные эпохи своего существования, **меняют свой характер** (прототип).

Сегодня возмещается **«иоанническая эпоха»**, несущая человеку мессианский прототип, считает Шубарт, и добавляет, что «Иоанническая эпоха» будет **эпохой славян**. Шубарт утверждает, что **современная западная цивилизация принадлежит к «прометеевской эпохе», которую ждёт скорый конец**. Переход западной цивилизации в **«иоанническую эпоху»** возможен только лишь при помощи, полученной извне её самой. В данном случае, единственным источником для такой потенциальной помощи сможет быть только лишь традиционная **культура России**, считает Шубарт.

Шубарт хорошо знал русскую культуру и, в частности, русскую философию и литературу. Будучи немцем, он женился на русской эмигрантке, что несомненно повлияло на расширение его культурного и исторического горизонтов. Его судьба трагична, как и судьба многих благонамеренных людей XX века. С приходом к власти в Германии Гитлера и нацистов, Шубарт был вынужден эмигрировать. Со временем он оказался в Прибалтике. С приходом коммунистов к власти в Прибалтике, они предложили ему сотрудничать с ними. Вследствие его отказа, Шубарт был арестован, сослан и скончался в ссылке.

## **Современные кризисы вызваны коллапсом псевдоморфоз**

После такого сложного обзора разных анализов общих причин цивилизационных кризисов, среди которых особенно важными являются анализы русских мыслителей, можно обратить внимание на непосредственные конкретные причины современных кризисов современной Западной цивилизации.

Эта Западная цивилизация **покоится на двух порочных идеологиях: либерализме и социализме**, каковые, в свою очередь, являются лишь двумя лицами одного и того-же порочного мировоззрения, обозначенного итальянским мыслителем А. Грамши, как **имманентизм**, почти одновременно с Питиримом Соокиным.

Однако, этим двум идеологиям, почти с первого-же момента их первого реального осуществления на практике, пришлось отречься на практике от своих идеологических декламаций, хотя и без отказа от своих первоначальных позиций. Коммунизм сменил свою проповедь **отказа от государства** и установления безклассового общества на учреждение самого тоталитарного и **самого бюрократического государства** в истории человечества, управляемого не «любой кухаркой», как сказал Ленин, а **многочисленной** закрытой и весьма привилегированной номенклатурой. А либерализм подменил свою проповедь свободной экономической деятельности, регулируемой лишь одним свободным рынком, на **тотальную зависимость денежных и торговых операций от государственной регламентации и государственных санкций**.

Сегодня мы наблюдаем в мире конец исторического пробега этих двух идеологий, а значит и **коллапс этих двух псевдоморфоз золотого тельца**, накинутах как ярмо на многие народы мира.+